

[Polaris]

Ричард Марш

ЖУК

Том I

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCVI

Salamandra P.V.V.

**Ричард
Марш**

ЖУК

Том I

Перевод с английского
Е. Янко

Salamandra P.V.V.

Марш Р.

Жук. Пер. с англ. и прим. Е. Янко. Послесл. А. Шермана. Том I. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. — 185 с.— (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCVI).

Впервые на русском языке — один из самых известных викторианских романов ужасов и одно из центральных произведений английской готической традиции, «Жук» Ричарда Марша, история древнего фантастического существа-оборотня, ставшего кошмаром жителей Лондона. «Жук», вышедший в свет в 1897 г. одновременно с «Дракулой» Б. Стокера, в свое время был настолько популярен, что оставил далеко позади роман классика вампирского жанра и за тридцать лет выдержал 24 издания. В наши дни «Жук» — истинная энциклопедия викторианских страхов — вновь привлекает растущий интерес читателей и исследователей.

© Y. Yanko, перевод, примечания, 2017

© A. Sherman, послесловие, 2017

© Salamandra P.V.V., оформление, 2017

The Beetle

A Mystery

Richard Marsh

ЖУК

Таинственная история

Книга первая

ДОМ С ОТКРЫТЫМ ОКНОМ

Удивительный рассказ
Роберта Холта

Глава 1

Снаружи

— Мест нет!.. Все занято!

Он захлопнул дверь перед моим носом.

Это стало последним ударом.

Весь день проскитаться в поисках работы, умолять даже о такой, чтобы полученных денег хватило хотя бы на скудную пищу, и при этом ходить и просить понапрасну — казалось бедой. Но совершенно вымотаться, измучиться телом и душой, изнуриться от голода и усталости и в конце концов быть вынужденным засунуть остатки гордости куда подальше и кланяться, как нищий, бездомный бродяга, которым я по сути являлся, приюта в ночлежке — и получить от ворот поворот! — было хуже. Гораздо хуже. Хуже, наверное, и быть не могло.

Я оцепенело уставился на только что захлопнувшуюся передо мной дверь. В голове не укладывалось, как подобное вообще случилось. Я совсем не ожидал, что меня примут за попрошайку; но если предположить, что я все же смог пасть настолько низко, этому отказу впустить меня в сие бесславное обиталище, этот ночлежный дом, было суждено повергнуть меня в такие глубины отчаяния, что не являлись мне в самых страшных снах.

Я стоял и размышлял о том, что делать дальше, и тут из мрака у стены ко мне склонился человек:

— Что, не пускает?

— Говорит, мест нет.

— Значится, мест нету? Дык это ж Фулхэм — тут всегда так говорят. Лишних им тут не надоть.

Я покосился на собеседника. Голова его была опущена, руки в карманах, одет в лохмотья, голос охрип.

— Иными словами, тут говорят, что мест нет, но они есть, и меня просто не желают впускать, хотя могут?

— Точно, дурят тут твоего брата.

— Но если места есть, разве меня не обязаны впустить?
— Конечно, обязаны, и, черт побери, я б на твоём месте им спуску не дал. Ох, не дал бы!

Он разразился потоком проклятий.

— Но мне-то что делать?

— Как что, давай, покажи-ка им, пущай знают, что тебя на мякине не провести!

Я помешкал, но затем, следуя его совету, опять позвонил в колокольчик. Дверь широко распахнулась, на пороге стоял тот же седовласый оборванец, что открывал мне в прошлый раз. Возглавляй он попечительский совет, с большим презрением обратиться ко мне ему бы не удалось.

— Что, опять ты здесь! Чего это ты тут удумал? Вообразил, что у меня и дел иных нет, как тебе подобных привечать?

— Я хочу, чтоб меня пустили!

— А вот и не впустят!

— Мне нужен кто-нибудь из начальства.

— А я разве ж не из него?

— Мне нужен кто-то поглавнее — позовите управляющего.

— А вот и не позову!

Он быстро потянул на себя дверь, но я, приготовившись к подобному маневру, успел подставить ногу, чтобы он не смог закрыться изнутри. Я вновь обратился к нему:

— Вы уверены, что в приюте нет мест?

— Уже два часа как нет!

— И как же мне быть?

— А мне почем знать, как тебе быть!

— Где здесь ближайший работный дом?

— В Кенсингтоне.

Говоря это, он внезапно распахнул дверь, высунул руку и столкнул меня с крыльца. Не успел я опомниться, как дверь захлопнулась. Человек в лохмотьях продолжал угрюмо наблюдать за происходящим. Вскоре он заговорил:

— Чудный малый, не находишь?

— Да он же просто один из бедняков, разве есть у него право тут распоряжаться?

— Скажу тебе, кое-кто из этих бедных похужее всякого служаки будет, ох уж похужее! Думают, что это ихний собственный дом, черт побери, точно! Да уж, в — да славном мире мы живем!

Он замолчал. Я все мешкал. Какое-то время в воздухе носился запах дождя. И вот закапало — пошла мелкая, но частая морось. Именно ее не хватало, чтобы чаша моего терпения переполнилась. Мой товарищ смотрел на меня с угрюмым любопытством.

— Неужто совсем деньжат нету?

— Ни фартинга.

— Частенько так попадаешь?

— В первый раз пришел в ночлежку — но, кажется, и сюда теперь не впустят.

— Я так и понял, что ты из новеньких... Делать-то что станешь?

— До Кенсингтона далеко?

— До рабочего-то дома?.. мили три, но на твоём месте я б потопал в Святого Георгия.

— Он где?

— На Фулхэм-роуд. В Кенсингтоне заведение маленькое, но неплохое, вот оно и битком, стоит только дверь раскрыть; в Святом Георгии тебе скорей подфартит.

Он умолк. Я размышлял над его словами, не чувствуя ни малейшего желания идти ни в первый приют, ни во второй. Вдруг он заговорил снова:

— Я из Рединга притопаю... нынче... на своих — на двоих! И всю дорогу я о том, как в Хаммерсмите заночую, думал... да вот так я дотуда и не дошел! Край у нас — да славный, да уж, притопить бы всех его — обитателей в — море, черт побери, точно! Я теперь отсель ни шагу... иль меня в Хаммерсмите кладите в постель, иль была не была.

— И что вы намерены делать; у вас что, деньги есть?

— Деньги?.. Боже правый!.. Неужто похоже, что есть? Неужто ты это из разговора смекнул?! Да последние полгода карман пуст, разве что медяк изредка звякнет.

— И как вы тогда собираетесь устроиться на ночлег?

— Как собираюсь?.. а вот как. — Он взял в обе руки по камню. Тот, что в левой, он швырнул в стеклянное окошко над дверью приюта. Камень влетел внутрь и разбил там лампу. — Вот как я заполучу постелю.

Дверь поспешно отворили. Опять появился седой оборванец. Вперившись в темноту, он заорал:

— Кто это сделал?

— Папаш, энто я; могу повторить, ежели хочешь глянуть, как оно вышло. Вмиг глазки раскроются.

Он не стал дожидаться, пока седовласый опомнится, и швырнул камень правой рукой в другое стекло. Я понял, что пора мне уходить. Даже попав в столь плачевное положение, я не был готов платить за ночлег ту цену, которой его зарабатывал он.

Стоило мне отойти, как на месте происшествия появились два или три человека, к которым мужчина в лохмотьях обратился с такой искренностью, что дальше уже и некуда. Я улизнул незамеченным. И когда отошел, почти пожалел, что не попытал судьбу с храбрым бродяжкой и не разбил другое окно. Колени мои, правда, подогнулись не раз и не два, когда я чуть было не вернулся совершить так и не совершенный мною подвиг.

Вряд ли мне удалось бы выбрать более неподходящую ночь для прогулки. Дождь смахивал на туман и не только промочил меня до нитки, но и мешал что-либо увидеть в двух шагах в любом направлении. Улицы тонули во тьме. Отправившись в Хаммерсмит за последним своим шансом, я очутился в совершенно незнакомом месте. Кажется, в попытке не протянуть ноги я исходил в поисках хоть какой-то работы все лондонские районы, и сейчас оставался один Хаммерсмит. Но здесь, в Хаммерсмите, меня не пропустили даже в рабочий дом!

Покинув негостеприимное крыльцо этого заведения для бедных, я свернул за первый же угол слева — и, в тот миг, был рад скрыться. В темноте под дождем местечко, в которое меня занесло, выглядело диковато. Словно я оставил цивилизацию за спиной. Тротуар был земляной, дорога неровная и ухабистая, как будто ее бросили недоделанной. Пост-

роек виднелось мало, стояли они редко. То, что мне удалось разглядеть в неверном свете среди всеобщего запустения, оказалось домишками, разваливающимися прямо на глазах.

Я не мог сказать, где именно нахожусь. Было смутное ощущение, что если довольно долго идти прямо, то я выйду где-то в районе Уолхэм Грин. Оставалось лишь гадать, сколько мне идти, никуда не сворачивая. Вокруг не было никого, кто бы мог ответить мне на этот вопрос. Я будто попал на пустошь.

Полагаю, это произошло между одиннадцатью часами и полуночью, ведь я не оставлял попыток найти работу до закрытия всех магазинов, а в Хаммерсмите, во всяком случае в ту ночь, они не закрывались допоздна. Потом я, погрузившись в отчаяние, бесцельно бродил по улицам, не зная, как быть дальше. Бесплатную еду и крышу над головой я стал искать лишь потому, что побоялся провести ночь под открытым небом без пищи: утром я тогда буду окончательно разбит и точно ни на что не сгожусь. На самом деле именно голод привел меня к двери рабочего дома. Случилось это в среду. С воскресного вечера у меня во рту не было ни крошки, я лишь пил воду из уличных фонтанчиков, разве что как-то раз в Холланд-парке я обнаружил скрючившегося у древесного ствола человека, а тот поделился со мной хлебной коркой. Я голодал три дня — и едва ли не все это время провел на ногах. И вот я понял, что если до утра ничего не поем, то просто упаду — и больше не встану. Однако где мне отыскать еду в столь поздний час в этом странном и враждебном месте; и как?

Не знаю, насколько далеко я ушел. С каждым ярдом шага давались мне все труднее. Я был измотан душой и телом. Не осталось ни сил, ни решимости. Внутри сидел все тот же жуткий голод, будто криком разрывающий меня. Отупелый и больной, я прислонился к изгороди. Если бы ко мне пришла смерть, быстрая и безболезненная, я бы принял ее как самого настоящего друга! Эту муку умирания капля за каплей было так невыносимо терпеть.

Прошло несколько минут, прежде чем я смог собраться с силами, оторваться от изгороди и продолжить путь. Я

слепо брел по ухабистой дороге. Один раз меня, совсем как пьяного, качнуло вперед, и я упал на колени. Состояние мое было столь печально, что поднялся я не сразу, едва не решив оставить все как есть, принять то, что добрые боги ниспослали мне, и провести ночь прямо там, где я нахожусь. Я уже представил, сколь длинной покажется мне эта ночь и как время будет перетекать в вечность.

С усилием поднявшись, я протащился по дороге еще, может быть, пару сотен ярдов — Господь свидетель, что они показались мне чуть не парой миль! — и мной снова овладело неодолимое головокружение, порожденное, как я понимаю, смертельным голодом. Я беспомощно проковылял к низенькой стенке, оказавшейся поблизости, на обочине. Без нее я бы рухнул наземь. Приступ, по моим ощущениям, длился несколько часов, хотя, полагаю, прошли секунды, а когда я очнулся, мне почудилось, что я вынырнул из сонного забытья — вынырнул в море боли. Я воскликнул:

— Чего только не сделаю за ломоть хлеба!

И, как в горячке, принялся озираться. Вот тут я впервые понял, что нахожусь перед домом. Небольшим. Одним из тех, что именуются виллами; они во множестве появились по всему Лондону и сдаются внаем за плату от двадцати пяти до сорока фунтов в год. Дом стоял на отшибе. В тусклом свете мне показалось, что на расстоянии двадцати-тридцати ярдов от него иных построек не наблюдается. Он был двухэтажный. На втором этаже три окна. Все плотно задернуты шторами. Крыльцо по правую руку. Перед ним деревянная калитка.

Сам дом находился так близко к проезжей дороге, что, перегнувшись через стену, я мог бы коснуться любого окна на первом этаже. Окон было два. Одно из них, в эркере, оказалось открыто: средняя рама внизу была приподнята примерно на ладонь.

Глава 2

Внутри

Я узрел и мысленно, с едва ли не сверхъестественной ясностью восприятия, так сказать, сфотографировал каждую мелкую деталь находящегося передо мною дома. А ведь за мгновение до этого мир плыл перед моими глазами. Я ничего не видел. Теперь я видел все, видел с отчетливостью воистину поразительной.

Яснее всего я видел открытое окно. Я стоял и не отрывал от него взгляда, с удивлением осозная, что дыхание начинает перехватывать. Окно располагалось так близко ко мне, совсем рядом. Всего-то и надо было протянуть руку и засунуть ее в щель. Оказавшись внутри, рука по крайней мере пребывала бы в сухости. Как же снаружи лило! Дырявое мое платье можно было отжимать; я вымок до нитки! Меня трясло. С каждой секундой дождь, казалось, хлестал все сильнее. зуб не попадал на зуб. Сырость пронизывала до самых костей.

А внутри, за этим открытым окном, наверняка было так тепло, так сухо!

Вокруг я не видел ни души. Ни единого человеческого существа. Я прислушался: не раздавалось ни звука. Я стоял в промозглой ночи один-одинешенек. Из всех Божьих тварей лишь я не смог укрыться от разверзнутых Господом хлябей небесных. И рядом не нашлось никого, кто бы наблюдал за мной, за мной следил. Чужих глаз бояться не стоило. Может, и дом пустовал; хотя нет, вряд ли. Я был просто обязан постучать в дверь, разбудить его обитателей и предостеречь их — сказать, что окно открыто. Самое малое, что они могли бы сделать, это отблагодарить меня за исполнение долга. Но если предположить, что в доме никого, тогда что было проку стучаться? Только шуметь без толку. Понапрасну будить соседей. Да если кто и оказался бы в доме, неизвестно, вознаградили бы они меня или нет. Я прошел

суровую школу жизни и знал, что мир неблагодарен. И так, я бы присоветовал им закрыть окно — это манящее окно, влекущее окно, зазывающее окно! — и в результате остался бы ни с чем, без денег, без надежды, с пустым желудком, на холоде, под дождем... Что угодно, только не это! С большим опозданием должен признаться самому себе, что повел я себя в той ситуации как последний глупец. И это будет справедливым. Вне сомнений.

Перегнувшись через низкое ограждение, я убедился, что легко дотягиваюсь до окна и комнаты. Как же там было тепло! Я ощущал разницу температур кончиками пальцев. Очень тихо я перелез через стенку у дома. Я легко уместился в пространстве между ней и окном. Земля под ногами ощущалась твердой, как цемент. Я наклонился и посмотрел в щель над подоконником. Ничего не увидел. Внутри царил крошечная тьма. Штора была поднята; я и помыслить не мог, что кто-то в доме пошел спать, не опустив ее и не закрыв окно. Я поднес ухо поближе. Как тихо было внутри! Бесспорно, дом пустовал.

Я решил еще чуть-чуть приподнять окно, пока только для беглого осмотра. Если бы меня поймали за этим, то осталась бы возможность описать обстоятельства и объяснить, что я как раз собирался бить тревогу. Только надо было действовать осторожно. В такую сырую погоду рама могла закрипеть в любую секунду.

Но ничего подобного не произошло. Окно легко и бесшумно поддавалось, будто смазанное маслом. Из-за этого я так осмелел, что поднял раму выше, чем намеревался. Честно говоря, я поднял ее до упора. Ни единый звук не выдал меня. Перегнувшись через подоконник, я просунул голову и туловище в комнату. Но не дальше. Ничего не увидел. Совершенно. Понял одно: мебели внутри, вероятно, нет. В голове складывалось правдоподобное объяснение этому предположению. Скорее всего, я случайно наткнулся на пустой дом. Все, что можно было разглядеть в темноте, подтверждало это. Что мне оставалось делать?

Ладно, если в доме никого не было, то в моем бедственном положении я, кажется, имел моральное, если не закон-

ное, право на пустующее жилье. Неужели кто-то, в ком бьется сердце, отказал бы мне в этом? Разве что наиретивейший из собственников. Воспользовавшись подоконником как опорой, я проскользнул в комнату.

Стоило мне оказаться внутри, как стало ясно, что кое-какая мебель там все же есть. На полу лежал ковер. В свое время я немало походил по хорошим коврам и толк в них знаю, но никогда нога моя не ступала на поверхность столь мягкую. Я вдруг вспомнил травяной газон в Ричмонд-парке, ласкающий и пружинящий при каждом шаге. Моим бедным, натруженным ступням после ходьбы по мокрой, неровной дороге он показался роскошью. Следовало ли мне, после того как я удостоверился, что комната по меньшей мере частично меблирована, сразу ретироваться? Или можно было продолжить разведку? Одолевал соблазн сорвать с себя одежду и, опустившись на ковер, тут же забыться сном. Однако я был зверски голоден, мысли о еде переполняли голову... все бы на свете отдал, только бы заполучить что-нибудь съестное!

Я сделал шаг-другой, осторожно, выставив вперед руки, опасаясь внезапно наткнуться на нечто невидимое глазу. Но пройдя чуть дальше и не встретив ни единого препятствия, я, абсолютно для себя неожиданно, пожалел, что заметил этот дом, что не проследовал мимо, что залез в окно, а не остался в безопасности снаружи. Ибо вдруг ощутил, что в комнате вместе со мной есть кто-то или что-то еще. Это убеждение пришло из ниоткуда; вероятно, чувства мои были слишком обострены, и потому внезапно я понял, что там я не один. Более того, я с ужасом осознал, что меня видит кто-то, кого не вижу я, наблюдает за каждым моим движением.

Я не мог представить, что это, даже предположить затруднялся. Но мне показалось, что какую-то часть моей психики вдруг поразил паралич. Должно быть, нелепо использовать столь детское сравнение, но из меня будто выпустили воздух, выпили, в физическом смысле, до последней капли, и едва ли не сразу, совершенно без предупреждения, душу мою захватило странное чувство, не ведомое мне

доселе и которое, дай бог, не посетит меня впредь, — я ощутил панический страх. Я точно окаменел, застыл на месте, не смея двинуться, боясь перевести дыхание. Я чувствовал, что вместе со мной в комнате находится нечто чуждое, нечто зловещее.

Не знаю, как долго простоял я под властью этих чар, но, конечно, времени прошло немало. Постепенно, ибо ничего не двигалось, ничего не было видно, ничего не слышалось и ничего не происходило, я понял, что пора действовать решительнее. Осознал, что хватит играть труса. И попытался спросить себя, чего именно я так испугался. Я дрожал от собственных выдумок. Кто мог, находясь в комнате, позволить мне открыть окно и свободно влезть внутрь? Конечно, только такой же трус, как я, иначе зачем попустительствовать незаконному проникновению? И раз уж мне разрешили войти, то не исключено, что позволят выйти, — и на меня нахлынуло такое сильное желание покинуть дом, что и сравнить нельзя с былым моим порывом в этот дом попасть.

Мне пришлось собраться с немалыми силами, прежде чем в душе нашлось достаточно мужества, чтобы вдохновить меня хотя бы повернуть голову; но стоило мне это сделать, как я повернул ее обратно. Что заставило меня так поступить, я, клянусь всем святым, не знаю, но я почувствовал принуждение. Сердце пыталось вырваться из груди, я слышал его стук. Меня так трясло, что я едва держался на ногах. Нахлынул новый приступ ужаса. Мой взгляд застыл, и в глазах моих, будь вокруг светло, всякий увидел бы слепой страх. Я напряженно прислушивался с почти болезненной от сосредоточения чуткостью.

Что-то пошевелилось. Чуть-чуть, столь бесшумно, что вряд ли чьи-нибудь уши смогли бы уловить этот звук, кроме моих. Но я-то услышал. Посмотрел в направлении этого движения и увидел перед собой два светящихся пятнышка. Я мог бы поклясться, что мгновением ранее их там не было. Но теперь я их видел. Это глаза, сказал я себе, да, глаза. Я слышал, что кошачьи глаза светятся в темноте, хотя никогда не видел этого, и сейчас я убеждал себя, что здесь именно они, что существо передо мной всего лишь кошка. Но я

знал, что это неправда. Знал, что вижу глаза, и знал, что они не кошачьи, но не представлял, чьи они, — не смел представить.

Они двинулись — ко мне. Создание, которому глаза принадлежали, подошло ближе. Мне так хотелось сбежать, что я бы скорее умер, чем остался на месте, однако руки и ноги более не слушались меня, они стали чужими. Глаза приближались — без единого звука. Поначалу они были где-то на уровне бедер, но вдруг раздался шлепок, словно что-то мягкое ударилось оземь. Глаза потухли — и через миг появились опять, недалеко от пола. Они вновь надвигались на меня.

Мне показалось, что обладатель глаз, кем бы он ни был, не отличался большими размерами. Сложно сказать, отчего я не поддался безумному порыву бежать прочь; полагаю, что просто не мог. Наверное, беды и лишения, обрушившиеся на меня в последнее время и в ту пору все еще меня преследовавшие, во многом повлияли на мое поведение в эту минуту и на роль, которую мне предстояло сыграть в грядущих событиях. Я всегда был убежден, что дух мой ничуть не слабее, чем у многих, да и смелости мне не занимать; но того, кого вынудили пройти чрез долину унижения и кого раз за разом окунали в реку горечи и нужды, можно заставить совершать такие поступки, о которых он в светлые моменты жизни и помыслить бы не посмел. Мне это известно по собственному опыту.

Медленно надвигались на меня глаза, необычайно медленно, покачиваясь из стороны в сторону, словно их хозяина шатало при ходьбе. Вряд ли что-то могло превзойти ужас, с которым я ожидал их приближения, разве что моя неспособность от них скрыться. Я ни на миг не отводил от них пристального взгляда — все золото мира не соблазнило бы меня закрыть глаза! — и вот они шли на меня, а я неотрывно смотрел на них сверху вниз, примерно на уровень лодыжек. Наконец они достигли моих ног. Но не остановились. Я неожиданно почувствовал нечто на своем ботинке и со смесью отвращения, страха и омерзения, мгновенно сделавшей меня совсем беспомощным, ощутил, как существо на-

чало подъем по голени, полезло вверх по моему телу. И даже тогда я не понимал, что это за тварь: она взбиралась по мне с такой откровенной легкостью, будто я лежал, а не стоял. Мне показалось, что это какой-то гигантский паук — паук из страшных снов, чудовищное порождение кошмарных видений. Существо невесомо цеплялось за мою одежду с воистину паучьей хваткой. Ох и странными были те многочисленные паучьи ножки — я чувствовал давление каждой из них по отдельности. Касание их было нежным и липким, словно они приклеивались и отклеивались при каждом своем перемещении.

Выше и выше! Существо добралось почти до пояса. Оно устремилось к моему животу. Беспомощность, с которой я претерпевал вторжение, была отнюдь не самой малой мукой в моей агонии — таким бессильным ощущает себя человек только в кошмарных снах. Я вполне ясно осознавал, что если соберусь и начну энергично двигаться, тварь с меня упадет, но тело мне не повиновалось.

Существо забиралось все выше, и глаза его горели, как два фонарика; они явственно испускали лучи света. И в этом свете я начал различать смутный силуэт его тела. Тварь оказалась больше, чем я предполагал. Ее туловище то ли слегка флуоресцировало само по себе, то ли было необычного желтоватого оттенка. Оно мерцало в темноте. Было все еще невозможно определить, кто это, но у меня складывалось впечатление, что это кто-то из семейства пауков, какой-то жуткий его представитель из тех, о которых я ничего не слышал и не читал. Тварь была тяжелой, по-настоящему тяжелой; я даже удивился, как она настолько невесомо удерживается на мне, хотя не сомневался, что в этом ей помогает клейкое вещество на концах лапок: я чувствовал его липкость. Существо поднималось по мне, и вес его рос; как же оно воняло! Я и до этого чувствовал, что оно испускает мерзкий, смрадный дух, но когда оно подползло ближе к моему лицу, я с трудом перенес его зловоние.

Тварь забралась мне на грудь. Я все сильнее ощущал неприятную пульсацию, словно тело ее вибрировало при дыхании. Передние лапки коснулись голой кожи у основания

моей шеи, прилипли к ней — смогу ли я когда-нибудь избавиться от этого воспоминания? Мне часто снится этот момент. Существо повисло на передних лапках и, кажется, подтягивало к ним остальные ножки. Оно ползло по шее, с чудовищной медлительностью, совсем понемногу, и вес его заставлял мускулы на моей спине напрягаться. Оно добралось до подбородка, притронулось к губам, а я стоял и терпел все это, оно же обьяло мое лицо огромным, склизким, зловонным туловищем и прижалось ко мне мириадами лапок. Я едва не обезумел от ужаса. Забился, будто охваченный лихорадочным ознобом. Страхнул с себя тварь. Она шлепнулась вниз. С нечеловеческими воплями я повернулся и ринулся к окну. Но нога моя зацепилась за что-то, и я плашмя растянулся на полу.

Поднявшись с немыслимой скоростью, я возобновил бегство — плевать на дождь, лишь бы выбраться наружу! Я успел положить руку на подоконник и через мгновение выпрыгнул бы через окно на улицу — и никто, несмотря на мое истощение и усталость, не смог бы остановить меня! — когда за спиной зажегся свет.

Глава 3

Человек на кровати

Я никак не ожидал, что вдруг зажжется свет. Он испугал меня, заставил на миг задержаться, и не успел я опомниться, как раздался приказ:

— Стой!

В голосе говорившего было что-то такое, чего не описать словами. Не только повелительный тон, но нечто зловещее, нечто сумрачное. Он звучал немного гортанно, и я не мог с уверенностью сказать, принадлежит ли голос мужчине; однако в том, что я уловил в нем иностранный акцент, сомневаться не приходилось. Это был самый неприятный голос, когда-либо мной слышанный, да и воздействие он на меня оказал пренеприятнейшее, ведь как только прозвучало «Стой!», я застыл на месте. Он будто не оставил мне выбора.

— Лицом ко мне!

Я повернулся, механически, как автомат. Это бессилие было хуже, чем унижительным, оно было постыдным, я прекрасно осознавал это. Душу переполнило скрытое негодование. Но в той комнате, в присутствии ее обитателя, я лишился всякой воли.

Повернувшись, я оказался перед кем-то возлежащим на кровати. В изголовье висела полка. На ней была небольшая лампа, горевшая с поразившей меня яркостью. Она светила мне прямо в глаза и так сильно слепила, что я на несколько секунд потерял зрение. Я не уверен, что оно полностью вернулось ко мне и во время последовавшего странного разговора; от невыносимого сияния перед глазами плясали темные пятна. И все же, немного погодя, мне удалось кое-что разглядеть, но лучше бы я этого не видел.

Итак, передо мной в кровати лежал человек. Я не сразу понял, мужчина это или женщина. По правде говоря, поначалу я даже засомневался, человек ли это. Но, чуть позже,

я сообразил, что это мужчина, по той простой причине, что подобное создание не могло оказаться женщиной. Одеядо было натянуто по самую шею, и из-под него торчала одна лишь голова. Человек лежал на левом боку, подперев щеку левой рукой, и не двигался, впериw в меня взгляд, словно пытался проникнуть в глубины моего сознания. Со всей откровенностью признаюсь, что ему, кажется, это удавалось. Я не сумел понять, сколько ему лет: я помыслить не мог, что глаза бывают такими древними. Скажи он мне, что живет уже много столетий, я бы обязательно поверил ему, ведь он выглядел по меньшей мере именно так. Однако я чувствовал, что он, вполне возможно, не старше меня, столь удивительно живым был его взор. Не исключено, что этот человек страдал от какой-то тяжелой болезни, придавшей ему чудовищный вид.

На его голове и лице не было ни волосинки, но, точно стремясь восстановить справедливость, кожа, поражавшая шафранно-желтым оттенком, казалась сплетенной из морщинок. Лоб, да что и говорить, весь череп, выглядел таким маленьким, что наводил на неприятную мысль не о человеке, а о животном. В отличие ото лба, нос смотрелся невероятно большим; размер его был столь необычаен, а форма специфична, что он скорее напоминал клюв хищной птицы. Самой яркой — и отвратительной! — чертой этого лица являлся практически отсутствующий подбородок. Сразу под носом виднелся рот с выпяченными губами, а вот под ним в сущности ничего не было. Это уродство — а подобное отсутствие подбородка иначе не назвать — придавало лицу вид нечеловеческий; оно — да еще глаза. Глаза у мужчины были такими приметными, что сейчас, по прошествии долгого срока, мне вспоминается, будто весь он состоял из одних только глаз.

Они занимали, в буквальном смысле, всю верхнюю часть лица: вы же помните, что личико у него было на редкость крохотное, а переносица казалась не толще лезвия. Глаза отличались удлиненной формой, и сквозь их узкие прорези как будто лучился внутренний свет: они горели подобно огням маяка. Я никак не мог укрыться от их взгляда, но стои-

ло мне попытаться поймать его, складывалось впечатление, что меня поглощает пустота. Никогда доселе я не понимал, что такое настоящая власть глаз. Они приковали меня к себе, беспомощного, зачарованного. Я подумал, что они могут сотворить со мной что угодно; да так оно и было. Глаза эти с их неотрывным взором обладали некой птичьей особенностью — они не моргали; человек этот мог смотреть на меня часами, не дрогнув веком.

Он сам начал разговор. Я безмолвствовал.

— Закрой окно. — Я исполнил приказ. — Опустит штору. — Я повиновался. — Повернись ко мне. — Я все еще слушался. — Как тебя зовут?

Я заговорил — чтобы дать ему ответ. Слова, что я производил, имели странное свойство: они исходили из меня не по моей воле, а в ответ на его призыв. Это не я хотел говорить, это он приказывал. Что он желал услышать, то я и производил. Только это — и ничего больше. На какое-то время я перестал быть человеком; моя сущность растворилась в его воле. Я представлял собой невероятный пример слепого повиновения.

— Роберт Холт.

— Кто ты по профессии?

— Конторский служащий.

— Ты и выглядишь как служащий, — сказал он с таким жгучим презрением, что даже тогда унижение чуть не спалило меня. — Служишь где?

— Сейчас я без работы.

— Ты и выглядишь как безработный. — Вновь презрение.

— Ты что, этакий вечный служащий без службы? Ты вор.

— Я не вор.

— Служащие входят в дом через окно? — Я молчал, он не приказывал мне говорить. — Почему ты залез в окно?

— Потому что оно было открыто.

— Вот как!.. Ты всегда влезаешь в открытые окна?

— Нет.

— Почему полез в это?

— Потому что промок... и замерз... и проголодался... и устал.

Слова выходили из меня одно за одним, словно он их выуживал; оно и было так.

— Дом у тебя имеется?

— Нет.

— Деньги?

— Нет.

— Друзья?

— Нет.

— Так какой же ты служащий?

Я не ответил ему — не знал, что он хочет от меня услышать. Клянусь, я пал жертвой неудач — и только. На меня обрушились беды, одна горше другой. Контора, в которой я служил много лет, обанкротилась. Я устроился работать на одного из ее кредиторов, с меньшим жалованием. Он сократил количество работников, что повлекло мое увольнение. Чуть погодя я нашел временное место; но там перестали нуждаться в моих услугах, а с ними и во мне. Следующую временную работу пришлось искать несколько дольше, а платили там гроши. Дело было сделано, и больше работу я найти не смог. За последние девять месяцев я не заработал ни пенни. Вечно бродяжничая и распродавая свой гардероб, так легко пообтrepаться. Я исходил весь Лондон в поисках работы, с радостью взялся бы за любую, лишь бы свести концы с концами. Исходил понапрасну. Нынче меня не пустили в работный дом; как же просто пасть низко! Но человеку, лежащему на кровати, я этого не поведал. Он не хотел слушать, а если б захотел, то заставил бы меня рассказать все.

Не исключаю, что он сам прочел мою пусть и не высканную историю; вполне вероятно. Его глаза обладали особой силой проникать во что угодно; это так.

— Раздевайся!

Заговорив вновь, именно это приказал он гортанным голосом с нотками чужеземного акцента. Я повиновался, и моя сырая, истрепанная одежда беспорядочно упала на пол. Я стоял нагой перед ним, и губы его скривило подобие усмешки, ухмылки сатира; я весь содрогнулся от отвращения.

— Кожа у тебя белая... какая белая! Все бы отдать за такую белизну, о да! — Он умолк, пожирая меня глазами, затем продолжил: — Иди к шкафу, там найдешь плащ, надень его.

Я проследовал к гардеробу в углу комнаты, а он ни на миг не спускал с меня взгляда. Внутри оказалось полно одежды — ее хватило бы на открытие целой лавки, торгующей маскарадными костюмами. На крючке висел длинный темный плащ. Моя рука двинулась к нему, будто сама по себе. Я его надел, свободные складки ниспадали едва не до пят.

— В буфете найдешь мясо, хлеб и вино. Ешь и пей.

В другом конце комнаты, недалеко изголовья кровати, стоял второй шкаф. На его полке я обнаружил нечто вроде говяжьей колбасы, несколько круглых, ржанных на вкус, булочек и дешевое кислое вино в оплетенной соломой бутылке. Но мне было не до капризов; я набросился на еду, наверное, с жадностью оголодавшего волка, а хозяин все это время молча наблюдал за мной. Когда я закончил трапезу, а случилось это лишь после того, как я впихнул в себя столько еды и вина, сколько влезло, на его лице опять заиграла улыбка сатира.

— Вот бы мне есть и пить, как ты, — о да!.. Положи недоеденное обратно. — Я отправил остатки в шкаф, что, по моему, являлось излишней тратой времени, ведь там были одни крохи. — Посмотри мне в глаза.

Я посмотрел — и мгновенно осознал, что, сделав это, я потерял нечто важное — способность быть собой. Его глаза начали увеличиваться, пока не заполнили собой все пространство — пока я не утонул в них. Он взмахнул рукой, проделав со мной этим жестом нечто непостижимое: земля ушла у меня из-под ног, я свалился ничком на пол и, как пес, остался лежать там, куда упал.

Свет померк.

Глава 4

Одинокое бдение

Я знал, что свет в комнате потух. Ведь не единственной и, по сути, не самой страшной особенностью моего состояния было то, что, насколько я понимаю и помню, сознание ни на миг не покидало меня во время долгих последовавших за этим часов. Я видел, как погасла лампа и воцарилась непроглядная тьма. Слышал шорохи, будто человек на кровати поудобнее устраивается под одеялом. Затем все смолкло. И всю ту бесконечную ночь я ждал рассвета, не смыкая глаз, не в силах пошевелиться, оставаясь настороже. Я никак не мог постичь, что же со мной случилось. Пожалуй, в тот момент я по многим внешним признакам походил на покойника; да, несомненно. Как бы парадоксально это ни звучало, я чувствовал, наверное, то же самое, что чувствует настоящий мертвец; с той поры утекло много дней, и в моменты раздумий я не раз представлял, что может в действительности ощущать усопший. Никем пока не доказано, что чувства присущи исключительно тому, что мы зовем жизнью. Я неоднократно спрашивал себя, мог ли я тогда умереть, — и этот вопрос стал для меня ужасным наваждением. Тело гибнет, но не продолжает ли жить мозг — личность, это? Ответ известен лишь Творцу. Но что, если!.. какая мучительная мысль.

Прошли часы. Мало-помалу тишина начала отступать. Шум уличного транспорта и торопливые шаги — самой жизни! — возвестили пришествие утра. Под окном зачирикали воробьи... мяукнула кошка, пролаяла собака... молочник громыхнул бидонами. Сквозь штору проникали лучи света, сперва робкие, потом все более яркие. Было по-прежнему дождливо, капли то и дело стучали по оконному стеклу. Ветер теперь дул в другом направлении, потому что впервые, совершенно неожиданно, я услышал, как вдали пробили часы — семь. А затем, с перерывом в целую жизнь, восемь... девять...

десять.

Но пока в комнате не раздавалось ни звука. Когда пробило десять, а мне показалось, что до той поры прошли годы, со стороны кровати слышался шорох. На пол опустились ноги — и проследовали туда, где лежал я. Конечно, было уже совершенно светло, и я мог видеть хозяина комнаты, облаченного в странное разноцветное одеяние; он стоял рядом со мной, глядя сверху вниз. Затем наклонился, опустился на колени. Бесцеремонно сорвал с меня единственный покров, и я остался лежать в наготу своей. Чужие пальцы щупали и мяли мое тело, будто я был скотом у колоды мясника. Чужое лицо нависло над моим, перед моими глазами очутились те кошмарные глаза. И вот тогда, независимо, жив я был или мертв, я сказал себе, се не человек — тот, кто сотворен по образу и подобию Божию, не может принять такую форму. Пальцы сдавили мне щеки, залезли в рот, коснулись моих распахнутых глаз, опустили мне веки, подняли их вновь и — о ужас! — рыхлые губы прижались к моим губам... нечто злое проникло в меня вместе с поцелуем.

Затем эта пародия на человека поднялась на ноги и сказала, обращаясь то ли ко мне, то ли к себе:

— Мертв!.. мертв!.. все равно что мертвец!.. даже лучше! Похороним-ка мы его!

Он ушел. Я слышал, как закрылась дверь, щелкнул замок, и понял, что его уже нет.

Он отсутствовал весь день. Я не мог точно определить, ушел ли он прочь, но, наверное, так и было, потому что казалось, что дом пуст. Я понятия не имел, что стало с жутким созданием, так напугавшим меня ночью. Сначала я боялся, что он оставил его со мной в комнате, что оно нечто вроде сторожевого пса. Но по мере того, как проходили минуты и часы и не раздавалось ни шороха и ни звука, я решил, что если существо находится в комнате, то оно, вероятно, столь же беспомощно, как и я, и пока его хозяин не вернется, мне не стоит опасаться навязчивого внимания твари.

В течение дня у меня не раз появлялась возможность убедиться, что я единственный человек в доме. Как утром,

так и в послеполуденные часы люди снаружи пытались привлечь внимание жильцов. Перед крыльцом слышался скрип колес: полагаю, это были торговцы, потому что за скрипом следовали разной степени настойчивости звонки или стук в дверь. Но, конечно, ответа пришедшие не получали. Не знаю, чего им хотелось, но уходили они с пустыми руками. Меня, лежащего в оцепенении на полу, теперь мало что волновало, однако я не мог не заметить, что один из посетителей оказался упорнее остальных.

Часы только-только пробили двенадцать, когда я услышал, как открылась калитка и кто-то поднялся на крыльцо. Так как за этим последовала тишина, я подумал, что вернулся хозяин дома и сделал это так же тихо, как уходил. Однако вскоре на улице за дверью раздался негромкий, но необычный зов, похожий на крысиный писк. Звук повторился трижды, потом пришедший тихо удалился, закрыв за собой калитку. Между часом и двумя он появился опять и повторил условный сигнал — в том, что это был именно сигнал, я не сомневался; не дождавшись ответа, он, как и в первый раз, ушел. Около трех таинственный гость прибыл вновь. Повторил призыв, не услышал ответа, легонько постучал пальцами по дверному полотну. Никто не открыл, он тихо обогнул дом, и зов послышался уже с другой стороны, а за ним и слабый стук, по-видимому, в дверь черного хода. Попытки незнакомца попасть внутрь не увенчались успехом, и он прошествовал к крыльцу. Затем, как и прежде, затворилась калитка.

С наступлением сумерек неугомонный гость вернулся и в четвертый раз, уже более настойчиво, заявил о своем приходе. По необычному характеру его маневров можно было понять, что он подозревает, будто некто внутри дома по какой-то причине не желает его впускать. Он повторил уже знакомый мне спектакль с тройным призывным писком на переднем и заднем крыльце, сопроводив его легкими ударами пальцев по двери. Но теперь он также попытал счастья у окон: я довольно ясно услышал чистый и резкий звук и понял, что он барабанит костяшками по стеклам в задней части дома. Не найдя отклика там, он вернулся к фасаду: обошел дом удивительно бесшумно и остановился у ок-

на комнаты, в которой лежал я, — и вот тогда произошло нечто невероятное.

Я ждал, что он и здесь постучит в стекло, но вместо этого услышал, как кто-то карабкается на подоконник, словно не достаёт до окна с земли и лезет к нему, стремясь найти точку опоры у рамы. Некое неловкое существо, не способное перебраться даже через низенькую кирпичную стенку. До моих ушей вроде бы донеслось, как оно скребется когтями, будто ему очень сложно зацепиться за неподатливую поверхность. Я даже не думал, что это за зверь, настолько был удивлен, что возле дома не человек. Ведь до сих пор я не сомневался, что настойчивый гость — женщина или мужчина. Тем не менее сейчас, когда я убедился, что это какое-то животное, я больше не ломал голову над писком — хотя и не мог сообразить, что за создание, исключая крыс, может издавать такой звук, — и не думал над тем, почему пришедший не колотил в дверь и не звонил.

Кто бы это ни был, но он достиг вершины своих желаний — взобрался на подоконник. И сопел так, словно усилия заставили его задохнуться. Последовал стук по стеклу. В свете моего нового открытия я прекрасно осознавал, что этот стук ничуть не похож на дробь человеческими пальцами — слишком резкий и четкий, будто по стеклу били острием когтя. Били негромко, но очень настойчиво, и со временем звук начал пугать. Его сопровождали какие-то, с позволения сказать, выходящие из ряда вон шумы. Слышался писк, с каждой минутой все более злой и резкий, пыхтение и хрипы, а также странное пофыркивание, одновременно схожее и не схожее с кошачьим урчанием.

Было совершенно ясно, что существо негодует из-за того, что на него не обращают внимания. Стук стал напоминать падение градин, его неизменно сопровождали вскрики и крикание, раздался шорох трущегося о стекло довольно крупного тела, словно животное прижалось к окну и пыталось вдавить его внутрь, открывая себе проход. Натиск был яростен, и мне сразу же подумалось, что стекло поддастся и разгоряченный визитер прорвется в комнату. К моему немалому облегчению, окно оказалось крепче, чем

могло бы быть. И его хладная стойкость вконец сломила упорство или терпение существа. Я-то ожидал новой вспышки гнева, а оно даже не спрыгнуло, но просто скатилось с подоконника; вновь слышались все те же тихие удаляющиеся шаги; и так же бесшумно, что показалось мне еще более странным в подобных обстоятельствах, затворилась калитка.

В последовавшие два или три часа не происходило ничего необычного, но потом случилось нечто особенное, понастоящему удивившее меня. Часы недавно пробили десять. С той поры никто не прошел и не проехал по и так довольно безлюдной улице перед таинственным домом. Внезапно тишину снаружи разорвали крики и шум погони. Судя по спешке, кто-то, под сопровождение странных возгласов, удирал со всех ног. Только когда беглец поравнялся с домом, я понял, что те крики есть не что иное, как взвизги настойчивого гостя. Я подумал, что он, как и прежде, вернулся к дому в одиночестве, но почти сразу стало понятно, что с ним был кто-то еще. С улицы тут же донесся шум драки. Два существа, чьи вопли казались моему уху такими чуждыми, что я затруднялся предположить, кто может их издавать, сражались на крыльце не на жизнь, а на смерть. Через минуту или две свирепой схватки один из бойцов, по-видимому, одержал победу, так как второй удалился, поскуливая от боли. Пока я напряженно вслушивался, чем продолжится этот непостижимый спектакль, и ожидал, что победитель вот-вот опять вспрыгнет на подоконник, к моему изумлению, вместо этого в замочной скважине повернулся ключ, щелкнул замок и дверь с грохотом отворилась. Закрыли ее так же громко, как и открыли. Затем распахнулась дверь в комнату, где лежал я; некто влетел внутрь все с той же злостью и громоуханьем; дом до основания содрогнулся от хлопка невероятной силы, с которым закрыли дверь; зашуршали простыни на кровати, вспыхнул яркий свет, совсем как вчера ночью, и голос, который мне никогда не забыть, произнес:

— Встань.

Я поднялся на ноги, автоматически, повинаясь приказу, и повернулся лицом к постели.

Там, под одеялом, щекой на ладони, как и в предыдущую нашу встречу, лежало создание, с которым меня свела судьба при обстоятельствах, что уже не стереть из памяти, — вроде такое же, как вчера, но и не такое.

Глава 5

Как совершить кражу со взломом

То, что в постели был тот же самый человек, с которым мне, на свою беду, довелось столкнуться вчера, сомневаться, конечно, не приходилось. Однако теперь я заметил, что в его внешности произошла удивительная перемена. Начать можно с того, что выглядел он моложе: старческая немощь уступила чему-то, что было легко принять за молодой задор. Черты лица тоже несколько изменились. Нос, например, более не казался огромным и перестал так сильно походить на клюв. Как по волшебству, разгладилась большая часть морщин. Хотя кожа осталась шафранно-желтой, овал лица смягчился, даже появилось скромное подобие подбородка. Но более всего поражало то, что облик его приобрел определенную женственность — столь сильно бросающуюся в глаза, что мне подумалось, а не ошибся ли я, приняв за мужчину ее, эту отвратительную представительницу слабого пола, поддавшуюся низменным инстинктам и от этого ставшую ничем иным, как жуткой тенью женщины.

Впечатление от изменений, произошедших в его внешнем виде — его, ибо в конце концов я постарался убедить себя, что вряд ли я такой простака, чтобы ошибиться в определении пола, — было усилено самоочевидным фактом, что совсем недавно этот человек участвовал в горячей схватке — близком и, по-видимому, позорном столкновении — и вынес из нее постыдные свидетельства дерзости противника. Вряд ли его враг отличался благородством: на лице красовалась дюжина царапин, по которым можно было догадаться, что основным оружием в бою являлись чьи-то ногти. Не исключено, что хозяин казался таким взволнованным, потому что пыл сражения все еще не угас в его венах. Он точно сам удивлялся своим бурным чувствам. Глаза его буквально полыхали огнем. Лицо искажали гримасы, как будто он не был властен над собой. Заговорил он с сильным

иностранным акцентом; слова слетали с губ нечленораздельным потоком; он повторял одно и то же вновь и вновь, отчего выглядел потерявшим рассудок:

— Итак, ты не умер!.. не умер: ты жив!.. жив! Ну... как-ково побыть мертвецом? Отвечай!.. Разве плохо умереть? Лежать мертвым... что может быть лучше! Оставить все позади, утратить желания, иссушить слезы, больше ничего не хотеть и ничего не иметь, перестать беспокоиться и позабыть устремления, никаких тебе больше забот — никаких! — совершенно; сбросить с себя бремя жизни — навечно! — неужели это не прекрасно? О да!.. Это правда!.. неужто мне этого не знать? Но пока тебе сия истина недоступна. Ты возвращаешься к жизни, уходишь из смерти... ты еще живешь!.. для меня!.. Оживай!

Он взмахнул рукой, и стоило ему это сделать, как случилось то же самое, что и вчера: в самых глубинах моего существа произошла метаморфоза. Я очнулся от оцепенения и, как он выразился, ушел из смерти, вновь став живым. Тем не менее я не был самим собой; я осознавал, что пребываю под гипнозом такой мощи, какую до сих пор не мог себе даже представить, но при этом я хотя бы не сомневался, жив я или мертв. Знал, что жив.

Он лежал и смотрел на меня, словно читал мысли, переполнявшие мою голову; впрочем, этим он и занимался.

— Роберт Холт, ты вор.

— Нет.

Я заговорил и вздрогнул от собственного голоса — как же давно я его не слышал!

— Ты вор! Только воры залезают в окна... разве ты не пришел сюда через окно? — Я молчал: что было проку возражать ему? — Но это хорошо, что ты залез в окно... хорошо, что ты вор... хорошо для меня! Меня! Именно ты мне и нужен... в удачное время попал ты мне в руки... в самое подходящее. Ведь ты мой раб... всегда при мне... сделаешь все, что только пожелаю... ты и сам знаешь это, да?

Я знал, и понимание собственной беспомощности ужасало меня. Мне казалось, что как только я смогу ускользнуть от него, как только освобожусь от пут, коими он меня

связал, как только окажусь подальше от жутких чар его близкого соседства, хорошенько поем пару раз и отдохну, сбросив с себя изматывающий гнет умственной и телесной усталости, вот тогда я буду способен сразиться с ним на равных, а если он опять попытается поработить меня своей магией, ему это не удастся. Но как бы то ни было, в тот миг я осознал, что бессилен, и эта мысль убивала меня. Он вновь и вновь старался внушить мне все ту же ложь:

— Я говорю, что ты вор!.. вор, Роберт Холт, вор! Ты залез в окно ради собственного удовольствия, а сейчас ты полезешь в нужное мне окно — не это, другое. — Я не понял, в чем соль прозвучавшей шутки, но сказанное рассмешило его, и он издал скрежет, призванный означать смех. — В этот раз ты полезешь вором, о да, точно.

Он умолк, пронзая меня взглядом, ни на мгновение не отводя немигающих глаз от моего лица. Как отвратительно-притягательны были они — и как же я их ненавидел!

Он заговорил опять, и в голосе почувствовались иные ноты — горькие, жестокие, беспощадные:

— Ты знаком с Полом Лессинхэмом?

Он произнес это имя с нескрываемым отвращением — и в то же время так, будто ему нравилось проговаривать его вслух.

— С каким Полом Лессинхэмом?

— Существует только один Пол Лессинхэм! *Тот самый* Пол Лессинхэм... *великий* Пол Лессинхэм!

Он скорее прокричал, чем сказал это, и вспышка его ярости была так неистова, что мне на секунду подумалось, что он набросится на меня и разорвет на части. Я затрясся. Не сомневаюсь, что голос мой явственно дрожал при ответе:

— Весь мир знает Пола Лессинхэма... политика... государственного мужа.

Он метнул в меня гневный взгляд, глаза его распахнулись. Я стоял и ждал физической расправы. Но он пока ограничивался словами:

— Сегодня ты, как вор, полезешь в его окно!

Я все еще не понимал, о чем речь, и, судя по его следующей реплике, это недоумение отразилось на моем лице.

— Не понимаешь?.. нет!.. все просто!.. куда уж проще? Я говорю, что нынче ночью — нынче! — ты пролезешь в его окно, как вор. Ты залез в мое окно, так почему бы и не забраться в окно к Полу Лессинхэму, политику... государственному мужу.

Он будто передразнивал меня, повторяя мои слова. Я же — и горжусь этим! — отношусь к тем неисчислимым массам, что считают Пола Лессинхэма величайшим из ныне живущих политических деятелей; я из тех, кто с полным доверием полагается на него в великом деле конституционных и общественных реформ, кое он сам взвалил себе на плечи. Смею предположить, что когда я говорил, я не скрывал своего восхищения, а это пришлось не по вкусу человеку на кровати. Но я по-прежнему не имел ни малейшего понятия о том, что означает его безумная речь о воровском проникновении в окно Пола Лессинхэма. Она слишком напоминала бред сумасшедшего.

Я стоял и молчал; он, не отводя от меня взгляда, заговорил несколько по-иному — с нежностью, я и не думал, что он способен говорить с такими нотками.

— На него приятно смотреть, на Пола Лессинхэма... разве не приятно на него смотреть?

Я осознавал, что мистер Лессинхэм, в физическом плане, представлял собой образчик мужественности, но я не был готов принять сей факт в таком аспекте — и обсуждать его в той манере, в которой временный повелитель моей судьбы принялся развивать и углублять тему.

— Он стройный — прямой, как корабельная мачта... высокий... кожа белая; сильный... мне ли не знать, как он силен... о, силен!... о да! Разве не прекрасно быть его женой?.. его возлюбленной?.. светом его очей? Неужели женщине может выпасть лучшая доля? О нет, никогда! Его жена!.. жена Пола Лессинхэма!

Он говорил тихо и напевно, дав волю неожиданной сентиментальности, и выражение его лица изменилось. Было видно, что он томится — желает чего-то сильно и страстно, — и это, пусть и не самое привлекательное, выражение тоски на мгновение преобразило его. Но лишь на мгновение.

— Стать его женой — о да! — женой, которую он презирает!.. униженной и отвергнутой!

Яд былой горечи быстро вернулся к нему, и я не мог не почувствовать, что передо мной не женщина, а мужчина. У меня в голове не укладывалось, отчего создание, подобное этому, вдруг переменялось и обратилось в такой манере к певцу величия Пола Лессинхэма. Но этот человек, как пиявка, прицепился к своему предмету, будто все действительно воспринималось им близко к сердцу.

— Он дьявол... твердый, как гранит... холодный, как снега Арарата. В нем ни капли теплой человеческой крови... он отвратителен! Фальшив!.. ага, словно вышел из сказок о лжецах, врущих ради вранья... он само вероломство. Ту, что держал в своих объятиях, он отверг, будто ее никогда и не было... улизнул прочь украдкой, как тать в ночи... возжелал забыть о самом ее существовании! Но отмщение уже здесь, скрывается во тьме, прячется среди камней, притаилось и ждет своего часа. А он настанет — день гнева! — да, тот самый день!

Он сел на кровати, воздел руки над головой и разразился воплем адской ярости. Вскоре он немного успокоился. Вернулся в лежачее положение, опустил голову на ладонь и пристально воззрился на меня, а затем задал вопрос, который, в тех обстоятельствах, поразил меня своей неуместностью.

— Ты знаешь, где он живет... твой великий Пол Лессинхэм... политик... государственный муж?

— Нет.

— Врешь!.. знаешь!

Он с каким-то рычанием выплевывал слова, словно хлестал меня ими по лицу.

— Нет. Такие, как я, не знают, где живут такие, как он. Может, как-то в печати мне попадался его адрес, но даже если так, я его не помню.

Он несколько секунд вглядывался в меня, точно хотел понять, говорю ли я правду; и ему это наконец удалось.

— Не знаешь?.. Ладно!.. я тебе покажу его... покажу дом великого Пола Лессинхэма.

Я не понял, что он пытался этим сказать, но вскоре все прояснилось — и стало для меня удивительным открытием. В его поведении сквозило нечто нечеловеческое, было в нем что-то, что я назвал бы лисьим. Говорил он со смесью желчи и насмешки, будто желал, чтобы его слова разъедали душу, обжигали мне сердце.

— Слушай меня во все уши. Не отвлекайся ни на миг. Внимай моему приказанию, дабы сделать все в точности, как я говорю. Не думай, что я опасаюсь твоего неповиновения, нет же!

Он умолк, словно указывая мне на мою беспомощность перед его колкостями.

— Ты залез ко мне в окно, как вор. Ты вылезешь из моего окна, как глупец. Ты пойдешь в дом великого Пола Лессинхэма. Говоришь, не знаешь, где он живет? Ладно, я тебе покажу. Стану твоим проводником. Невидимо, во тьме, в ночи, я прокрадусь с тобой и приведу туда, куда хочу привести... Пойдешь как есть, босым, с непокрытой головой, в одном-единственном плаще, скрывающем наготу. Ты продрогнешь, изранишь ноги, но разве вор заслуживает лучшего? Если кто тебя заметит, то примет за безумца, и тогда жди беды. Но не бойся, смело шагай вперед. Никто тебя не увидит, пока я нахожусь рядом. Я укрою тебя невидимым пологом... и ты беспрепятственно проникнешь в дом великого Пола Лессинхэма.

Он опять прервался. То, что он говорил, пусть и было нелепостью и сумасшествием, постепенно начало не на шутку тревожить меня. Слова срывались с его губ и странным, неописуемым образом подчиняли себе мои конечности, они будто обвивались вокруг меня и давили, все сильнее и сильнее, уподобившись смирительной рубашке, я же становился все более и более беспомощным. И уже знал, что какой бы безумный приказ он мне ни уготовал, у меня нет выбора — я исполню его.

— Когда подойдешь к дому, остановишься, осмотришься и найдешь окно, удобное для проникновения. Возможно, одно из окон будет открыто, как было мое, но если нет, ты сам откроешь его. Как — это твоя забота, не моя. Отто-

чишь мастерство вора, пока будешь забираться в дом.

Чудовищность его предложения не давала мне беспрекословно подчиниться чарам, которые он вновь накладывал на меня, и я заговорил: чувство протеста наделило меня силой показать, что не все человеческое мертво во мне, хотя с каждой секундой остатки мужественности все быстрее ускользали из-под пальцев, как я ни старался их удерживать.

— Я не пойду.

Он молчал. Смотрел на меня. Зрачки его расширились — его глаза, казалось, были сплошными зрачками.

— Пойдешь... Слышишь?.. Говорю, пойдешь.

— Я не вор, я честный человек; зачем мне делать это?

— Потому что таков мой приказ.

— Пощадите!

— Кого — тебя или Пола Лессинхэма?.. А кто-нибудь щадил меня, чтобы теперь молить о пощаде?

Он сделал паузу, затем вновь продолжил — повторив все то же невыносимое повеление еще более настойчиво, чтобы оно въелось мне в мозг.

— Отточись воровские навыки, прокравшись в его дом, а когда попадешь внутрь, прислушайся. Если будет тихо, проследуешь в комнату, которую он называет своим кабинетом.

— Как я найду ее? Я не знаю его дома.

Вопрос сам сорвался с моих губ; я чувствовал, как крупные капли пота покрыли мой лоб.

— Я покажу его тебе.

— Вы пойдете со мной?

— Разумеется, пойду с тобой. Я буду с тобой все это время. Ты меня не увидишь, но я буду рядом. Оставь страхи.

Его притязание на сверхъестественное могущество — ведь то, что он говорил, виделось ничем иным, как этим, — было, на первый взгляд, нелепым, но в тот момент я оказался не в состоянии даже намекнуть на бессмысленность сказанного. Он продолжал:

— Когда доберешься до кабинета, пройдешь к одному ящику, он в конторке, что стоит в углу комнаты, — я вижу

его сейчас; будешь там, тоже увидишь — и откроешь его.

— Он не будет заперт?

— Тебе просто придется его открыть.

— Но как я это сделаю, если на нем замок?

— примени мастерство, коим славны воры. Еще раз повторяю, это твоя забота, не моя.

Я не пытался возражать ему. Даже если предположить, что он заставит меня своей злой волей, действующей на подсознание и являющейся, как я думал, гипнотическим внушением, которым природа в столь опасной мере наградила его, довести исполнение приказа до проникновения в кабинет, то ему все равно вряд ли удастся по мановению руки разделить меня умением взломать замок, а когда ящик конторки окажется запертым — да поможет мне в этом Фортуна! — то ничего страшного не произойдет. Он читал все мои мысли.

— Ты откроешь ящик, будь он заперт на два, на три замка, говорю тебе, ты его откроешь. В нем ты найдешь... — он замешкался, словно припоминая что-то, — ...некие письма; два или три письма... не знаю, сколько их там будет... они перевязаны шелковой лентой. Ты достанешь их из ящика, и как только они окажутся у тебя в руках, сразу постарайся уйти из дома и принести их мне сюда.

— А вдруг кто увидит меня, пока я занят этим бесчестным делом... к примеру, что будет, если я столкнусь с самим мистером Лессинхэмом?

— С Полом Лессинхэмом?.. Тебе не стоит опасаться встречи с ним.

— Не стоит опасаться!.. Если он обнаружит меня — в собственном доме, среди ночи, совершающего кражу!

— Не надо его бояться.

— Не надо бояться вам или именно мне?.. Да он меня самое малое в тюрьму отправит.

— Говорю тебе, не стоит его опасаться. Слушай, что говорю.

— Но как тогда мне избежать его праведного гнева? Не тот он человек, что позволит ночному грабителю ускользнуть целым и невредимым... Мне придется его убить?

— Ты и пальцем до него не дотронешься... а он до тебя.

— Что за заклинание его удержит?

— Скажешь ему одно слово.

— Что за слово?

— Если вдруг Пол Лессинхэм на тебя наткнется, увидит тебя, вора, в своем жилище и попытается прекратить то, чем ты занимаешься, ты не дрогнешь и не сбежишь от него, а спокойно встанешь и произнесешь...

Он говорил все громче, и нечто зловещее и странное в его речи заставило мое сердце замереть, а когда он прервался, я не выдержал и закричал:

— Скажу что?

— ЖУК!

Он даже не проговорил, а проскрежетал это; лампа потухла, все погрузилось во тьму, и я с чувством омерзения осознал, что рядом со мной, в этой самой комнате, находится то же страшное существо, что и вчера ночью. Передо мной загорелись два ярких пятнышка; что-то шлепнулось с кровати вниз; тварь ползла ко мне по полу. Приближалась медленно, очень медленно, неотвратно. Я стоял, онемев от болезненного страха. Наконец моих босых ступней коснулись липкие усики, я так испугался, что оно полезет по моему обнаженному телу, что обрел голос и принялся кричать так, словно бился в агонии.

Наверное, мои вопли заставили тварь отступить. По крайней мере, она исчезла. Царила тишина. Внезапно снова вспыхнула лампа, и на кровати, не спуская с меня злобного взгляда, лежал все тот же человек, которого, в мудрости ли, в глупости ли своей, я начал наделять безбожной, беззаконной силой.

— Ты скажешь ему это слово; только его; и все. И увидишь, что будет. Но Пол Лессинхэм человек решительный. Если продолжит препятствовать тебе или попытается помешать, ты опять повторишь ему слово. И больше ничего не понадобится. Обещаю, двух раз будет достаточно... Теперь иди... Подними штору; открой окно; вылезай из него. Поторопись исполнить мой приказ. Я жду твоего возвращения здесь — но всю дорогу я буду с тобой.

Глава 6

Необычное преступление

Я подошел к окну; поднял штору, отпер раму, открыл окно; в том, в чем был, а, скорее, без одежды, я выбрался из него на улицу. Я не только не мог сопротивляться, я не мог даже четко сформулировать желание дать отпор. Меня все дальше и дальше влекла могущественная воля, совершенно равнодушная к тому, что я хочу и чего не хочу.

Однако, очутившись снаружи, я почувствовал душевный подъем от того, что вырвался из давящей атмосферы наполненной жуткими воспоминаниями комнаты. В глубине души забрезжила робкая надежда, что чем дальше я уйду от туда, тем проще мне будет стряхнуть с себя кошмарную беспомощность, стесняющую и терзающую меня. Я на мгновение задержался под окном; потом переступил через низкую ограду, отделяющую двор от улицы; и вновь помешкал.

Меня переполняли двоякие ощущения: телесно я был по-прежнему скован, а вот мой разум получил изрядную свободу. Но мера этой психической свободы никак не облегчала мою участь. Ведь, помимо прочего, я осознавал, насколько жалкий вид, должно быть, имею: босой, без шляпы, чужой в этих местах, в глубокой ночи, под холодным ветром, чье близкое к ураганному дыхание мгновенно оваяло меня. Да и без этих соображений сама мысль, что придется идти по улицам в таком состоянии, показалась мне неизъяснимо омерзительной. Я действительно верю, что если бы мой неумолимый тиран разрешил мне хотя бы надеть мою собственную одежду, я бы приступил к осуществлению преступного задания, на которое он послал меня, с относительно легким сердцем. Но я также не сомневаюсь, что осознание нелепости моего наряда делало меня податливее, и доведись мне одеться как обычные англичане, вышедшие на прогулку, я наверняка перестал бы быть его послушнейшим орудием, каковым, по сути дела, в ту минуту являлся.

На какое-то мгновение, стоило моим босым ногам впервые коснуться гравия тротуара, а ледяному ветру пронзить мое обнаженное тело, мне подумалось, что если мне удастся стиснуть зубы и напрячь каждый нерв, я смогу стряхнуть с себя оковы, сдавившие тело, и оказать сопротивление древнему нечестивцу, который, вероятно, наблюдал за мной через окно. Но я был так угнетен мыслью о смехотворности своего внешнего вида, что не успел воспользоваться преимуществом и упустил момент — в ту ночь я подобного порыва более не ощущал.

Но тогда, неожиданно для себя, я будто бы ухватил ускользающий миг за хвост и сумел быстро дернуться в сторону — то было первое движение, совершенное мной по собственной воле, за много часов. Однако было слишком поздно. Мой мучитель — невидимый и всевидящий — натянул поводок, меня развернуло и поспешно направило туда, куда я, конечно, идти не желал.

По дороге мне не встретилось ни души. Мне до сих пор любопытно, было ли это обычным делом, случалось ли подобное с кем-то еще. Если так, то в Лондоне имеются улицы, целые галереи улиц, где в определенный час ночи, в определенную погоду — не исключаю, что погода сыграла здесь свою роль, — совершенно никого нет: нет ни прохожих, ни экипажей, нет даже полиции. Большая часть пути, по которому меня вело — иного слова тут и не подобрать, — была мне знакома. Как я понял, сначала меня вело по району Уолхэм Грин, потом вдоль Лилли-роуд, через Бромптон и Фулхэм-роуд, по лабиринту улиц к Слоун-стрит, а оттуда к Лаундес-сквер. Идти таким маршрутом долго, к тому же надо пересекать довольно оживленные дороги; тем не менее, по пути я никого не увидел — и, по-моему, никто не увидел меня. Когда я переходил Слоун-стрит, мне показалось, что вдали, на Найтсбридж-роуд, прогремел экипаж, но это был единственный услышанный мной в ту ночь звук.

Мне больно вспоминать, в каком плачевном состоянии я был, когда меня остановило, ибо меня именно остановило, резко и внезапно, словно некто, желая прервать бег ко-

ня, натянул поводья. Я промок — пронизывающий ветер то и дело приносил потоки дождя; несмотря на быстрый шаг — а медленнее идти мне не позволялось, — я продрог до костей; и — что хуже всего! — мои замаранные грязью ступни были так изрезаны и так кровоточили — а я, к несчастью, все еще мог ощущать боль, — что каждый раз, наступая на холодную склизь твердой каменной мостовой, я содрогался всем телом.

Меня остановило на площади, недалеко от больницы, перед домом, казавшимся несколько меньше, чем дома по соседству. Это было здание с обрешеченным портиком, заросшим каким-то ползучим растением. Когда я стоял и дрожал, размышляя, что случится дальше, чужая воля подхватила меня, и вскоре, к моему безграничному удивлению, я обнаружил, что карабкаюсь вверх по решетке на балкон второго этажа. Я не гимнаст — никогда этим не занимался и не обучался этому; я даже сомневаюсь, что ранее пытался залезть на какую-либо конструкцию, бывшую сложнее приставной лестницы. Заставить подниматься вверх меня могли, но мастерства мне это не придало, и я, забравшись всего на метр, потерял опору, поскользнулся и упал на спину. Мне, растерянному, в ушибах, не позволили и взглянуть на мои повреждения. Через мгновение я вновь очутился на ногах, принуждаемый взбираться по решетке, — и все опять завершилось ничем. В этот раз демон, или кем он там был, вселившийся в меня, кажется, понял, что на балкон мне не залезть, посему направил меня по иному пути. Я прошел на крыльцо к входной двери, свернул к боковым перилам, а с них перебрался на ближайшее окно; соскользнула моя нога — и падать мне по меньшей мере метров пять вниз, к подвалу. Но карниз оказался широким, а судьба ко мне благоволила, если подобное выражение можно употребить в связи с делом, в которое я был втянут. Я не упал. В кулаке я сжимал камень. Им, как молотком, ударил по оконному стеклу. Засунул руку в образовавшуюся дыру и дотянулся до щеколды. Вскоре мне удалось поднять раму, и я проник в дом — по-воровски вломился в него.

Когда сейчас я оглядываюсь в прошлое и вспоминаю о дерзости совершенного мной поступка, меня начинает трясти. Хотя я был самым настоящим несчастным рабом чужого веления, я не могу не твердить себе, что в полной мере осознавал, к чему меня принуждают — и от этого мое положение совсем не выглядит менее удручающим! — и каждая деталь моих подневольных деяний проносится перед глазами чередой картин, чьей яркости, пока жива моя память, не суждено померкнуть. Конечно, ни один профессиональный грабитель, впрочем, как ни один здравомыслящий человек, не стал бы действовать с той лихорадочной поспешностью, с которой действовал я. Тот способ, каким я выбил окошко, а было оно из зеркального стекла, можно назвать по-разному, но не бесшумным. Сначала раздался удар, потом стекло посыпалось и, ударившись о землю, прогромыхало осколками. Иначе говоря, загремело так, что разбудило бы самих спящих отроков Эфесских¹. Но здесь, опять же, на моей стороне была сама погода. К этому часу завывание ветра стало оглушительным — он ревел, проносясь по площади. Вероятно, та буря поглотила все иные звуки.

И вот я стоял в комнате, в которую беззаконно проник, и прислушивался, не поднял ли кто тревогу, но было тихо. В доме царило могильное молчание. Я опустил оконную раму и направился к двери.

Ее было не так-то легко найти. Окна закрывали плотные портьеры, и в комнате стояла тьма египетская. Казалось, что внутри слишком много мебели, но возможно, подобное впечатление складывалось из-за того, что я передвигался по незнакомому помещению в кромешном мраке. Я брел на ощупь, с воистину великой осторожностью, и постоянно натывался на препятствия. Меня словно притягивало ко всем предметам, на которые только можно налететь; не один раз мне довелось споткнуться о скамеечки для ног и обо что-то вроде пуфиков. То, что никто по-прежнему не

¹ Семь отроков Эфесских — христианские мученики, заживо замурованные в пещере и проспавшие там несколько веков (*Здесь и далее прим. перев.*).

слышал меня, представлялось чудом, хотя не исключая, что в доме были толстые стены, что внутри остались одни только слуги, что их комнаты располагались на верхнем этаже, что люди крепко спали и вряд ли их могло разбудить движение в той комнате, куда я попал.

Наконец добравшись до двери, я открыл ее, прислушиваясь, не может ли кто мне помешать; ведомый чужим велением, которое, как говорится, взяло меня в оборот, я пересек коридор и поднялся по лестнице. Миновал второй этаж, а на третьем направился к комнате справа. Повернул дверную ручку, она поддалась, дверь открылась, я вошел и закрыл ее за собой. На стене сбоку нащупал выключатель, нажал на него и включил электрический свет, проделав все это с такой уверенностью, что, вне всяких сомнений, любой сторонний наблюдатель мог бы поклясться перед судьей и присяжными, что все происходило по моей собственной воле.

В ярком свете электрических ламп я неспешно оглядел комнату. Это был, как и обещал человек в постели, кабинет — опрятное и просторное помещение, предназначенное исключительно для работы, а не сделанное напоказ. Там стояли три стола, один большой и два поменьше, целиком покрытые аккуратными стопками рукописей и бумаг. Около одного из них я увидел пишущую машинку. На полу, под столами и поднимаясь над ними, высились горы книг, папок и документов. Три стены кабинета были едва ли не полностью скрыты полками, плотно забитыми книгами. У четвертой стены, напротив двери, находился огромный дубовый книжный шкаф, а дальнем углу я заметил причудливого вида старинное бюро. Как только я его увидел, сразу зашагал туда, будто стрела, выпущенная из лука; и на самом деле здесь как нельзя лучше подходит эта метафора: стрелой из лука ринулся я к нему.

Внизу у бюро были ящики, наверху — стеклянные дверцы, а между ящиками и дверцами располагалась откидная створка. Именно она стала центром моего внимания. Я потянул ее вниз одной рукой; она оказалась заперта на ключ.

Я взялся за створку обеими руками; она упорно не поддавалась.

Именно ее замок мне, как вору, применяющему свои навыки, предстояло взломать. Этого я не умел и льстил себе мыслью, что никто и ничто не сможет заставить меня совершить подобное. Однако теперь, стоя перед неподатливым бюро, я ощутил давление, которое с неодолимой силой заставляло меня любым возможным и невозможным способом добраться до того, что спрятано внутри. У меня не было выбора, я покорился и принялся оглядывать комнату в поисках инструмента, подходящего для осуществления преступного замысла. Таковой нашелся прямо под рукой. Недалеко от меня у самой стены стояли различные образцы оружия: среди них имелись наконечники копий. Взяв один, я с трудом втиснул его в нужную щель. Получился рычаг, с помощью которого я попытался открыть створку. Она оказалась очень крепкой, и наконечник разломился надвое. Я взял другой — с тем же результатом; третий тоже сломался у меня в руках. Больше наконечников не было. Самым удобным для моих целей предметом из оставшихся был диковинный, тяжелый и острый топор. Его я и выбрал и со всей силой вонзил лезвие в непокорную створку. Топор легко прошел сквозь дерево, и не успел я глазом моргнуть, как дверца с грохотом упала.

Но я был обречен довести свой первый — и, надеюсь, последний — воровской опыт до конца. Мне удалось избавиться от створки, но за ней обнаружилось несколько маленьких ящичков, на один из которых было обращено мое внимание так, что у меня не осталось никаких сомнений. Кстати, он тоже оказался заперт, и я опять был вынужден пуститься на поиски чего-то, что заменило бы мне отсутствующий ключ.

Среди оружия не нашлось ничего подходящего; вряд ли для такой цели я смог бы использовать топор: нужный мне ящичек был так мал, что попытайся я стукнуть по нему, он разлетелся бы в щепки. На каминной полке, в открытом кожаном футляре, лежала пара револьверов. В наши дни политикам иногда действительно приходится опасаться за

свою жизнь. Возможно, мистер Лессинхэм, осознавая, что постоянно находится под угрозой, носил оружие с собой для необходимой обороны. Это были хорошие револьверы, большие и довольно тяжелые, такими, насколько мне известно, вооружена полиция. Они не только оказались заряжены: в футляре я обнаружил запас патронов, достаточных для полной перезарядки.

Я держал револьверы в руках, обдумывая — если, в моем положении, это слово считать уместным — можно ли их использовать, чтобы получить доступ к содержимому ящичка, когда вдруг услышал, что снаружи движется экипаж. Моя голова гудела, словно кто-то пытался объяснить мне, что делать с оружием, я же был принужден напрячь все нервы, стараясь понять, что говорит невидимый наставник. Тем временем звук колес быстро приближался; я думал, что карета проедет мимо, но она остановилась — напротив дома. Моя душа ушла в пятки. В припадке безумного страха, в течение одного преисполненного паники мгновения, я, пытаюсь скрыться от нависшей опасности, чуть не сбросил с себя оковы, удерживающие мое тело. Но чары были сильнее меня — я словно прирос к полу.

В замок входной двери вставили ключ и повернули его, дверь распахнулась, кто-то решительной походкой вошел внутрь. Если бы я мог, я бы не стоял столбом, а сразу бежал, куда угодно, как-нибудь; но в тот миг меня не спрашивали, хочу я уйти или остаться. Меня охватил панический ужас, но внешне я был совершенно спокоен, стоял и вертел в руках револьверы, задаваясь вопросом, что мне с ними все-таки делать. Решение пришло ко мне как вспышка: мне надо выстрелить в замок ящичка, и он откроется.

Плана безумнее этого было, наверное, не придумать. Слуги не проснулись, пока я совершал предыдущие действия, но вряд ли их не разбудит выстрел из револьвера в комнате под ними, и даже не стоит упоминать того, кто только что вошел в особняк и теперь поднимался по лестнице. Я молча и понапрасну сопротивлялся осуществлению безрассудной затеи, ведущей к неминуемому провалу. Моим уделом было лишь повиновение. Держа по револьверу в каждой

руке, я двинулся к бюро без колебаний, точно у меня не было и мысли о том, что я готов умереть, лишь бы избежать грядущей развязки, но это оказалось последним проблеском здравого смысла. Я прижал дуло одного из револьверов к замочной скважине ящичка, к которому мой невидимый проводник ранее направил меня, и спустил курок. Замок раскололся, содержимое ящичка теперь было в моем распоряжении. Я схватил письма, перевязанные розовой лентой. За моей спиной, почти сразу после выстрела, раздался какой-то шум, я вздрогнул и оглянулся.

Дверь комнаты была распахнута, и на пороге, сжимая дверную ручку, стоял мистер Лессинхэм.

Глава 7

Великий Пол Лессинхэм

Он был во фраке. В левой руке держал небольшую папку. Если мое присутствие и изумило его, а не изумить оно не могло, то он не выдал ни малейшего признака удивления. Невозмутимость Пола Лессинхэма вошла в поговорку. Обращался ли он с трибуны к взбудораженной толпе, участвовал ли в горячих прениях в Палате общин, его спокойствие — и об этом знал весь мир — было абсолютным. Все прекрасно понимали, что он добился успеха на политической арене во многом благодаря находчивости, порожденной несокрушимым хладнокровием. Мне выпала возможность почувствовать это его качество. Он словно сошел со страниц газет и журналов: стоял, расправив широкие плечи, чуть расставив ноги, немного наклонив красивую голову вперед, и смотрел на меня пронизательными голубыми глазами, чей взгляд напоминал взор хищной птицы, рассчитывающей, когда и как лучше напасть. Он изучал меня несколько секунд, не произнося ни слова, но я не знаю, проявил ли я свой ужас внешне; внутри, конечно, я весь сжался от страха. Он заговорил, так и не сойдя с места, и голос его звучал спокойно и непринужденно, словно хозяин дома приветствовал знакомого, заскочившего в гости.

— Могу ли я спросить, сэр, чем обязан удовольствию лицезреть вас?

Он сделал паузу, будто дожидаясь ответа. Я промолчал, а он облек свой вопрос в иную форму:

— Ради всего святого, сэр, кто вы и кто пригласил вас сюда?

Я стоял, молчал, не двигался и смотрел ему в глаза, не поведя и бровью, без малейшего трепета, отчего он, кажется, начал относиться ко мне с большей опаской, чем до этого. А мой, мягко говоря, своеобразный внешний вид заставил его подозревать, что он столкнулся с чем-то весьма необыч-

ным. Уж не знаю, счел ли он меня за сумасшедшего, но по его поведению я предположил, что так оно и было. Он принял попытку подойти поближе ко мне и при этом не прекращал говорить с чрезвычайной вежливостью и учтивостью:

— Будьте любезны, отдайте мне револьвер и бумаги, что вы держите в руках.

Пока он подходил, нечто вселилось в меня и заставило произнести низким, шипящим голосом, ничуть не напоминающим мой собственный:

— ЖУК!

Сложно определить, было то, что произошло далее, правдой или, до некоторой степени, порождением моего воображения, но стоило слову сорваться с губ, как мне почудилось, что лампы погасли, в комнату прокралась тьма — и я вновь с отвращением ощутил присутствие зла поблизости. Но если это все-таки можно было отнести к моей не на шутку разыгравшейся фантазии, то в воздействии слова на мистера Лессинхэма сомневаться не приходилось. Когда пелена тьмы — настоящей или мнимой — развеялась передо мной, я увидел, что он отступил в дальний угол кабинета и вжался спиной в полки, вцепившись в них, как пытающийся прийти в себя человек, которого только что едва не сшибли с ног ударом. Сильнее всего поменялось его лицо: на нем попеременно отражались изумление, ужас и паника. Мне было больно и неловко смотреть на этого охваченного страхом человека и осознавать, что передо мной великий Пол Лессинхэм, мой кумир в политике.

— Кто вы?.. Ради бога, назовите себя.

Голос его стал другим; ни друзья, ни враги не узнали бы его, услышь они эти истерические, безумные нотки.

— Кто вы?.. Слышите, я спрашиваю, кто вы? Богом молю, назовитесь!

Видя мое спокойствие, он начал проявлять весьма неприятные признаки волнения, особенно очевидные оттого, что он по-прежнему вжимался в полки, словно ноги отказывались его держать. Куда только делось прославленное самообладание Пола Лессинхэма; каждый мускул его

лица, а также его конечности дрожали и дергались; он трясся, будто его била лихорадка; растопыренные пальцы судорожно впивались в мебель, выискивая в этих полках опору.

— Откуда вы пришли? что вам нужно? кто вас послал? что вам за дело до меня? неужели так важно заявиться сюда и так по-детски подшучивать надо мной? зачем это? почему вы здесь?

Он с удивительной скоростью осыпал меня вопросами. А когда понял, что я молчу, они полились из него еще быстрее, смешиваясь с потоком слов, которые я воспринял как вспыхнувшее желание меня оскорбить.

— Почему вы стоите тут в столь странном одеянии... оно хуже наготы, да, гораздо хуже! Да я бы проучил вас за один только этот наряд — и проучу!.. дурака из себя строите? Думаете, я мальчишка, вздрагивающий от любой страшилки, какую только выдумает досужий шутник? Если так, то ошибаетесь; кто бы там вас сюда ни прислал, он мог бы догадаться предупредить вас об этом заранее. Если скажете, кто вы, кто направил вас сюда и что вам нужно, я буду милосерден; если нет, пошлю за полицией, а уж закон разберется и доведет дело — до горького конца! — уверяю вас... Слышишь? Глупец! Признавайся, кто ты!

Последние слова вырвались у него в порыве едва ли не ребяческого гнева. Мгновение спустя он сам осознал, что в своей ярости перешел границы достоинства, и устыдился этого. Он собрал волю в кулак и выпрямился. Достав из внутреннего кармана фрака носовой платок, вытер губы. Затем крепко сжал платок в руке и посмотрел на меня таким пристальным взглядом, что в другое время я бы не выдержал его.

— Хорошо, сэр, является ли ваше упорное молчание частью роли, которую вы здесь разыгрываете?

Его голос сделался тверже, а поведение вернулось во всем привычное русло.

— Если это так, я делаю вывод, что я по крайней мере обладаю свободой высказаться. Когда я наталкиваюсь на джентльмена, вломившегося в мой дом — и даже обладающего вашим талантом столь красноречиво молчать, — я по-

лагаю, что он соизволит снизить до весьма уместных в нашей с вами ситуации объяснений.

Он опять взял паузу. Я не мог не почувствовать, что он прибегнул к помощи несколько тяжеловесной саркастичности, стараясь выиграть время и дать себе шанс вернуть, если это было возможно, былую смелость. То, что, по неким скрытым от меня причинам, таинственное слово потрясло его до глубины души, стало еще более очевидно, когда он попытался отнестись к происходящему с оттенком циничной легкомысленности.

— Для начала могу ли я узнать, проходили ли вы по Лондону — или по какой-то его части — в этом одеянии, точнее, в этом отсутствии костюма? По улицам Каира в таком не ходят, разве нет?.. даже на рю де Рабагас так не выйдут... вы же не оттуда?

Он выделил голосом свой последний вопрос, но смысл ускользал от меня. Я, конечно, совершенно ничего не знал ни о том, на что он намекал в ту минуту, ни о том, о чем он заговорил далее, но, по-моему, мне никак не удавалось убедить его в моем неведении.

— Как я понял, название рю де Рабагас вам знакомо... конечно, знакомо; или не очень? Домик с серо-голубыми ставнями; пианино, на котором отсутствует фадиез? Оно еще там? с резким, неприятным дискантом... да уж, там все не особенно приятное... Согласны со мной?.. Я не забыл. Я даже не боюсь об этом вспоминать... вы понимаете?

Ему в голову пришла новая мысль, вероятно, порожденная моим упрямым молчанием.

— Выглядите вы как англичанин — возможно ли, что вы им не являетесь? Кто вы тогда — француз? Проверим!

Он обратился ко мне на языке, который я опознал как французский, но я не владел им в достаточной для понимания степени. Пусть я льщу себе тем — а настоящий рассказ доказывает это, — что никогда не упускал случая подправить свое изначально скромное образование, я сожалею, что ни разу в жизни мне не выпадало ни малейшей возможности получить хотя бы элементарные знания каких-либо языков, помимо моего родного. Наверное, поняв по

моему виду, что он обращается ко мне на языке, мне незнакомом, он вскоре перестал говорить по-французски, не преминув с усмешкой добавить что-то напоследок, и заговорил на наречии, которое было мне еще более чуждо, ибо на этот раз я не имел ни малейшего понятия, что это за язык: для меня его речь звучала тарабарщиной. Быстро смекнув, что здесь он еще дальше от истины, мистер Лессинхэм вернулся к английскому.

— Французский вам незнаком?.. даже патуа¹ рю де Рабагас? Отлично... но что же вы тогда знаете? Вы приняли обет молчания или от природы немые — за исключением особых случаев? Лицо у вас английское... я это вижу, посему предположу, что некоторым образом вы способны понимать английскую речь. Итак, сэр, слушайте, что я хочу сказать, и окажите такую любезность, будьте внимательны.

Он все более и более приходил в себя. В его чистом, хорошо поставленном голосе зазвенело нечто вроде угрозы, и звучала она совсем не в его словах.

— Вам известно что-то о том времени, которое я предпочел забыть, — это ясно; вас прислал человек, который, вероятно, знает еще больше. Возвращайтесь к нему и скажите, что забытое мной уже не вспомнится; вы ничего не добьетесь, пытаясь воскресить это в моей памяти; прочь сомнения, обязательно передайте, что все ваши старания напрасны. То было время миражей, иллюзий, наваждений. Я пребывал, телесно и духовно, в таком состоянии, когда кто угодно мог сыграть со мной шутку. И тогда им подобное удавалось. Я отлично это понимаю. Не думайте, что мне знакомы все хитрости этого мошенника, но я так или иначе узнаю его почерк — его довольно просто раскусить. Возвращайтесь к своему дружку и передайте, что вряд ли я опять поверю его обману — как прежнему, так и новому... Вы слышите меня, сэр?

Я не двигался и молчал. Ему это было откровенно не по душе.

¹ Патуа — лингвистический термин, название местных наречий французского языка.

— Вы оглохли и онемели? Конечно, говорить вы можете, раз уже делали это при мне. Послушайте моего совета, не вынуждайте меня прибегать в мерам, от которых вам все-рвез не поздоровится... Так вы слышите меня, сэр?

Я вновь ничем не показал, что понял, он же раздражался все больше.

— Ладно. Поступайте как знаете, если вам так хочется. Сами будете во всем виноваты, не я. Можете изображать сумасшедшего — у вас это выходит отлично, однако я прекрасно вижу, что вы понимаете все, что я говорю. Так перейдем же к делу, сэр. Отдайте мне револьвер и связку писем, которую вы украли у меня из ящика.

Он обращался ко мне с видом человека, пытающегося в чем-то убедить не столько меня, сколько себя, а последние его слова прозвучали почти бравадой. Я оставался бесстрастен.

— Вы собираетесь сделать то, что я сказал, или вы настолько безумны, что не подчинитесь? В последнем случае я позову подмогу, и мы быстро положим конец всему этому. Надеюсь, вы не вообразили, что смогли внушить мне, будто не понимаете, что происходит. Я все вижу. Повторяю, вы отдадите мне револьвер и письма?

Вновь без ответа. Он мгновенно обозлился — но также разволновался. При первой моей встрече с Полом Лессинхэмом мне не было суждено оценить все те качества, которые беспрекословно ему приписывались всеми вокруг. Он оказался вовсе не похож на государственного мужа, коего я ценил и ожидал увидеть, хотя это легко далось бы ему.

— Думаешь, я тряусь перед тобой от страха?.. перед тобой-то!.. перед таким, как ты! Делай, что говорю, или я сам тебя заставлю, заодно и проучу от души.

Он повысил голос. Всем видом показал, что готов сопротивляться. Наверное, он сам не осознавал, что, угрожая мне опять и опять, он расписывается в собственном бессилии. Он сделал шаг или два в мою сторону, резко остановился и задрожал. Лоб его покрылся испариной; он нервно промокал его измятым платком. Взгляд его блуждал, словно мистер Лессинхэм искал нечто такое, чего боялся, но был при-

нужден обнаружить. Он заговорил сам с собой, вслух, странными, несвязными фразами, совершенно перестав замечать меня.

— Что это было?.. Да ничего... Игра воображения... Нервышки пошаливают... Переработал... Я нездоров... *Что это?*

Последний вопрос вырвался у него сдавленным криком; в этот момент дверь приоткрылась, и в кабинет заглянул пожилой мужчина в одном белье. Вид он имел весьма расстроенный, будто его вдруг разбудили и против воли вытащили из кровати. Мистер Лессинхэм уставился на него, как на привидение, а тот смотрел на мистера Лессинхэма так, словно с трудом верил своим глазам. Этот старик нарушил тишину первым, пробормотав, заикаясь:

— Я, конечно, прошу прощения, сэр, но одна из служанок сказала, что слышала звук выстрела, и мы спустились проверить, в чем дело; я и не знал, что вы вернулись. — Он перевел взгляд с мистера Лессинхэма на меня, и глаза его широко распахнулись, став раза в два больше своего прежнего размера. — Боже мой!.. а это еще кто?

Откровенный испуг слуги, вероятно, убедил мистера Лессинхэма, что и сам он предстал в отнюдь не лучшем свете. Во всяком случае он, в очередной раз, собрался с немалыми силами, чтобы действовать решительнее.

— Ты совершенно прав, Мэтьюс, совершенно прав. Я оценил твою бдительность по достоинству. Но пока можешь покинуть кабинет: кажется, я управлюсь с этим типом самостоятельно; но оставайся с другими слугами на лестнице, чтобы было проще, если я вдруг позову, прийти мне на подмогу.

Мэтьюс исполнил распоряжение — и вышел из комнаты, как мне показалось, гораздо быстрее, чем вошел. Мистер Лессинхэм вновь обратился ко мне, на сей раз гораздо более мужественно, будто нахождение слуг поблизости придало ему уверенности:

— Итак, друг мой, сам видишь, как дело повернулось: стоит мне приказать, и тебя скрутят и надолго отправят в тюрьму. Но я все еще готов прислушаться к голосу милосер-

дия. Положи револьвер, отдай мне письма — и увидишь, что я не расположен к суровому обращению с тобой.

Я слушал его очень внимательно, но, наверное, по-прежнему напоминал каменное изваяние. Он неверно понял — или притворился, что не понял, — причину моего молчания.

— Ладно, вижу, ты сомневаешься в искренности моих намерений... но давай обойдемся без сцен и скандалов... поступи разумно!.. отдай мне письма!

Вновь он двинулся в моем направлении; вновь, сделав шаг или два, споткнулся и остановился, испуганно озираясь; вновь принялся бормотать себе под нос:

— Это какой—то фокус!.. Конечно!.. Всего только трюк... Что же еще это может быть?.. Меня не обманешь... Теперь я старше, чем тогда. Я вырос из этого, так-то.

Вдруг он принялся кричать:

— Мэтьюс! Мэтьюс! Сюда! На помощь!

Мэтьюс влетел в комнату вместе с тремя слугами, более молодыми, чем он. Все они, очевидно, надели первые попавшиеся под руку вещи и были вооружены палками или иным подобием оружия.

Хозяин выкрикивал приказания:

— Выбей револьвер из его руки, Мэтьюс!.. свалите его на пол!.. отберите письма!.. не бойтесь!.. Я же не боюсь!

Доказывая это, он кинулся ко мне, кажется, едва не вслепую. В это мгновение я был вынужден закричать, и этот крик ни в коем случае не походил на мой обычный голос:

— ЖУК!

Комната тут же погрузилась во тьму, разрываемую воплями боли и ужаса. Я почувствовал, как нечто проникло в помещение, но не понимал, откуда и как оно пришло, — нечто кошмарное. А потом я осознал, что под покровом темноты несусь прочь из кабинета, подстегиваемый неизвестной мне силой.

Глава 8

Человек на улице

Не могу сказать, бросился ли кто за мной в погоню. Смутно припоминаю, как выскочил из комнаты и промчался мимо столпившихся у стены женщин, завопивших при виде меня. Однако сложно утверждать, что меня пытались остановить. Лично мне кажется, что никто не пошевелился, чтобы предотвратить мое стремительное бегство.

Я не представлял, в каком направлении двигаюсь. Я уподобился человеку, уносящемуся прочь сквозь фантазмагорию сновидений, без цели и смысла. По-моему, я спешно проследовал по широкому коридору к двери в самом его конце, ведущей, как я предположил, в гостиную. Очувтившись внутри, я принялся метаться по ней туда-сюда, в потемках не замечая предметов обстановки и то и дело обо что-то спотыкаясь или опрокидывая что-то на себя. Если я падал, то мгновенно вскакивал — и так было до тех пор, пока я не наткнулся на окно, скрытое задернутыми шторами. Удивительно, как мне удалось не вывалиться из него, но участь сия меня миновала. Раздвинув шторы, я принялся нащупывать щеколду. Это было большое окно: насколько я мог судить, начиналось оно у самого пола и доходило до потолка. Открыв его, я шагнул наружу на балкон — тот самый, над главным входом, на который ранее я тщетно пытался взобраться по решетке с улицы.

Я полез вниз тем же способом, что не дался мне, когда я забирался наверх, и сделал это с такой безрассудной смелостью, что и сейчас содрогаюсь от одних только воспоминаний. До тротуара было, наверное, метров десять, но я ринулся вниз, совершенно позабыв о безопасности и возможности переломать конечности, будто подо мной не было и метра высоты. Я перекинул босые ноги через перила, нащупав ими ненадежную опору между прутьями решетки, и начал спуск. Мне удавалось держаться с огромным

трудом, пока я не одолел, вероятно, две трети пути, расцарапавшись тем временем с головы до пят, — и вот тут я совершенно потерял равновесие: кубарем полетев на землю, скатился на тротуар, а оттуда на грязную дорогу. Каким-то чудом я не покалечился, впрочем, в этом отношении в ту ночь чудеса так и преследовали меня. Не успел я упасть, как сразу поднялся на ноги, весь заляпанный грязью.

Вставая с земли, я почувствовал, как кто-то крепко схватил меня за плечо. Я обернулся и оказался лицом к лицу с высоким и стройным человеком; усы у него были длинные и вислые, плащ застегнут до подбородка, а хватка воистину железная. Он смотрел на меня, а я на него.

— Кончен бал, ага?

Даже тогда меня поразил его приятный голос и благодушие, написанное на красивом лице.

Видя, что я не отвечаю, он продолжил — со странной, полунасмешливой улыбкой на губах:

— Это так нынче спускаются с Апостольского столпа!¹.. Ты обошелся простым ограблением или довел дело до еще более простого убийства? Жду благую весть о том, что святой Павел повержен, — и отпускаю тебя на волю.

Не знаю, был ли этот человек сумасшедшим, но в подобных обстоятельствах мне было простительно принять его за безумца. Тем не менее таковым он не выглядел, хотя его слова и действия казались странными.

— Пусть ты был вынужден преступить закон, но не мой ли долг осыпать благодарностями того, кто ограбил самого Павла?.. А сейчас прочь!

Он отпустил мое плечо, легонько подтолкнул меня вперед — и я побежал. Без промедления и попыток остаться.

¹ Имеется в виду колонна святого Павла — памятник раннехристианского периода на Пафосе. По легенде, в I веке нашей эры именно к этому каменному столбу был привязан апостол Павел, когда римляне наказали его бичеванием плетью. Здесь обыгрывается английское имя Пол, то есть Павел.

Я мало смыслю в рекордах, но если кому-то все же удалось преодолеть расстояние от Лаундес-сквер до Уолхэм Грин быстрее, чем в ту ночь это сделал я, мне хотелось бы знать, как это было, а лучше увидеть все собственными глазами.

Через невероятно короткий промежуток времени я вновь очутился перед знакомым домом с открытым окном, сжимая в руке связку писем, с таким трудом мне доставшихся!

Глава 9

Письма

Я резко остановился, будто кто-то нажал на тормоз, тем самым неожиданно, даже беспощадно, пригвоздив меня к месту. Дрожа, стоял я перед окном. Недавно начался ливень — ветер стремительно гнал вперед его струи. Я истекал потом — и в то же время трясся, словно от мороза; заляпаный грязью, весь в синяках и кровоточащих ссадинах — не всякий захотел бы бросить взгляд на столь жалкого типа. Руки и ноги мои болели, ныл каждый мускул, я ослабел душой и телом, но наложенные чары волей-неволей поддерживали меня — иначе я прямо тут же упал бы наземь, изнуренный, изможденный, измотанный, измученный.

Но мой истязатель еще не закончил со мной.

Я стоял там, как изломанный и скособоченный наемный экипаж, в ожидании приказа — и оно пришло. В мою сторону будто направили мощный магнетический поток, втянувший меня через окно в комнату. Я перелез через низкую ограду, через подоконник — и вновь оказался в обители моего унижения и стыда. И еще раз ощутил, содрогнувшись от ужаса, присутствие зла. Сложно сказать, сколько в том было правды и сколько моего воображения, но, оглядываясь назад, припоминаю, что меня словно вытащили из телесной оболочки и швырнули в самое жерло безымянного порока. Раздался шлепок, точно что-то упало с кровати на пол, и я понял, что существо ползет ко мне. Желудок болезненно сжался, сердце замерло; мучительнейший страх придал мне сил, и я принялся кричать — кричать без конца! До сих пор временами мне кажется, что я слышу собственные вопли, разрывающие ночь, и тогда я зарываю лицо в подушку, а душой ощущаю, что бреду долиной смертной тени.

Существо поползло обратно: я услышал, как оно, скользя, мягко перебирается по полу. Затем все смолкло. Вскоре,

залив комнату ярким светом, зажглась лампа. Там, в постели, привычно устроившись под одеялом и подпирая щеку рукой, с горящими, как раскаленные угли, глазами лежал жуткий источник всех моих невыносимых мук и страхов. Он смотрел на меня безжалостным, немигающим взором.

— Так!.. Опять через окно!.. как вор!.. Это ты всегдаходишь в дом через такую дверь?

Он замолчал, будто давая мне время переварить насмешку.

— Ты видел Пола Лессинхэма, а?.. великого Пола Лессинхэма!.. И как, насколько он велик?

Его скрипучий голос, с необычным иностранным выговором, неприятно напоминал звук ржавой пилы, а то, что он говорил и как он это делал, по всей видимости, имело целью окончательно выбить меня из колеи. Ему удалось это только частично лишь потому, что мне и без того было хуже некуда.

— Вором проник ты в его дом... разве не это предрекал я с самого начала? За вора он тебя принял... не устыдился ли ты? Но раз принял он тебя за вора, как тебе удалось сбежать от него... что за преступный навык спас тебя от тюрьмы?

Его поведение переменилось, и он, совершенно внезапно, принялся нападать на меня:

— Велик он?.. ладно!... ну, велик... этот Пол Лессинхэм? Ты мал, а он и того меньше... этот твой великий Пол Лессинхэм!.. Неужто жил на земле человек ничтожнее него?

Воспоминания о мистере Лессинхэме все еще были свежи во мне, ведь я только что виделся с ним, и я не мог не признать, что в словах моего мучителя, произнесенных с такой горечью, имелась крупица правды. Портрет политика, занимавший почетное место в моей мысленной галерее, оказался несколько замаран.

Как обычно, человек в постели не испытывал ни малейшего затруднения, читая все, что проносилось в моей голове.

— Именно, ты да он два сапога пара: великий Пол Лессинхэм такой же отличный вор, как и ты — даже лучше! —

ибо, по крайней мере, в нем больше смелости, чем у тебя.

Он ненадолго замолчал, а затем с неожиданной яростью воскликнул:

— Отдай мне то, что украл!

Я двинулся к кровати — весьма неохотно — и протянул ему пачку писем, взятых мной из ящичка. Заметив, насколько мне неприятно находиться с ним рядом, он решил поиздеваться над этим. Не обращая внимания на мою протянутую руку, он заглянул мне прямо в глаза.

— Что беспокоит тебя? ты плохо себя чувствуешь? Не нравится стоять со мной бок о бок? Вот скажи, ты, со своей белой кожей, будь я женщиной, неужели ты не взял бы меня в жены?

В том, как он это произнес, мне почудилось столько истинной женственности, что я опять спросил себя, а не ошибся ли я, приняв его за мужчину. Я многое бы отдал за возможность ударить его по лицу — или лучше схватить его за шиворот, вытащить через окно и извлекать в грязи.

Он наконец соизволил заметить, что я протягиваю ему.

— Ага!.. так вот что ты украл!.. Вот что забрал из ящика бюро... из запертого ящика... используя навыки, известные только вору. Отдай мне письма... вор!

Он выхватил у меня связку, попутно поцарапав мне руку, словно у него были не ногти, а когти. Он вновь и вновь вертел письма перед собой, гневно на них глядя; я же испытал необъяснимое облегчение от того, что его глаза более не были направлены мне в лицо.

— Ты держал это во внутреннем ящичке своего бюро, Пол Лессинхэм, там, где никто, кроме тебя, этого не увидит... не так ли? Спрятал это, как прячут сокровище. Должно быть, здесь что-то стоящее, что-то важное, то, что необходимо знать... да, необходимо! — раз уж ты нашел время упрятать это так далеко и надежно.

Я уже упоминал, что связка была скреплена отрезком розовой ленты, — вскоре он тоже не преминул заметить это:

— А какой милой ленточкой ты все это перевязал — да так аккуратненько! Безусловно, такой красивый бантик могла завязать лишь женская рука... кто бы мог подумать,

что у тебя такие ловкие пальцы?.. Так! Сверху надпись! Что там?.. Посмотрим, что ты написал!.. «Письма моей дорогой возлюбленной, Марджори Линдон».

Стоило ему увидеть эти слова, которые, как он сказал, были начертаны на вложенном сверху листке бумаги, служившем обложкой для писем внутри связки, как его лицо изменилось. Мне и в голову не приходило, что ярость способна настолько исказить человеческие черты. Челюсть его распахнулась, обнажив поблескивающие желтые клыки; он задержал дыхание на столь долгое время, что я каждую секунду ожидал, что он рухнет без чувств; на лице и черепе кровавыми шрамами проступили вены. Затрудняюсь сказать, сколько длилось его молчание. Когда он наконец смог вдохнуть, из груди его начали вырываться хрипы и стоны, а в промежутках между ними он выдавливал слова, и казалось, что они, проходя через горло, душат его:

— Письма его дорогой возлюбленной!.. его возлюбленной!.. его!.. Пола Лессинхэма!.. Так!.. Все, как я предполагал... знал... видел!.. Марджори Линдон!.. Милой Марджори!.. Его возлюбленной!.. Возлюбленной Пола Лессинхэма!.. Той, что с лилейно-белой кожей и золотистыми волосами!.. И что за слова эта дорогая возлюбленная нашла в своем нежном сердце, чтобы написать Полу Лессинхэму?

Он сел на кровати и сорвал ленту. В связке оказалось, наверное, писем восемь или девять — коротких записок и пространных посланий. Но он, несмотря на длину, прочитывал их с одинаковым аппетитом, проглатывая одно за другим, опять и опять, и мне в какой-то момент подумалось, что он никогда не закончит их перебирать. Они были написаны на толстой белой бумаге, особого оттенка, с волнистыми необрезанными краями. На каждом стояли золотые оттиски герба и адреса, и все листы были одинаковой формы и размера. Я заметил про себя, что доведись мне когда-нибудь где-то еще увидеть такую бумагу, я непременно ее узнаю. Почерк, как и бумага, тоже казался необычным, четкий, решительный, и мне следовало бы сразу догадаться, что все писалось широким металлическим пером.

Во время чтения он не переставал издавать звуки, больше напоминающие вскрики и рычание, чем человеческую речь, будто дикий зверь сдерживал копившуюся ярость. Когда он покончил с чтением — на некоторое время, — он дал чувствам вырваться наружу.

— Так!.. Значит, вот что дорогая возлюбленная нашла в своем сердце и написала Полу Лессинхэму!.. Полу Лессинхэму!

Перо не в силах передать всю иступленную силу ненависти, с которой говорящий произнес это имя; было в том нечто демоническое.

— Достаточно!.. это конец!.. это его приговор! Да будет он погребен меж камнями цитаделей страдания, и все, что от него останется, да будет брошено в горькие воды реки проклятий, дабы разлагаться под залитым кровью солнцем! А что до нее... до Марджори Линдон!.. дорогой его возлюбленной!.. придет день, и она пожалеет, что родилась на этот свет... и он тоже!.. и божества тьмы вдохнут сладкий аромат ее страдания!.. Да будет так!.. будет! Это я говорю... даже я!

В безумном порыве необузданной ярости он, кажется, действительно забыл о моем присутствии. И вдруг, бросив взгляд в сторону, он увидел меня, и вспомнил, и вознамерился воспользоваться возможностью сорвать свой гнев на осязаемом объекте.

— Ты тут!.. ты, вор!.. еще жив!.. и насмехаешься над одним из божественных детей!

Он с воплями выскочил из постели, накинулся на меня, сжал мне горло своими жуткими руками, повалил спиной на пол; дыхание его смешалось с моим... Но Бог, в милости своей, даровал мне забвение.

Книга вторая

ПРЕСЛЕДУЕМЫЙ

История, рассказанная Сиднеем Атертоном,
эсквайром

Глава 10

Отвергнутый

После нашего второго вальса я сделал это. В привычном тихом уголке, скрытом тенью стоящей в холле пальмы. Но не успел я набрать обороты, как она меня прервала — прикоснулась веером к рукаву и посмотрела испуганными глазами.

— Не надо, пожалуйста!

Однако меня было не удержать. Мимо проществовали Клифф Шаллонер с Гerti Кээзеллом. По-моему, Клифф, пока шел, кивнул мне. Но мне было все равно. Я решился, и я сделал этот шаг. Никто заранее не знает, как прозвучат его слова, пока он не заговорит с девушкой, на которой хочет жениться. У меня сложилось впечатление, что я своей речью заставил ее вспомнить поэтов эпохи Реставрации. Она, кажется, удивилась, ибо никогда доселе не замечала во мне поэтических наклонностей, и настойчиво попыталась прекратить разговор:

— Мистер Атертон, мне так жаль.

Но слова лились из меня потоком:

— Жаль, что я вас люблю!.. отчего же? Почему вы жалуете о том, что стали предметом обожания в глазах мужчины — пусть и моих? Единственным сокровищем... тем, что по-настоящему дорого! Разве это настолько обычное для женщины дело — найти того, кто готов бросить жизнь к ее ногам, что ей приходится сожалеть, когда таковой встречается?

— Я не знала, что вы испытываете ко мне подобные чувства, хотя признаюсь, у меня были некоторые... некоторые подозрения.

— Подозрения!.. Спасибо на добром слове.

— Мистер Атертон, вы прекрасно знаете, что очень мне нравиться.

— Нравлюсь!.. Фи!

- И не перестанете нравиться, несмотря на это «фи».
- Я не хочу вам нравиться... я хочу быть любимым вами.
- Именно. И в этом ваша ошибка.
- Моя ошибка!.. мечтать, чтобы вы полюбили меня!.. тогда как я сам вас люблю...
- Так разлюбите, хотя я не могу не подозревать, что вы ошибаетесь и в этом.
- Ошибаюсь!.. думая, что люблю вас!.. отстаивая и доказывая чувство всеми душевными силами! Что нужно сделать, чтобы убедить вас в своей любви: обнять, прижать к груди, выставить вас напоказ перед всяким заявившимся сюда?
- Я бы предпочла избежать этого, и, возможно, вы согласитесь не говорить так громко. Кажется, мистер Шаллонер заинтересовался, почему вы раскричались.
- Так не мучайте меня!
- Она раскрыла и закрыла свой веер; я склонен думать, что пока она смотрела на него, опустив глаза, на ее губах была улыбка.
- Я рада, что между нами произошло это объяснение, потому что, конечно, вы мне друг.
- Я вам не друг.
- Простите, но это так.
- А я говорю, что нет; если мне не дано стать кем-то большим, то я вам не друг.
- Она продолжила — безмятежно игнорируя меня и поигрывая веером:
- Так вышло, что я нахожусь, прямо сейчас, в некоем щекотливом положении и нуждаюсь в дружбе.
- Что случилось? Кто тревожит вас... ваш отец?
- Ну... не он... пока не он; хотя вскоре станет, не исключаяю.
- Так кто же причина?
- Мистер Лессинхэм.
- Она заговорила тише — и опустила глаза. На какое-то мгновение я растерялся, не понимая, о чем она.
- Кто?
- Ваш друг, мистер Лессинхэм.

— Простите, мисс Линдон, но я совершенно не уверен, что кому-либо стоит называть мистера Лессинхэма моим другом.

— Как!.. Даже если вы узнаете, что я собираюсь стать его женой?

Я опешил. У меня имелись некоторые подозрения, что Пол Лессинхэм ближе к Марджори, чем полагается, но я и не думал, что она сможет усмотреть нечто привлекательное в таком болване и сухаре. И я еще умалчиваю о сотне иных соображений: Лессинхэм в одной парламентской фракции, ее отец в другой; старик Линдон со свойственным аристократу-тори высокомерием не устает насмехаться над ним при всяком случае; к тому же тут и речи нет ни о каком состоянии.

Не знаю, выдал ли я свои чувства; если да, то выглядел я совершенно сбитым с толку.

— Вы выбрали подходящий момент, чтобы сделать это признание, мисс Линдон.

Она предпочла не заметить мою иронию:

— Я счастлива, что вы так считаете, и сейчас вы поймете, насколько затруднительно мое положение.

— Позвольте сердечно вас поздравить.

— Благодарю вас за это, мистер Атертон; мне очень важно видеть, как вы рады за меня.

Я прикусил губу: у меня не было ни малейшего понятия, что она подразумевала, говоря такое.

— Я правильно понял, что это объявление было сделано мне как одному из многих?

— Нет, неправильно. Я доверила вам тайну, как другу... как самому близкому моему другу; ведь муж — это больше, чем друг. — Сердце мое грохотало. — Вы будете на моей стороне?

Она замолчала — и я не произнес ни слова.

— На вашей стороне — или на стороне мистера Лессинхэма?

— Его сторона — моя сторона, а моя сторона — его сторона; вы будете на нашей стороне?

— Не уверен, что правильно истолковываю ваши слова.

— Вы первый, кому я во всем призналась. Когда папа узнает, наверное, быть беде, сами понимаете. Он по-настоящему прислушивается к вам и ценит ваше мнение; когда грянет гром, я хочу, чтобы вы были на нашей стороне — на моей стороне.

— Но при чем тут я?.. какое все это имеет значение? Вы сильнее своего отца... вероятно, Лессинхэм сильнее вас; вместе, с точки зрения вашего отца, вы будете неуязвимы.

— Так вы мне друг — разве нет?

— Следовательно, вы протягиваете мне содомское яблоко¹.

— Спасибо. Вот уж не думала, что вы такой злой.

— А вы... вы добры? Я бросаю к вашим ногам свою любовь, а вы, без промедлений, просите меня выступить в поддержку любви другого.

— Но как я могла догадаться, что вы в меня влюблены... как говорите?! Я понятия не имела. Вы знаете меня всю свою жизнь, но до сих пор и вида не подавали, что питаете ко мне чувства.

— А если бы я заговорил раньше?

Кажется, она легонько повела плечами, будто хотела пожать ими.

— Не знаю, изменилось бы что-либо от этого... Не буду притворяться. Подозреваю только, что вы сами придумали себе эти чувства полчаса тому назад.

Если бы вдруг она дала мне пощечину, я и то не был бы столь ошеломлен. Я не понимал, сказала ли она это наугад, но ее слова оказались настолько близки к истине, что у меня перехватило дыхание. Ведь я и вправду осознал, что именно со мной творится, всего лишь несколько минут назад: пламя, пожирающее меня сейчас, вспыхнуло, когда отзвучал тот первый вальс. Ее будто посетило озарение и она прочитала мои мысли, и теперь я едва мог найти слова для ответа. Я попытался съязвить:

¹ Сodomское яблоко — легендарный библейский плод из окрестностей Содомы, прекрасный снаружи, но иссохший внутри.

— Вы льстите мне, мисс Линдон, льстите каждым своим замечанием. Откройся вы передо мной чуть раньше, я бы ни за что не рассказал вам о своих чувствах.

— Так пусть все это останется *terra incognita*.

— Как пожелаете. — Ее вызывающее спокойствие ранило меня, породив подозрение, что в душе она надо мной смеется. Во мне словно проснулся дьявол: — Но в то же время, раз вы заверили меня, что так долго ничего не подозревали, я прошу вас не продолжать этого разговора. По крайней мере, ваша совесть останется чиста. Ибо я хочу, чтобы вы поняли: я люблю вас, любил вас и буду вас любить. Мне совершенно все равно, какие отношения сейчас между вами и Полом Лессинхэмом. Но предупреждаю, мисс Линдон, я не разлюблю вас до гробовой доски.

Она смотрела на меня, широко распахнув глаза, как будто я ее испугал. Честно говоря, этого я и добивался.

— Мистер Атертон!

— Да, мисс Линдон?

— Как это на вас не похоже.

— Создается ощущение, что мы только-только знакомимся с друг с другом.

Она продолжала смотреть на меня своими большими глазами — и взгляд их, признаюсь честно, я выносил с трудом. Неожиданно ее лицо озарилось улыбкой — и мне она пришлась не по душе.

— Не после всех этих лет, да, всех этих лет! Я знаю вас и, пусть и смею признать, что вы не безупречны, полагаю, искренности вам не занимать.

Она вела себя со мной как сестра — старшая сестра. Возможно, я задел ее за живое. Но тут подошел Хартридж требовать своего танца, что давало мне возможность удалиться, не растеряв остатки гордости. Он не торопился и стоял перед нами, засунув, как обычно, большие пальцы в карманы жилета.

— По-моему, мисс Линдон, этот танец обещан мне.

Она подтвердила его заявление кивком и поднялась, взяв его под руку. Я встал и ушел, не проронив ни слова.

Пересекая зал, я столкнулся с Перси Вудвиллем. Он привычно суетился и озирался, будто забыл, где оставил Кохинур¹, и теперь судорожно искал, куда тот запропастился. Заметив, кто перед ним, Перси поймал меня за рукав.

— Атертон, ты мисс Линдон не видел?

— Видел.

— Да ладно!.. Видел?.. Господи!.. Где? Я с ног сбился, ее разыскивая, разве что на чердак и в подвал не заглядывал... впрочем, туда-то я уже и собирался. Это ведь наш танец.

— В таком случае, знай, она дала тебе отставку.

— Нет!.. Это невозможно! — Рот его открылся буквой О, глаза тоже округлились, отчего монокль шлепнулся на машишку. — Наверное, я все перепутал. По правде сказать, у меня в книжке мешанина, а не список. Она оставила за мной то ли прошлый танец, то ли этот, то ли следующий, хоть убей, не вспомню. Глянь-ка, что там, парень ты что надо, помоги разобраться, какой у меня с ней танец.

Я «глянул» — было сложно не сделать этого, ибо свою бальную книжку он держал прямо перед моим носом, да так, что и глаза не перевести. Иногда бальные книжки кавалеров напоминают упражнение в импрессионистской технике, но у Перси список танцев напоминал записки сумасшедшего. Бумага была исчеркана иероглифами, а что они означают и как вообще попали сюда, сказать я не мог — не я же это писал! Каша в голове Вудвилля успела стать притчей во языцех.

— Сожалею, дорогой Перси, но клинопись не мой конек. Если сомневаешься, когда твой танец, лучше спроси у самой леди — ей это должно польстить.

Оставив его путаться дальше, я отправился на поиски своего пальто: я задыхался и мечтал выйти на улицу; что до бала, то в тот момент мне меньше всего хотелось танцевать. По пути к гардеробной я задержался. Меня остановила Дора Грейлинг:

¹ Кохинур (*хинди* «Гора света») — один из наиболее знаменитых бриллиантов.

— Вы забыли, что сейчас наш танец?

Я забыл про это — начисто. И был не рад напоминанию. Правда, пока я смотрел в ее красивые серые глаза и на мягкие черты нежного личика, почувствовал, что заслужил знатную порку. Она ангел — лучше не найти! — но теперь мне было не до ангелов. Имей я малейшую возможность не танцевать — ни с Дорой Грейлинг, ни с одной другой женщиной в мире, я бы предпочел ей воспользоваться... Вот так я стал невежей и обманщиком:

— Вы должны меня простить, мисс Грейлинг, но... мне нездоровится... Не думаю, что смогу танцевать сегодня... Доброй ночи.

Глава 11

Полночное происшествие

Погода в тот час была созвучна моему настроению: черт знает что творилось в душе, черт знает что творилось на улице. Ледянящий северо-восточный ветер, игравший в догонялки с потоками ослепляющего ливня, попытался пронзить меня до костей. В такую ночь собак во двор не выгоняют, что уж говорить об извозчиках: мне ничего иного не оставалось, разве только прогуляться пешком.

Так я и сделал.

Я спулся по Парк-лейн, сопровождаемый дождем и ветром — а еще мыслями о Доре Грейлинг. Какой же я грубиян — был и есть! Хотел бы я знать, существует ли на свете поступок более дурного вкуса, чем пригласить леди на танец, а затем бросить ее, ведь если таковой найдется, то его просто необходимо внести в протокол. Посмей хоть кто-то из моих знакомых позволить себе подобное тяжкое преступление, я бы его заколол. Я пожалел, что никто не попытался наказать меня: хотел бы я видеть, как это будет.

Во всем была виновата Марджори — во всем! — в бедах прошлых, настоящих и будущих. Я знал эту девчонку, когда она еще носила чепчики — сам я, в тот период нашего знакомства, только-только успел их снять; потом она перешла на шапочки, а затем настал черед шляпок. И все это время — знаете, я уже почти успел убедить себя в этом — все это время я любил ее. Если я об этом никогда не упоминал, то только потому что страдал от своей привязанности, «как червь, таящийся в бутоне» — или как там у того парня¹.

Все равно я ничуть не сомневался, что закрадись мне в голову мысль о ее серьезном отношении к такому человеку, как Лессинхэм, я бы так же, несмотря ни на что, давным-

¹ Парафраз строки из сонета 35 Уильяма Шекспира: «И червь живет в бутонах у цветов» (пер. А. Кузнецова).

давно ее полюбил. Лессинхэм! Да он по возрасту ей в отцы годится... по крайней мере, он на изрядное количество лет меня старше. К тому же он проклятый радикал! Конечно, в некотором смысле и я отношусь к тем, кого принято называть радикалами, — но я не такой радикал, как он. Слава Богу, нет! Признаюсь, мне очень нравилось кое-что в его характере, пока я все это не узнал. Я даже готов допустить, что он не лишен дарований — в своем роде! — но на меня, безусловно, он совсем не похож. Однако думать о его связи с такой девушкой, как Марджори Линдон, просто нелепо! Этот человек настоящий сухарь — хуже того! Холоден как лед. Всего-навсего политик, и только. Он влюблен!.. от такой шутки весь Парламент до слез расхохочется. Как по образованию, так и от природы он не способен на подобные чувства; да это просто... невообразимо! Проткни его копьем от макушки до пят, внутри найдешь одну сухую политику с партийностью.

Что такого моя Марджори — ведь если кто чем обладает, так я ею, и в этом смысле она всегда моей останется — что такого моя Марджори смогла разглядеть в этом черством педанте, из которого нормального мужа скроить не удастся, казалось мне непостижимым.

Вот эти приятные размышления звучали в унисон дождю и ветру, ставшим моими спутниками, пока я брел вниз по аллее. Я свернул за угол, обошел больницу и направился к площади. Дорога привела меня к жилищу Павла-Апостола. В безумии своем я вышел на середину улицы и немного постоял среди луж, осыпая проклятиями его и дом его; в целом, если допустить, что я могу проявить себя и подобным образом, наверное, глупо удивляться, отчего Марджори мне отказала.

— Пусть твои соратники, что в Парламенте, что вне его, — кричал я, — и можете не сомневаться, то был могучий ор! — перестанут считать тебя лидером! И партия твоя да следует за иными богами! Да иссохнут твои политические амбиции, а речи свои станешь ты произносить пред пустыми скамьями! Да начнет спикер упорно и энергично игнорировать тебя, а на следующих выборах да отвергнет тебя

твой округ!.. Святые угодники!.. это еще что?

Стоило ли спрашивать? До этого момента я был единственным выпущенным на свободу сумасшедшим, как в доме, так и вне его, но вдруг на сцену вышел второй безумец — как собака, бешеный. Балконная дверь распахнулась изнутри — та самая, над передним крыльцом, — и из нее выскочил мужчина. Все это очень походило на готовящееся самоубийство: я понадеялся, что Пол вот-вот покончит с собой. Но когда человек на балконе начал спускаться по решетке, а делал он это весьма необычным способом, какого я еще не видел, я засомневался в его намерениях; в его желании убить себя меня не убедило даже то, как неуклюже он скатился вниз и растянулся у моих ног.

По-моему, если бы я попытался исполнить подобный трюк, то лежать мне плашмя пару секунд, соображая, где я сам, где у меня голова, а где ноги. Но такой растерянностью в поведении моего необыкновенно проворного незнакомца не пахло; был он весь будто гуттаперчевый. Иными словами, не успел он упасть, как поднялся; все, что я мог, это схватить его за плечо, прежде чем он ракетой унесся бы прочь.

Такого типа, как этот, запросто не повстречаешь — на улицах Лондона, по крайней мере. Не могу сказать, что он сделал с прочей своей одеждой, но на нем остался один только длинный темный плащ, в который он стремился укутаться поплотнее. Во всем прочем, не считая грязи, он был гол, как моя ладонь. Однако я никак не мог оторвать взгляд от его лица. В свое время я повидал много человеческих лиц со странным выражением на них, но подобного мне видеть не доводилось. Он походил на изгоя, прожившего жизнь, полную преступлений, и наконец столкнувшегося лицом к лицу с самим дьяволом. Вид он имел совсем не безумный — ничего похожего; это было нечто пострашнее.

Именно выражение лица незнакомца, вкупе со всем остальным, побудило меня поступить так, как я тогда поступил. Я кое-что сказал ему — какой-то вздор, сам не знаю, что за чепуху. Он выслушал меня в молчании, показавшемся мне сверхъестественным. Я вновь заговорил с ним — ни

слова не сорвалось с его сомкнутых губ; жуткие его глаза смотрели не мигая — глаза, которые, как я смиренно убежден, видели нечто, чего мне не дано и не суждено увидеть. Я убрал руку с его плеча, позволив ему уйти. Сам не знаю причины — я просто его отпустил.

Пока я держал его, он оставался недвижим, словно статуя: он действительно не подавал никаких признаков жизни, будто окаменелый, — но стоило мне ослабить хватку, как он шустро ринулся прочь! Повернул за угол и исчез из виду, не успев я и слова вымолвить.

Вот только тогда — когда он уже скрылся и я смог осознать, на какой экстра-дикий-сверх-молниеносной скорости он это проделал, — до меня дошло, что за невообразимо мудрую вещь я сотворил, отпустив его восвояси. У меня в руках оказался тип, совершивший взлом или нечто в том же роде и проникший в дом потенциального министра, а поймал я его на горячем; все, что от меня требовалось, это позвать полицейского и отправить преступника в каталажку, однако я поступил совершенно иначе.

«Да ты чудный образец идеального гражданина! — упрекнул я себя. — Первостатейный пример бесчестного идиота — попустительствовал побегу вора, ограбившего Павла. Раз уж ты позволил злодею уйти, самое меньшее, что тебе надо сделать, это оставить Апостолу визитку и поинтересоваться его самочувствием».

Я прошел к передней двери дома Лессинхэма и постучал: постучал один раз, постучал второй, постучал третий; даю вам слово, эхо моего последнего призыва громом прокатилось по дому — но никто мне так и не открыл.

«Даже если тот джентльмен в плаще убил семерых или даже в семьдесят раз больше, очистив весь дом от живых созданий, — а я не исключаю, что оказался на месте такого преступления, — все равно, хотя бы одно из тел поднялось бы открыть мне. Если возможно шумом поднять мертвеца, то зуб даю, в этом я преуспел».

Так оно и получилось: я терзал дверной молоток, пока его грохотанье не стало слышным на другой стороне Гринпарка. И наконец я пробудил мертвого, то бишь заставил

Мэтьюса очнуться и понять: что-то происходит. Чуть-чуть приоткрыв дверь, он высунул в щель свой древний нос:

— Кто там?

— Никого, милый мой, никого и ничего. Наверное, у тебя воображение разыгралось не на шутку, раз подумалось, что здесь кто-то есть, — оно-то сюда тебя и пригнало.

Тут он меня узнал — и приоткрыл дверь немного шире.

— А, это вы, мистер Атертон. Прошу прощения, сэр, я подумал, что это может быть полиция.

— И что? Ты затрепетал пред служителями закона — наконец-то?

Что за разумнейший и достойнейший дворецкий этот Мэтьюс, только такой и годится для будущего министра. Он оглянулся через плечо: я подозревал, что вышел он ко мне с коллегой за спиной, и сейчас я в этом убедился. Он закрыл рот рукой, и я подумал, что достоинства ему не занимать — в этих его штанах и чулках, с беспорядком на голове, болтающимися сзади подтяжками и измятой ночной рубашкой.

— Сэр, я получил распоряжение не пускать полицию в дом.

— Какого дьявола!.. Кто так распорядился?

Покашливая в кулак и наклоняясь вперед, он обратился ко мне со льстивой доверительностью:

— Мистер Лессинхэм, сэр.

— Возможно, мистер Лессинхэм не знает, что в его доме совершено ограбление и что вор только что прыжками да кувырками выскочил из гостиной, вылетел на улицу, как теннисный мячик, и ракетой скрылся за углом.

Мэтьюс опять глянул через плечо, словно сомневался, где проходит граница благоразумия — перед порогом или за ним.

— Благодарю вас, сэр. Думаю, мистер Лессинхэм в курсе чего-то подобного. — Тут, кажется, он неожиданно принял какое-то решение, ибо понизил свой голос до шепота: — По правде говоря, сэр, по-моему, мистер Лессинхэм очень расстроен.

— Расстроен? — Я воззрился на него. Что-то в его поведении ускользало от моего понимания. — Почему он расстроен? Неужели негодяй попытался напасть на него?

— Кто там?

Это был голос Лессинхэма, окликающего Мэтьюса с лестницы, хотя в какой-то миг я едва узнал его, так непривычно сердито прозвучал вопрос. Оттолкнув Мэтьюса, я сделал шаг в холл. Молодой человек, вероятно, лакей, столь же растрепанный, как Мэтьюс, держал свечу — единственный источник света в помещении. В ее мерцании я увидел Лессинхэма, стоящего на ступенях между этажами. Он был в полной боевой раскраске: он не из тех, кто наряжается в Парламент, и я понял, что недавно он смешивал работу с удовольствиями.

— Лессинхэм, это я, Атертон. Вы знаете, что из балконной двери вашей гостиной выпрыгнул человек?

Он ответил не сразу. А когда заговорил, голос его обрел спокойствие:

— Он сбежал?

— Точно... сейчас он где-то в миле отсюда.

Мне почудилось, что в его словах, произнесенных после этого, послышалась нотка облегчения:

— Я все думал, ушел ли он. Бедолага! Больше пострадал, чем нагрешил! Воспользуйтесь моим советом, Атертон, держитесь подальше от политики. Иначе все сумасшедшие, разгуливающие на свободе, к вам потянутся. Доброй ночи! Премного вам благодарен, что вы зашли нас предупредить. Мэтьюс, закрой дверь.

К чести своей, я сохранил спокойствие: человек, приносящий новость, не менее значимую, чем весть о судьбе Рима, не ожидает встретить такой прием. Он думает, что ему будут внимать с почтением, и дослушают до конца, и не отошлют прочь, прежде чем у него появится возможность по-настоящему открыть рот. Не успел я опомниться — да! — как дверь захлопнулась, а я очутился на крыльце. Будь проклят гордец—Апостол! Вот загорится его дом — с ним вместе! — я и пальцем не шевельну, чтоб коснуться его дрянного дверного молотка.

Что он имел в виду, упоминая политику и безумцев: хотел меня одурачить? Дело тут явно нечистое — гораздо более темное, чем он пытался мне показать, — оттого он столь надменен и груб. Тварь.

Что Марджори Линдон смогла увидеть в этом ничтожестве, было выше моего понимания; тем более если рядом находился человек, боготворящий землю, по которой она ступает.

Глава 12

Утренний гость

Всю ночь напролет, просыпаясь, погружаясь в сон и в грезах своих, я терзался вопросом, что Марджори в нем нашла! В тех самых снах я отвечал себе, что увидеть в нем она ничего не могла — и не увидела, не то что во мне — о, какое это было облегчение! К несчастью, очнувшись, я понимал, что все совсем наоборот; сколь грустны были эти пробуждения. Пробуждения с мыслями о кровопролитии.

Итак, недурно подкрепившись, я отправился в лабораторию планировать убийство — законное убийство, ибо то была главная цель моего замысла. Я искал оружие, способное не только принести победу целой кампании, но сделать это всего за полчаса. И чтобы для того не потребовалась армия. Я замыслил такое оружие, что, дай его в руки одному человеку, в крайнем случае двоим или троим, и посади их примерно в милю даже от самого большого регулярного войска, когда-либо посылавшегося на поле боя, будет — бах! — все солдаты мертвы, а ты эту фразу и договорить не успел. Если высокоточное оружие, на которое можно положиться в деле человекоубийства, есть не что иное, как средство сохранения мира — и глуп индивид, утверждающий обратное! — тогда я в шаге от того, чтобы считаться главным миротворцем, какого только можно себе представить.

Что за изысканное наслаждение ощущать, как длань твоя сжимает жизнь и смерть народов; ведь еще чуть-чуть, и они окажутся в моих руках.

Я расположил перед собой некоторые из сильнейших разрушительных веществ, с которыми человек может пожелать иметь дело: монооксид углерода, триоксид хлора, оксид ртути, кониин, амид калия, поташ, циан — и тут вошел Эдвардс. На мне была маска собственного изобретения, закрывающая уши, голову и все прочее, подобно водолазному шлему: я работал с газами, вызывающими мгновенную

смерть при единственном вдохе. Всего за несколько дней до этого я, без маски, проделывал какой-то дурацкий опыт с парой веществ: серной кислотой и цианистым калием — как вдруг рука моя дрогнула, и не успел я опомниться, как их малые количества смешались. Судьба меня хранила, и я отшатнулся назад, а не упал вперед; в результате, где-то через полчаса, меня, лежащего на полу, обнаружил Эдвардс, и весь оставшийся день значительная часть городских медиков занималась приведением меня в чувство.

Эдвардс заявил о своем присутствии, коснувшись моего плеча: когда я работаю в той маске, слышу довольно плохо.

— Кое-кто желает видеть вас, сэр.

— Так скажи этому кое-кому, что мне не до него.

Будучи вышколенным слугой, Эдвардс церемонно направился передавать сообщение. Я было подумал, что на этом дело закончится, но ошибся.

Я погрузился в регулировку клапана на баллоне, в котором смешивал оксиды, когда меня вновь потрогали за плечо. Я не стал поворачиваться, полагая, что вернулся Эдвардс.

— Стоит мне слегка перекосить этот вентиль, приятель, и ты окажешься в краю, где веселятся черти да духи. Что пришел, куда тебя не звали? — Тут я оглянулся. — А вы еще кто такой?

Ибо то был не Эдвардс, а тип совершенно иного пошиба.

Я оказался лицом к лицу с человеком, которого самого можно было легко принять за недавно упомянутого черта. Костюм его навевал мысли об «алжирцах», наводнивших Францию и считающихся там самыми напористыми, наглыми и занятыми лавочниками. Помню, как один из них упорно наведывался на репетиции в «Алькасар» в Туре, — но здесь! Незваный гость походил на тех алжирцев и в то же время отличался от них: не такой колоритный и гораздо более потрепанный, чем обычно бывают его французские прототипы. На нем был бурнус¹ — желтый и пропыленный, как

¹ Бурнус — плащ с капюшоном из плотной шерстяной материи, обычно белого цвета.

у арабов в Судане, а не у разряженных в пух и прах арабов с бульваров. Но основное отличие заключалось в том, что он был чисто выбрит, в то время как парижские алжирцы почитают ухоженные усы и бороду главнейшим своим украшением — разве кто-то видел иных?

Я думал, что он заговорит со мной на наречии, кое эти джентльмены величают французским языком, но нет.

— Вы мистер Атертон?

— А кто вы, мистер?.. как сюда попали? Где мой слуга?

Незнакомец поднял руку. Когда он сделал это, в комнату, будто по условному знаку, вошел Эдвардс, на лице которого читалось чрезвычайное недоумение. Я обратился к нему:

— Это тот человек, что хотел видеть меня?

— Да, сэр.

— Разве я тебе не говорил, что я не желаю его видеть?

— Говорили, сэр.

— И почему ты не передал это ему?

— Я передал, сэр.

— Тогда как он сюда вошел?

— Поверьте, сэр, — словно в полусне, Эдвардс приложил пальцы ко лбу, — представления не имею.

— Как не имеешь? Почему ты его не остановил?

— Кажется, сэр, на меня нашло какое-то затмение: я правда пытался задержать его, но руки меня не слушались.

— Ну ты и болван!.. Иди прочь! — Он ушел. Я повернулся к незнакомцу: — Полагаю, сэр, что вы фокусник?

Он ответил вопросом на вопрос:

— Вы, мистер Атертон, — вы тоже фокусник?

И впериł откровенно озадаченный взгляд в мою маску.

— Я надел это, потому что здесь, в этой комнате, витает смерть, таясь в мельчайших пылинках, и без маски я не решился бы дышать. — Он кивнул, хотя сомневаюсь, что он меня понял. — Будьте любезны, вкратце поведайте мне, зачем вы хотели меня видеть.

Он опустил руку в складки бурнуса, вынул оттуда листок бумаги и положил на полку, возле которой мы стояли. Я посмотрел на листок, ожидая найти прошение, или ре-

комендательное письмо, или правдивую повесть о его горькой судьбе, но вместо этого обнаружил лишь два слова: «Марджори Линдон». Неожиданно возникшее передо мной имя возлюбленной заставило меня покраснеть.

— Вас прислала мисс Линдон? — Он немного ссутулился, свел вместе кончики пальцев и склонил голову так, как это принято делать на Востоке, что, впрочем, особо ничего не объяснило, поэтому я повторил вопрос:

— Вы хотите, чтобы я сам понял, что вы действительно от мисс Линдон?

Опять опустил он руку в бурнус, вынул другой листок, положил его на полку, я взглянул на бумагу и вновь прочитал одно только имя: «Пол Лессинхэм».

— Ладно... Вижу — Пол Лессинхэм... Что с того?

— Она хорошая... он плохой... это не так?

Он коснулся сначала первого листка, затем второго. Я воззрился на него.

— Господи, вам-то откуда знать?

— Ему ее не получить, согласны?

— Черт побери, о чем вы?

— Ага!.. значит, о чем это я!

— Именно! Что вы имеете в виду? А еще, ко всему прочему, кто вы, к дьяволу, такой?

— Я здесь потому, что вижу в вас друга.

— Тогда скатертью дорога; у меня как раз нынче друзей переизбыток.

— Не таких друзей, как я!

— Да боже упаси!

— Вы любите ее... любите мисс Линдон! Неужели вы спокойно представляете его в ее объятиях?

Я снял маску, чувствуя, что ситуация обязывает это сделать. Как только я избавился от нее, гость тут же откинул просторный капюшон бурнуса, чтобы я видел его лицо. Я немедленно осознал, что глаза его, до некоторой степени, обладают свойством, которое, за неимением более подходящего слова, мы назовем гипнотическим притяжением. Он был одним из тех жутких созданий, коими, слава богам, изобилует восток, а не запад, из тех, что способны оказы-

вать сверхъестественное влияние на людей слабых и глупых, доведись им с ним столкнуться; был он из тех мерзавцев, при встрече с которыми неплохо бы иметь под рукой крепкую веревку. Еще я ощутил, как он не преминул воспользоваться тем, что я снял защитную маску, и попытался воздействовать на меня своей силой, однако орешек оказался ему не по зубам. Так вышло, что я начисто лишен чувствительной струны, которая есть у тех, кто поддается внушению.

— Да вы гипнотизер.

Он вздрогнул.

— Я ничто... я тень!

— А я ученый. И с вашего позволения — или без него! — с радостью проведу на вас эксперимент или два.

Он попятился. Глаза его блеснули так, что стало ясно: он владеет своей чудовищной силой с невероятным мастерством и среди своего народа имеет репутацию настоящего колдуна.

— Мы, вы и я, вместе попытаемся поставить эксперимент... на Поле Лессинхэме, — вдруг сказал он.

— Почему на нем?

— А вы не знаете?

— Нет.

— Зачем вы мне лжете?

— Я не лгу вам... я не имею ни малейшего представления о том, по какой причине вы сами интересуетесь Полем Лессинхэмом.

— Почему интересуюсь?.. это к делу не относится; сейчас мы говорим о вашем интересе.

— Простите, но о вашем.

— Послушайте!.. вы ее любите — и он любит! Но стоит вам сказать лишь слово, и ему ее не получить — никогда! Это я вам обещаю, я!

— Опять же, сэр, вы кто такой?

— Я дитя Исиды!¹

¹ Исида — в египетской мифологии богиня плодородия, воды, ветра, символ женственности и семейной верности, объект мистериального куль-

— Даже так?.. Сдается мне, вы немного промахнулись: это Лондон, а не какая-то дыра в пустыне.

— Неужели я не знаю?.. какое это имеет значение?.. сами увидите! Придет день, и вы позовете меня... поймете, как невыносимо вам видеть ее в его объятиях... ее, ту, что любима вами! Тогда вы меня позовете, и я приду, и это будет конец Пола Лессинхэма.

Пока я соображал, на самом ли деле он столь безумен, как кажется, или же это наглый мошенник, надумавший заточить свой топор и избравший меня точильным камнем, он исчез из комнаты. Я последовал за ним.

— Кончайте!.. остановитесь! — кричал я.

Должно быть, он поднаторел в ходьбе, потому что не успел я очутиться в коридоре, как стукнула входная дверь, а когда я выскочил на улицу, намереваясь окликнуть его, ни справа, ни слева не оказалось никого похожего на моего гостя.

та. Почиталась в европейском оккультизме как обладательница тайных знаний и покровительница магических искусств.

Глава 13

Гравюра

«Интересно, что этот милейший попрошайка на самом деле имел в виду, да и вообще кто он такой? — именно это спросил я у себя, вернувшись в лабораторию. — Если верно то, что Судьба время от времени запечатлевает характер человека на его лице, тогда, без малейшей тени сомнения, гость у меня был прелюбопытнейший. Хотел бы я знать, что его связывает с Апостолом... или здесь он всего лишь блефует?»

Я мерил шагами комнату, ибо в ту минуту утерял всякий интерес к проводимым мною опытам.

«Если он блефовал, то лучшей игры мне видеть не доводилось... и все-таки, что за коготок увяз у такого педанта, как святой Павел, в этом болоте? Малого всего перекосило, стоило лишь упомянуть имя сего подающего надежды радикала. Нет ли здесь политического мотива? Надо подумать... чем мог Лессинхэм оскорбить религиозные или патриотические чувства самых фанатичных представителей Востока? С точки зрения политики, ничего не вспоминается. Как правило, в дипломатию он старается не лезть. Если он кого оскорбил... хотя нет — репутация у него необычайно высока! — мотив нужно искать где-то в другом месте. Но тогда где?»

Чем старательнее я размышлял над загадкой, тем сильнее запутывался.

«Чушь какая!.. У этого негодяя общего со святым Павлом не больше, чем со святым Петром. Не исключено, что он тронутый; если это не так, то он затеял хитрую игру — скорее всего, хочет кого-нибудь общипать! — попытал счастья со мной, но не вышло. А что до Марджори... моей Марджори!.. только вот не моя она, черт побери!.. не растеряйся я так сильно, проломил бы ему башку в нескольких местах только за то, что он посмел произнести ее имя... не-

местах только за то, что он посмел произнести ее имя... не-христь, магометанин!.. А теперь вернемся к планированию чудесненького убийства!»

Я схватил маску — кстати, являющуюся одним из самых оригинальных изобретений последних лет: если солдаты будущего станут носить ее, они будут неуязвимы для моего оружия! — и собирался натянуть ее на себя, когда в дверь постучали.

— Кто там?.. Войдите!

Это был Эдвардс. Он с недоумением оглядел комнату.

— Простите, сэр, я думал, вы не один. Я не знал, что тот... тот джентльмен ушел.

— Вылетел через трубу, как все ему подобные господа... Какого черта ты его впустил, ведь я запретил тебе это?

— Клянусь, сэр, понятия не имею. Я передал ему ваши слова, а он... посмотрел на меня, и... больше я ничего не помню — очнулся, уже стоя в этой комнате.

Если бы передо мной был кто-нибудь другой, а не Эдвардс, я бы заподозрил, что без взятки тут не обошлось, однако в Эдвардсе я не сомневался. Все оказалось, как я и предполагал: ко мне приходил первоклассный гипнотизер; он среди бела дня в самом деле околдовал моего слугу, прямо у моего порога; надо бы узнать о нем побольше. Эдвардс продолжил:

— Еще один человек, сэр, желает говорить с вами: это мистер Лессинхэм.

— Мистер Лессинхэм! — В ту минуту совпадение показалось странным, хотя смею предположить, что это была лишь видимость. — Проводите его ко мне.

Вскоре вошел Пол.

Мне стоит признать — и я уже делал это раньше! — что, в некотором смысле, я восхищаюсь этим человеком... если он, конечно, не собирается завязывать определенные отношения. Он обладает физическими качествами, радующими мой глаз: если брать в расчет одну лишь биологию, то каждая его поза, каждое движение наполнены истинной жизненной энергией... скрытой силой; худощавый и подтянутый, он, при желании, умеет показать свою мощь. Он ги-

бок и активен, не суетлив, но проворен, красиво сложен, держится отлично — такой человек наверняка преодолеет любые трудности. Вы можете обогнать его на короткой дистанции, физически или интеллектуально — пусть вам и придется проявить недюжинную расторопность! — но в марафонском беге он вас обставит. Не знаю, смог бы я действительно довериться такому, как он, пока, конечно, не убедился бы, что все в его руках... но понять, так ли это, в его случае необычайно сложно: он слишком спокоен, слишком уверен в себе, не теряет самообладания, даже если ему грозит смертельная опасность; и что бы он ни делал, у него всегда наготове уважительная причина. Как в Парламенте, так и вне его, у Лэссинхэма репутация человека с железными нервами — и сложилась она не на пустом месте; и все же меня терзают сомнения. Если я его правильно понимаю, он из тех личностей, что, сталкиваясь с препятствиями, падают духом, но затем, когда тяжкие минуты позади, подобно Фениксу, возрождаются из пепла. Тем не менее, если при этом рядом будут его соратники, Лэссинхэм и вида не подаст, что что-то не так.

Вот такого человека полюбила Марджори. Ладно, возможно, у нее была на то причина. Он человек с положением — и карьера его, вероятно, взлетит еще выше; не без амбиций — способен достичь большинства поставленных целей; неплох собой; приятен в общении — если того захочет; среди дам слывет настоящим мужчиной, который «всегда поступает верно и делает это вовремя и должным образом». И все же!... Хорошо, насколько я понимаю, все мы хамы, а большинство в придачу педанты; но бога ради, не заставляйте нас это проявлять.

Лэссинхэм был одет, как подобает джентльмену: на нем был черный фрак, черный жилет, темно-серые брюки, воротничок-стойка, безупречный галстук-бабочка, перчатки нужного оттенка; волосы его были аккуратно причесаны, а улыбка, если не как у ребенка, то во всяком случае приятная.

— Я не побеспокоил вас?

— Ничуть.

— Уверены?.. Когда я попадаю в места, где человек ведет противоборство с природой в стремлении раскрыть ее тайны, я чувствую, что переступаю порог неизвестного. В последний раз я был здесь сразу после того, как вы получили патенты на систему морского телеграфа, тут же приобретенную адмиралтейством — мудрое решение... Чем вы заняты теперь?

— Смертью.

— Как?.. в самом деле?.. о чем это вы?

— Если войдете в состав следующего правительства, вы, вероятно, узнаете сами; не исключено, что оно станет первым, кому я предложу новое хитроумное изобретение в искусстве убийства.

— Понимаю... новый снаряд... Как долго будет продолжаться эта гонка средств нападения и защиты?

— Пока не потухнет солнце.

— А потом?

— Защита не понадобится — будет нечего защищать.

Он посмотрел на меня спокойными, серьезными глазами.

— Теория, что мы движемся к гибели планеты во льдах, не слишком весела. — Он принялся тереть пальцем стеклянную реторту на столе. — Кстати, было очень любезно с вашей стороны заглянуть ко мне вчера ночью. Боюсь, вы сочли меня невежливым, поэтому я пришел к вам принести свои извинения.

— Нет, невежливым я вас не счел; я счел вас... странным.

— Да. — Он посмотрел на меня с безразличием, кое мог напускать на себя по своей воле и которое послужило основой его репутации человека с железными нервами. — Я был встревожен и нездоров. К тому же меня не волновал взлом, даже совершенный безумцем.

— Тот человек был безумен?

— Вы его видели?

— Как вас.

— Где?

— На улице.

— Насколько близко вы подошли к нему?
— Ближе, чем мы с вами сейчас стоим.
— Вот как. Я и не думал, что вы столкнулись с ним в упор. Вы пытались его остановить?

— Легче сказать, чем сделать; он убежал так стремительно...

— Вы видели, как он был одет, точнее, раздет?

— Видел.

— Совершенно голый, в одном плаще в такую-то ночь. Кто, кроме сумасшедшего, решит вломиться в чужой дом в подобном костюме?

— Он что-то взял?

— Абсолютно ничего.

— Кажется, вышел прелюбопытный анекдот.

Он повел бровью — по словам членов Палаты общин, это был единственный признак эмоций, который он когда-либо позволял себе.

— Мы уже привыкли к таким любопытным выходкам. Буду вам обязан, если об этом случае больше никто не узнает — больше никто. — Он повторил эти два слова, будто подчеркивая их значение. Я подумал, не имеет ли он в виду Марджори. — Дело расследуется полицией. Пока оно не продвинется, нужно следить, чтобы сведения о происшествии не просочились в газеты и не поползли слухи. Понимаете, как это важно?

Я кивнул. Он сменил тему:

— Так чем вы сейчас занимаетесь — снарядами или оружием?

— Войдете в следующее правительство, сами, наверное, узнаете; не войдете — останется тайной.

— Полагаю, вы обязаны молчать о таких вещах?

— Да. Вы сами, кажется, предпочитаете хранить в тайне дела гораздо менее значительные.

— Вы о том, что было вчера ночью? Если даже такой пустяк, как этот, попадет в прессу или кому на язык — что равноценно! — вы удивитесь, как нам станут досаждают. Это будет тяготить почти невыносимо. Обычный человек совершит убийство и не привлечет к себе никакого внимания,

однако стоит воришке залезть в карман знаменитости, так все разом трубят об этом; и я вовсе не преувеличиваю, хотя так можно подумать... Что ж, до свиданья, благодарю, что пообещали мне молчать. — Ничего я ему не обещал, но это так, к слову. Он направился к выходу и вдруг остановился. — Еще одно: насколько мне известно, вы знаток древних суеверий и мертвых религий.

— Я интересуюсь этими предметами, но я не знаток.

— Не можете ли вы мне подсказать, каковы были догматы культа Исиды?

— Этого не подскажу ни я, ни кто-либо другой — если говорить о научном обосновании. Вам известно, что у Исиды был брат; культ Осириса и Исиды — это одно и то же. А вот каковы были его основы, или обряды, или нечто подобное — этого в наше время не знает никто. Папирусы и иные записи, дошедшие до нас, не содержат исчерпывающих сведений. Впрочем, то, что имеется, тоже изучено не полностью.

— Насколько я понимаю, чудеса, о которых столько говорят, относятся к области легенд?

— Какие чудеса вы имеете в виду?

— Не приписывались ли жрецам Исиды сверхъестественные способности?

— В общем и целом, сверхъестественные способности в те времена приписывались жрецам всех культов без исключения.

— Понимаю. — Он умолк, но тут же продолжил: — Полагаю, что культ Исиды давно ушел в прошлое и никто в нее больше не верит.

Я замешкался, недоумевая, с чего он вдруг заговорил об этом; понимаю, я знаю моего Павла: либо у него веская причина задавать такие вопросы, либо эти вопросы ширма для иного важного дела.

— Я бы не был так уверен.

Он посмотрел на меня взглядом бесстрастным, но пытливым.

— Вы думаете, у нее еще есть почитатели?

— Не исключаю такой возможности; более того, весьма вероятно, что где-нибудь в Африке — она огромна! — отдают дань Исиде, совсем как в старые добрые времена.

— Вы это точно знаете?

— Простите, а вам-то что известно?.. Вы осознаете, что обращаетесь ко мне, будто я свидетель по делу?.. Вы устраиваете этот допрос с определенной целью?

Он улыбнулся.

— В какой-то мере, да. Недавно я столкнулся с любопытным случаем и сейчас пытаюсь докопаться до сути.

— Что за случай?

— Боюсь, в данное время я не могу поведать вам о нем, но когда мне это будет дозволено, обязательно расскажу. Вас он заинтересует — как пример невероятного выживания... Кажется, последователи Исиды верили в перевоплощение?

— Некоторые — без сомнения.

— Что они под этим подразумевали?

— Перевоплощение.

— Да, но перевоплощение души или тела?

— Вы о чем?.. перевоплощение — это перевоплощение. Вы намекаете на что-то конкретное? Если скажете все без обиняков, я постараюсь дать нужные вам сведения, а сейчас ваши вопросы вызывают определенное недоумение.

— Ну, не важно... как вы говорите, «перевоплощение — это перевоплощение». — Я не сводил с него глаз; мне показалось, что я заметил в его поведении странное нежелание распространяться о предмете, речь о котором завел он сам. Он же продолжал поигрывать ретортой на столе. — А не было ли у верящих в Исиду некоего — как бы это сказать? — священного символа?

— Что?

— Не почитали ли они такого вот... не было ли у них в символике... жука?

— Так вы о *Scarabaeus sacer*, священном скарабее, или, как его называет Латрейль¹, *Scarabaeus Egyptiorum*, о ска-

¹ Пьер Андре Латрейль (1762-1833) — французский энтомолог.

рабее египетском. Конечно, этот жук почитался во всем Египте... хотя, если взять шире, египтяне поклонялись многим наделенным жизнью существам, например, кошкам; как вы знаете, Осирис появлялся среди людей в образе Аписа, быка.

— Правильно ли я помню, что жрецы Исида — или некоторые из них — после смерти принимали форму... скарабея?

— Никогда об этом не слышал.

— Уверены?.. подумайте!

— Мне не хочется отвечать на этот вопрос утвердительно без предварительной подготовки, ибо на данный момент я не могу вспомнить таких теорий.

— Не смейтесь надо мной — я не сошел с ума! — но насколько я понимаю, недавние исследования показали, что даже самые невероятные древние мифы несут в себе крупицу истины. Вы совершенно уверены в том, что в этих верованиях нет ни капли правды?

— В каких верованиях?

— В вере в то, что жрец Исида — или кто-нибудь еще — после смерти принимает форму скарабея.

— Сдается мне, Лессинхэм, что недавно вы натолкнулись на необыкновенно интересные сведения, пусть и несколько специфические, и теперь ваш долг поведать о них всему миру — или, в некоторой степени, той части мира, что представлена мной. Давайте, расскажите нам об этом!.. Чего вы боитесь?

— Я не боюсь ничего, и однажды вы узнаете о том, о чем молчу; но не сейчас. А теперь ответьте на мой вопрос.

— Тогда повторите его — с четкой формулировкой.

— Является ли непреложной истиной отсутствие и крупицы правды в вере в то, что жрец Исида, или иной человек, принимал после смерти форму жука?

— Я совершенно ничего об этом не знаю; черт побери, откуда мне знать о таком? Подобное верование могло иметь символический смысл. Христиане верят, что после смерти тело принимает форму червей — и это, в определенном смысле, так и есть; иногда вместо червей упоминают рыбу,

угря.

— Я вас спрашиваю не об этом.

— Тогда о чем?

— Послушайте. Если человек, словам которого нельзя не верить, утверждает, что такое перевоплощение имело место в действительности, нельзя ли объяснить его рассказ, руководствуясь законами природы?

— Он видел, как жрец Исиды перевоплотился в жука?

— Не жрец, адепт.

— Перед смертью или после нее?

Он замялся. Я редко сталкивался с тем, что он проявляет к чему-либо такой живой интерес — честно говоря, я сам сгорал от любопытства! — однако в его глазах неожиданно промелькнуло подобие ужаса. Когда он заговорил, мне показалось, что чувствует он себя на редкость неловко.

— В... в процессе умирания.

— В процессе умирания?

— Если... он видел, как человек, веривший в Исиду... умирает и принимает... обличье... жука, можно ли найти естественное и правдоподобное объяснение такому перевоплощению?

Я воззрился на него — а кто бы на моем месте не остолбенел? Это необыкновенный вопрос звучал еще более поразительно из уст такого человека; и я едва не заподозрил, что за всем этим таится нечто еще более невероятное.

— Послушайте, Лессинхэм, я вижу, вам есть что рассказать; давайте, приятель, выкладывайте! Если я правильно понимаю, то история ваша не терпит обычной стеснительности; в любом случае, было бы некрасиво с вашей стороны разжечь мое любопытство и оставить его неудовлетворенным.

Он не сводил с меня взгляда, написанный на его лице интерес постепенно исчезал, пока не сменился привычной бесстрастной маской, а я вдруг почувствовал, что выражение моего лица ему совсем не по нраву. Он опять заговорил вежливо и сдержанно:

— Вижу, вы считаете, что сказанное мной — бред сивой кобылы. Звучит именно так.

— Выкладывайте бред — неужели вы не видите, что я сгораю от любопытства?

— К сожалению, Атертон, я связан словом. Я буду держать рот на замке, пока мне не позволят говорить. — Он поднял свои шляпу и зонт со стола, на который положил их ранее. Взяв их в левую руку, он протянул мне правую для рукопожатия. — Вы были очень любезны, вытерпев мое затянувшееся присутствие; к несчастью, я знаю, что такое незваный гость; поверьте, я искренне вам благодарен. А это что?

На полке, недалеко от меня, лежал лист бумаги, точнее, если судить по размеру и форме, половина листа. К нему-то он и наклонился. Стоило Лессинхэму разглядеть, что там, как произошло нечто удивительное. Лицо его мгновенно изменилось, он буквально стал на себя не похож. Рука разжалась, и шляпа с зонтом упали на пол. Он попятился, что-то бормоча и выставя перед собой ладони, будто пытаясь защищаться, и отходил, пока не уперся в стену в другом конце комнаты. Никогда доселе не видел я столь поразительного зрелища.

— Лессинхэм! — окликнул я его. — Что с вами?

Сначала мне показалось, что у него эпилептический припадок, хотя от этого человека я бы меньше всего ожидал падучей. Изумленный, я повернулся посмотреть, что послужило причиной такого состояния. Взгляд мой скользнул по листку, и я ошеломленно на него уставился. Я не замечал его прежде, не я его туда положил — так откуда он взялся? Странно, но на нем было изображение некоего жука, воспроизведенное посредством фотогравюры; я понимал, что должен бы знать, какой это жук, но все-таки не знал. Он был золотисто-зеленым, но не ярким; гравюра настолько замечательно передавала цвет, что казалось, жук блестит, и сделана она была столь искусно, что насекомое выглядело живым. Реалистичность поражала, и хотелось взглянуть на изображение повторно, дабы убедиться, что это обман зрения и перед тобой репродукция. Появление гравюры на полке удивляло, а после того, о чем мы говорили, оно так и требовало объяснения: было нелепо предполагать, что

такого человека, как Лессинхэм, может напутать только лишь взгляд на изображение.

С гравюрой в руке я пересек комнату и подошел к моему гостю — вжавшись спиной в стену, он все больше подгибал колени, как будто собирался сесть на корточки.

— Лессинхэм!.. очнитесь, дружище, что с вами не так?

Я схватил его за плечо и весьма энергично потряс. Мое прикосновение словно пробудило его ото сна, вернуло к реальности, вырвав из кошмаров, которым он сопротивлялся. Он уставился на меня, лицо его приобрело выражение, обычно сопутствующее невероятному испугу.

— Атертон?.. Это вы?.. Все в порядке... нормально... со мной все хорошо... отлично.

Произнося эти слова, он постепенно овладел собой и наконец сумел встать прямо.

— Тогда, в вашем случае, смею заметить, что ваше «отлично» со стороны выглядит странно.

Он прижал ладонь к губам, как будто пытаясь скрыть подергивание рта.

— Я просто перетрудился... у меня уже была пара подобных приступов... но все прошло, а это... остаточное явление.

Я пристально посмотрел на него; по-моему, было в нем что-то совсем неестественное.

— Просто остаточное явление!.. Настоятельно рекомендую вам немедленно обратиться к врачу, если, конечно, вы по неосмотрительности к нему еще не обратились.

— Пойду сегодня; сразу пойду... Впрочем, я и так знаю, что всего-навсего переутомился.

— Вы уверены, что это не имеет никакого отношения к вашему состоянию? — Я протянул ему фотогравюру жука. Стоило мне это сделать, как он отпрянул, вопя и дергаясь, как паралитик.

— Уберите!.. уберите это от меня! — надрывался он.

Несколько секунд я смотрел на него, не в силах вымолвить и слова от изумления. Наконец я выговорил:

— Лессинхэм!.. Это только картинка!.. Вы спятили?

Он продолжал издавать крики.

— Уберите! уберите прочь!.. Порвите ее!.. Сожгите!

Его волнение было столь ненормальным — и неважно, какая причина его вызвала! — что я, опасаясь повторения припадка, от которого он недавно оправился, сделал так, как он просил: разорвал гравюру на четыре части, а потом, чиркнув спичкой, сжег каждую по отдельности. Он завороченно смотрел на сгорающую бумагу. Когда от гравюры остался один лишь пепел, он с облегчением вздохнул.

— Лессинхэм, — сказал я, — вы либо уже сошли с ума, либо сходите сейчас: что из этого правда?

— Думаю, ни то, ни другое. Полагаю, я не менее здраво-мыслящ, чем вы. Это все... это все та история, о которой я упоминал; она... она весьма любопытна, но я расскажу ее вам... как-нибудь попозже. Как я уже отметил, вас интересует этот занятный случай необыкновенного выживания. — Он откровенно старался вести себя как обычно. — Чрезвычайно сожалею, Атертон, что вам поневоле пришлось лицезреть мою слабость — которой я, к тому же, не в состоянии дать ей внятное объяснение. Попрошу вас об одном — соблюдать строгую конфиденциальность. Случившееся здесь должно остаться между нами. Я в ваших руках, но вы мой друг, поэтому я знаю, что могу на вас положиться и вы никому не расскажете о произошедшем — и не пророните ни слова, тем более при мисс Линдон.

— Почему «тем более» при мисс Линдон?

— Сами не догадываетесь?

Я пожал плечами.

— Если мои догадки соответствуют действительности, то не будет ли мое молчание еще более несправедливо по отношению к ней?

— Об этом ей должен рассказать я, а не кто-то другой. Я обязательно сделаю то, что должен... Дайте мне обещание: вы и словом не намекнете ей на то, что имели несчастье увидеть.

Я пообещал ему то, что он требовал.

В тот день мне уже было не до работы. Апостол, его недомолвки, экземпляр жесткокрылого да арабский друг в придачу — все это вместе взятое подействовало, как микробы, попавшие в организм, уже предрасположенный к их приему, и вызвавшие жар и лихорадку; я весь горел — не находя себе места. Мысли кипели в голове!.. Марджори, Пол, Исида, жук, гипноз — все смешалось в бредовой пляске. Любовь ранит!.. она и без того достаточно серьезный недуг, но когда возникают осложнения, отягощенные тайнами и разоблачениями, да такими, что сам теряешься, блуждаешь ли ты во сне или все происходит в суровой действительности, но при этом никакого жара у тебя нет, температура нормальна, как в ракете месье Верна, достигшей Луны, вот тогда можешь считать себя истинным чудачком и уродцем и требовать, чтобы тебя законсервировали медики и выставили, замаринованного, на публичный обзор, хотя они и так обязаны это сделать, дабы в будущем никто не усомнился, что такой человек, как ты, вправду жил на земле, опять же, если ты сам вдруг не окажешься поблизости и не утрешь нос этим Фомам Неверующим. Но это не в моем характере. Стоит мне зажечься, как разгорается пожар, а когда я в горячке, вокруг творится такое, что невольно помянешь буйство красок варьете. Когда Пол ушел, я попытался обдумать произошедшее, а уж если я взялся за что-то всерьез, то быть беде — посему я предпочел пойти прогуляться по набережной.

Глава 14

На балу у герцогини

В тот вечер герцогиня Дэтчетская давала бал, и, войдя в залу, я сразу увидел Дору Грейлинг.

Я направился прямо к ней.

— Мисс Грейлинг, вчера я отвратительно поступил с вами и потому пришел сюда принести свои извинения — молить вас о прощении!

— О прощении? — Она вздернула подбородок — было в этой ее манере немного склонять головку к плечу что-то птичье. — Вы были нездоровы. Сегодня вам лучше?

— Да... Вы прощаете меня? Тогда даруйте мне безоговорочную уверенность в этом, наделив правом протанцевать с вами танец, пропущенный мной накануне.

Она поднялась. К нам подошел человек, незнакомый мне: Дора считалась одной из самых желанных в Англии невест — за ней давали миллион.

— Это мой танец, мисс Грейлинг, — сказал он.

Она посмотрела на него со словами:

— Вы должны меня извинить. Боюсь, я допустила ошибку. Совершенно забыла, что этот танец обещан другому.

Я никогда не думал, что она способна на подобное. Дора взяла меня под руку, и мы ушли, оставив кавалера недоуменно смотреть на нас вслед.

— Вот сейчас страдает он, — прошептал я ей, закружившись по зале: вальсировать она мастерица!

— Неужели? А вчера страдала я... и мне не хотелось бы пережить такое опять. Для меня танец с вами значит многое. — Она густо покраснела, добавив, будто невзначай: — В наши дни мало кто из мужчин по-настоящему хорошо танцует. Наверное, мне так кажется, потому что вы превосходный танцор.

— Благодарю.

Вальс закончился, и мы укрылись в обставленном специально для это бала уголке на балконе. Там мы разговорились. В мисс Грейлинг есть нечто располагающее к откровенности и заставляющее раскрыть перед ней душу: я и сам не заметил, как начал рассказывать о своих планах и проектах — и не каких-то там, а о последней задумке, которая в конце концов должна была привести к молниеносному уничтожению целых армий. Дора слушала меня с удивительной увлеченностью.

— Честно говоря, на пути к воплощению подобных идей стоит не теория, а практика: такое легко доказать на бумаге или организовать малую демонстрацию в лаборатории; то, чего действительно не хватает в моей ситуации, так это настоящего испытания в полную мощь. Если бы я, например, мог отправиться со своей установкой в южноамериканские леса, где почти нет людей, но много животных, то вскоре смог бы сразу показать все преимущества моего изобретения.

— Так что же вы не едете?

— Подумайте, сколько это будет стоить.

— Я полагала, вы считаете меня своим другом.

— Я надеялся, что так и есть.

— Тогда почему вы не позволите мне помочь вам?

— Помочь мне?.. Как?

— Я могу одолжить вам денег на испытания в Южной Америке: кажется, от такого вложения стоит ожидать хорошей отдачи.

Я заерзал.

— Вы, мисс Грейлинг, очень добры ко мне.

Она ответила мне довольно холодно:

— Умоляю, не глупите!.. Я прекрасно вижу вашу заносчивость, хотя вы и пытаетесь оставаться как можно более деликатным.

— Мисс Грейлинг!

— Понимаю, с моей стороны было опрометчиво предлагать помощь, когда вы о ней не просили; вы достаточно ясно дали мне это заметить.

— Уверяю вас...

— Ах, оставьте. Конечно, окажись на моем месте мисс Линдон, все было бы иначе; она, по крайней мере, получила бы вежливое объяснение. Но куда нам до мисс Линдон.

Я опешил. Эта вспышка выглядела вопиюще необоснованной; я не имел ни малейшего понятия, что дурного успел сделать или сказать; страстность мисс Грейлинг поражала — и была так ей к лицу! — никогда ранее эта девушка не казалась мне настолько хорошенькой, поэтому я просто уставился на нее, не в силах совладать с собой. А она продолжала — так же беспричинно:

— Вот идет мой следующий кавалер — не могу же я отказывать всем подряд. Надеюсь, я не нанесла вам непоправимой обиды и вы согласитесь еще раз со мной потанцевать?

— Мисс Грейлинг!.. Я буду вне себя от счастья. — Она протянула мне бальную книжку. — Где я могу написать свое имя?

— Ради вашего же спокойствия, вам лучше выбрать танец как можно ближе к концу бала.

— Кажется, они все заняты.

— Это неважно; вычеркните любое имя и поставьте вместо него свое.

Это давало мне почти полную свободу действий. Я записался через два вальса и даже не потрудился спросить, чье место займу.

— Мистер Атертон, это вы?! — вдруг раздался голос.

Она — да, это была она. Марджори! И только я ее увидел, как понял, что на земле иных женщин для меня не существует; один лишь взгляд в ее сторону заставил кровь забурлить в венах. Повернувшись к своему спутнику, мисс Линдон кивком позволила ему уйти.

— У вас тут есть свободное местечко?

Она опустила на стул, на котором мгновение назад сидела мисс Грейлинг. Я сел рядом. Она посмотрела на меня смеющимися глазами. Я же оцепенел от волнения.

— Вы не забыли, как вчера вечером я говорила вам, что мне может понадобиться ваша дружеская помощь в дипломатическом вмешательстве? — Я кивнул, чувствуя, что зря

она мне об этом напомнила. — Так вот, время пришло — или, по крайней мере, вот-вот настанет. — Она замолчала, а я не сделал ничего, чтобы облегчить ей задачу. — Вы знаете, каким неразумным может быть мой папá.

Я знал — большего упрямца, чем Джеффри Линдон, в Англии не сыскать; да и, в некотором смысле, большего тупицы тоже. Но все равно я не был готов сказать такое его дочери.

— Сами видите, как нелепо он придирается к... Полу.

Мне понравилось, что она замешкалась, прежде чем назвать этого человека по имени; но когда она все-таки назвала, нежность в ее голосе ужалила меня, как овод. Выбрать меня среди всех людей на земле, чтобы... вот так произнести это имя, было настолько... по-женски.

— Мистер Линдон не знает о том, что происходит между вами?

— У него имеются некоторые подозрения. И здесь на сцену должны выйти вы, папá так вас ценит; мне бы хотелось, чтобы вы нашептали ему пару добрых слов о Поле... подготовили его к тому, что будет. — Неужели кому-то из отвергнутых влюбленных поручалась такая миссия? Я онемел от ее чудовищности. — Сидней, вы всегда были моим другом — моим преданнейшим, чудеснейшим другом. Когда я была малышкой, вы всегда заступались за меня перед папá, укрывали от его гнева. Я выросла, но мне опять нужны ваши поддержка и защита.

Ее голос смягчился. Она положила ладонь мне на рукав. В какой жар меня бросило от ее прикосновения!

— Но я не понимаю, к чему эта таинственность, зачем все с самого начала держалось в секрете?

— Это Пол не хотел, чтобы папа узнал.

— Мистер Лессинхэм вас стыдится?

— Сидней!

— Или он боится вашего отца?

— Вы злой. Вы прекрасно знаете, что папá давным-давно невзлюбил его, знаете, что прямо сейчас положение Пола в политике не из благоприятных, он постоянно напряжен душой и телом, поэтому совершенно необходимо избе-

гать любых затруднений. Он отдает себе отчет в том, что папá примет его сватовство в штыки, и просто хочет, чтобы о наших отношениях никто не узнал до окончания парламентской сессии, — вот и все.

— Понимаю! Мистер Лессинхэм осторожничает даже в делах сердечных: сначала политика, потом любовь.

— А почему бы и нет?.. разве вам хотелось бы видеть, как он, вместо того чтобы немного повременить, разрушает нечто для него сокровенное?

— Все зависит от того, что именно он считает сокровенным.

— Да что это с вами?.. почему вы так со мной разговариваете?.. это на вас совершенно не похоже. — Она одарила меня пристальным взглядом вспыхнувших глаз. — Неужели вы... ревнуете?.. значит, все сказанное вами вчера было все-рвез?.. Я-то думала, вы всем девушкам такое говорите.

Чего бы только я ни отдал, лишь бы обнять ее, здесь и сейчас прижать к своей груди — увериться, вправду ли она упрекает меня за то, что я говорю слова, услышанные ею вчера, всем девушкам подряд.

— Что вы знаете о мистере Лессинхэме?

— То же, что и все вокруг: он попадет в историю.

— Есть такие истории, что сам будешь не рад, если в них угораздит попасть. Что вам известно о его личной жизни — я спрашивал только об этом.

— Ну, в самом деле, вы заходите слишком далеко. Я знаю, он из лучших, можно сказать, из величайших людей; мне этого достаточно.

— Если вы действительно в этом уверены, то достаточно.

— Я уверена — весь мир уверен. Все, кто встречался с ним, знают это — должны знать, что он не способен ни на бесчестные поступки, ни на бесчестные мысли.

— Послушайте моего совета, не переоценивайте людей. В книге жизни любого человека есть страница, которую он предпочел бы держать закрытой.

— У Пола нет таких страниц, а вот у вас, думаю, есть; считаю это возможным.

— Благодарю. Боюсь, это более чем справедливо. И в моем случае опасаясь, что речь не об одной странице. Да, я не святой апостол — даже по имени.

— Сидней!.. вы невыносимы! Мне еще удивительнее слышать это потому, что Пол считает вас своим другом.

— Он мне льстит.

— Он вам не друг?

— Нашей с вами дружбы вам не достаточно?

— Нет, тот, кто против Пола, — против меня.

— Тяжело это слышать.

— Насколько тяжело? Тот, кто выступает против мужа, не друг и жене — когда муж с женою единое целое.

— Но пока-то вы не жена... Неужели в моем случае все так безнадежно?

— Что вы называете своим случаем?.. вы опять говорите о том вздоре, что несли вчера?

Она рассмеялась!

— По-вашему, это вздор. Вы просите об участии, а в благодарность я получаю — вот такое!

— Я подарю вам всю свою симпатию и сочувствие, которые только могут вам понадобиться, — обещаю это! Мой бедный, милый Сидней!.. не глупите! Вы думаете, я вас не знаю? Вы лучший из друзей, но поклонник из вас отвратительный: дружба ваша навечно, любовь на миг. Я прекрасно осведомлена, скольким девушкам вы вскружили головы — и бросили их. Я уверена — совершенно и бесповоротно, — что вы никогда раньше не любили меня и все это простое совпадение. Поверьте, дражайший мой Сидней, завтра вы влюбитесь в другую, если, конечно, уже не увлеклись кое-кем сегодня вечером. Признаюсь как на духу, в этом отношении весь опыт нашего с вами знакомства только усиливает мой провидческий дар. Не вешайте нос!.. что будет, то будет!.. А это кто к нам пожаловал?

К нам пожаловала Дора Грейлинг, и я, не проронив ни слова, ушел с ней; мы успели протанцевать полтанца, прежде чем она со мной заговорила:

— Простите, что только что злилась на вас и... дерзила. Я всегда чувствовала, когда-нибудь мне суждено показать-ся перед вами в самом неблагоприятном свете.

— Это я во всем виноват: сам-то в каком свете выставил себя перед вами? Вы так добры ко мне, хотя я этого не заслуживаю — что сегодня, что всегда.

— Вы на себя наговариваете.

— Увы, я говорю правду: иначе, как получилось, что в эту минуту у меня нет ни единого друга на всем белом свете?

— У вас!.. нет друзей!.. Я в жизни не встречала человека, у которого их так много!.. Не знаю никого, о ком все вокруг, мужчины и женщины, хором говорили бы столько хорошего!

— Мисс Грейлинг!

— А уж если рассуждать о том, что вы никогда не совершали ничего стоящего, вспомните о ваших делах. Подумайте о своих открытиях, подумайте об изобретениях, подумайте о... впрочем, это неважно! Все знают, вы сделали много замечательного, и уверены, что в будущем вас ждут еще более великие вещи. Вы говорите, что одиноки, но все равно, когда я прошу вас, как об услуге — большой услуге! — разрешить мне помочь вам в знак нашей дружбы, вы... ну, вы на меня фыркаете.

— Фыркаю на вас!

— Сами знаете, что это так.

— Вы и правда заинтересовались моей... моей работой?

— Сами знаете, что да.

Она повернулась ко мне, зардевшись, — и я действительно понял, что она не лжет.

— Вы придете ко мне в лабораторию завтра утром?

— Конечно!.. да!

— Со своей тетей?

— Да, с ней.

— Я все покажу вам и объясню, ничего не скрывая, и если вы останетесь по-прежнему уверены, что в этом что-то есть и не передумаете сами, я приму ваше предложение провести эксперимент в Южной Америке.

- Конечно, не передумаю.
- И мы станем партнерами.
- Партнерами?.. Да... станем партнерами.
- Это будет стоить уйму денег.
- Есть на свете вещи, на которые денег не жалко.
- Мне такие траты просто не по карману.
- Надеюсь, они по карману мне.
- Договорились?
- С моей стороны, обещаю, что не отступлюсь.

Когда я вышел из залы, со мною рядом очутился Перси Вудвилль. Его круглое лицо вытянулось от огорчения, так сказать, обратившись в овал. Он вынул из глазницы монокль и принялся натирать его платком, затем вставил обратно, но тут же достал опять и продолжил тереть; кажется, мне еще не доводилось видеть его столь взбудораженным, а когда кто-то говорит такое о Вудвилле, это не пустые слова.

— Атертон, меня растоптали. — Я уже понял это по его виду. — Все одно к одному!.. Я получил такой удар, что уже не встану.

— Тогда ползи.

Вудвилль один из тех, кто не отстанет, пока не выложит тебе все свои печали в подробностях — даже не преминет поведать о том, как прачка испортила его рубашки. И почему это, интересно, я ему не сочувствую?

— Дураком не прикидывайся!.. неужто не видишь, как я страдаю?! Да я стою на грани безумия.

— Успокойся, старина, я тебя еще и не таким видывал.

— Не говори так со мной, ты же не законченная скотина!

— Спорим, что законченная.

— Не мучай меня, ты не такой. Атертон! — Он вцепился мне в лацканы и, кажется, был вне себя; к счастью, он успел затащить меня в нишу, поэтому нас мало кто видел. — Как думаешь, что произошло?

— Дорогой мой, мне-то откуда это знать?

— Она мне отказала!

— Да ладно!.. Ушам своим не верю!.. Отступишь, позволишь в другую дверь, в море рыбку ловить — не переловить.

— Мерзавец ты, Атертон.

Он скомкал носовой платок и этим комком пытался утереть себе слезы; сама мысль, что Перси Вудвилль расхныкался, казалась уморительно смешной — но, конечно, я не мог заявить ему такое в лицо.

— В этом-то я не сомневаюсь, но по-другому утешать не умею. Не расстраивайся, друг, попробуй еще раз!

— Это совершенно бесполезно... точно знаю... она мне ясно дала понять.

— Поменьше уверенности: женщины часто говорят не то, что думают. И кто эта барышня?

— Кто?.. Неужели для меня существуют в мире иные женщины, кроме нее, да и существовали ли когда-нибудь? Ты еще спрашиваешь! На моих устах одно лишь имя — Марджори Линдон!

— Марджори Линдон?

По-моему, я рот раскрыл от удивления, иными словами, используя его выражение, меня растоптали. Так я себя почувствовал.

Я зашагал прочь, оставив его удивленно смотреть мне вслед, и сразу угодил к Марджори в руки.

— Я уже ухожу. Мистер Атертон, не проводите меня до экипажа? — Я проводил. — А вы остаетесь?.. может, вас подвезти?

— Благодарю, я пока не думал покидать этот дом.

— Я еду в Палату общин, не желаете со мной?

— Зачем вам туда?

Как только я услышал, куда она направляется, понял, зачем она едет, а она заметила это, и ее дальнейшие слова служили тому подтверждением:

— Вам прекрасно известно, какой магнит притягивает меня туда. Не можете же вы не знать, что сегодня обсуждаются поправки к аграрному закону и Пол произносит речь. Я стараюсь не пропускать его выступления и не собираюсь отступать от этого принципа.

— Он счастливец.

— Согласна — и еще раз согласна. Столь одаренного человека, как он, принято называть счастливцем, хотя это неверно... Но мне пора. Он говорил, что подъедет пораньше,

хотя несколько минут назад сказал, что задерживается, но обязательно придет в течение получаса... До новой встречи.

Я вернулся в дом и в холле столкнулся с Перси Вудвиллем. Он уже надел цилиндр.

— Ты куда?

— В Парламент.

— Послушать Пола Лессинхэма?

— Черт его побери!

— Присоединяюсь к пожеланию!

— Там будет голосование... мне надо идти.

— Кое-кто еще отправился слушать Пола Лессинхэма — Марджори Линдон.

— О нет!.. только не это!.. господи! Эх, Атертон, жалко, я речей не произношу, никогда это у меня не получалось. Когда я встречаюсь с избирателями, мне пишут их заранее, а я потом зачитываю. Но если б я знал, что меня слушает мисс Линдон, если б разобрался в вопросе или кто-нибудь мне его растолковал, богом клянусь, я тоже выступил бы; я б ей показал, что не такой я идиот, каким она меня считает!

— Давай, Перси, дерзай!.. ты б им задал, точно!.. Вот что я сделаю — пойду с тобой! Тоже заявлюсь в Парламент!.. Теперь Пола Лессинхэма будут слушать трое.

Глава 15

Мистер Лессинхэм выступает с речью

Палата уже собралась. Мы с Перси поднялись наверх — на галерею, которая теоретически предназначалась для тех, кого принято называть «почетными гостями», то бишь для любопытствующих. Выступал Трампертон, тараторя нечто такое, что не проливало свет на вопрос, а скорее затуманивало тему. Там, где обретался мозг Палаты и процентов девяносто ее мудрости, его не слушали, только газетчики на местах для прессы делали пометки в блокнотах.

Трампертон еще говорил, когда я заметил Лессинхэма. Наконец унылый старикан занял свое место на скамье под невнятный гул, который, конечно, завтра в газетах обозначат как «бурные и продолжительные аплодисменты». Все вокруг зашевелились, вероятно, от облегчения, начали переговариваться и сбиваться в стайки. Затем сидящие на местах оппозиции принялись хлопать в ладоши, и я увидел, что на скамье у прохода, обнажив голову, стоит Пол Лессинхэм.

Я смотрел на него придирчивым взглядом, совсем как коллекционер взирает на ценный экземпляр или патолог на занимательное уродство. За последние сутки мой интерес к Лессинхэму возрос неизмеримо. Сейчас он казался мне самым любопытным человеком на свете.

Я вспомнил, каким увидел его в это утро — жалкий, раздавленный ужасом тип, трусливая шавка, прикидывая к полу, до безумия боящаяся тени, намека на тень, — и я предстал перед дилеммой: либо я преувеличил его испуг тогда, либо переоцениваю Пола сейчас. Если верить глазам, то и предположить было невозможно, что речь идет об одном и том же человеке.

Признаюсь, я не смог сдержать восхищения. Люблю бойцов. Я быстро осознал, что в эту минуту он достиг совершенства. В нем не чувствовалось ни грана притворства — он стоял перед нами как есть. Боец до кончиков ногтей. Ни-

когда доселе я с такой отчетливостью не ощущал этого. Он был воплощением хладнокровия. Контролировал каждое движение. Ни на миг по-настоящему не раскрываясь, он мгновенно чувствовал бреши в защите другой стороны и молниеносно пробивал их словом. Терпя поражение, он не собирался опускаться на колени; и все без колебаний верили, что победы достаются его соперникам с великим трудом и что в конце концов дело увенчается его триумфом.

«Раздери меня черти, — сказал я себе, — если, после всего этого, я продолжу удивляться, что Марджори что-то в нем нашла!» Ибо я осознал, что умная и впечатлительная девушка, увидев Лессинхэма во всей красе, подобно доблестному рыцарю, дающему отпор несметным невзгодам, среди которых он чувствует себя как дома, не могла не воспринять его в качестве единственного настоящего героя, совершенно забыв, каким человеком он становится, когда бой отбушует.

Я точно знаю, что не зря пришел посмотреть на него; теперь я с легкостью мог представить, какое впечатление он производил на свою единственную слушательницу в Ложе для дам. Его речь совсем не походила на то, что подразумевает под этим словом американское ораторское искусство; в ней было мало общего с огнем и яростью французских трибун, если вообще что-то такое было; она не отличалась ни тяжеловесностью, ни сентиментальностью немецких публичных выступлений; и все же она включала в себя лучшие черты этих трех школ красноречия и, без сомнения, оказывала на слушателя именно тот эффект, который задумывался говорящим. Голос Лессинхэма был отчетлив и спокоен, не слишком музыкален, однако ласкал слух; Пол знал, что делает, и всякое его слово звучало так, будто он обращался к каждому присутствующему лично. Он говорил короткими и сухими фразами, без длиннот и высокопарности, и речь его лилась приятно и легко; говорил достаточно быстро, поддерживая интерес зала, но не заставляя аудиторию напрягать внимание.

Он начал, осторожнейшим и вежливейшим манером, с саркастических замечаний по поводу речей и методов Трам-

пертона и его товарищей, тем самым пощекотав любопытство заседающих. Но ухитрился не зайти слишком далеко в своих выпадах. Оратору определенного толка ничего не стоит больно ужалить оппонента. Если он захочет, то может уколоть любым словом. Такие раны не затягиваются, их нелегко простить; политику необходимо уметь дружить с дураками, иначе его карьере быстро придет конец. Вскоре он оставил сарказм позади, сменив его на сладкозвучные речи. Он действительно принялся лить мед в уши соперникам и делал это весьма правдоподобно, отчего они пришли в согласие с собой. Он отметил, сколь много правды в том, что говорится ими, а потом, будто случайно, упомянул, насколько просто внести поправки в закон, ведь это не нанесет никому ни малейшего ущерба. Он использовал аргументы противников как свои собственные и, хотя они того или не хотят, льстил оппонентам, показывая, что они не выпускают поводьев из рук; затем обрушивал на них новую серию доказательств, вроде бы являющуюся естественным продолжением принятых ими постулатов, трансформировал сказанное, вертел так и эдак и с помощью исходных тезисов — тезисов противоположной стороны! — приходил к неоспоримому выводу, диаметрально противоречащему тому, что ими хотели показать его соперники. Он прodelывал это с ловкостью, находчивостью и изяществом, коим не найти равных. Он закончил, совершив самый сложный из подвигов: ему удалось произнести, по меркам Палаты общин, дельную и достойную речь и оставить всех слушателей в прекрасном расположении духа.

Это было успехом — невероятным успехом. Парламентской победой высшей пробы. Популярность Пола Лессингхэма стремительно росла. Он сел на место под гром аплодисментов, и на этот раз это действительно была овация, а в зале, вероятно, не осталось почти никого, кто продолжил бы сомневаться в его великом будущем. Была ли эта уверенность справедлива, покажет лишь время, но пока все выглядело так, что награды и почести, венчающие государственную карьеру, достанутся ему, стоит лишь протянуть за ними руку.

Что до меня, я пришел в восторг. Я наслаждался интеллектуальным упражнением — сие удовольствие нынче не особо распространено. Апостол едва не убедил меня, что политические игры не так уж скучны, а победы в них привлекательны. В конце концов, есть что-то такое в том, чтобы суметь потрафить страстям и чаяниям современников, сорвать их рукоплескания, доказать, что и ты ловок в избранной забаве, стать объектом внимания и восхищения. Ловить женские взоры, видеть, как дамы внемлют каждому твоему слову, слышать их сердца, бьющиеся в такт твоему, — некоторым мужчинам это может прийтись по нраву, но если подобное происходит с любимой тобой женщиной и ты знаешь, что твои победы вершатся в ее славу, приносят ей радость, то, по-моему, не может быть доли счастливей этой.

В час триумфа — триумфа Апостола! — я чуть не пожалел, что я не политик!

Голосование завершилось. Вечернее заседание практически закончилось. Я опять стоял в вестибюле. Там говорили о выступлении Апостола: только и делали, что обсуждали его.

Вдруг ко мне подошла Марджори. Ее щеки горели. Никогда не видел ее красивее — или счастливее. Кажется, она была одна.

— Вы все-таки пришли!.. Разве это было не прекрасно?.. не великолепно? Неужели не замечательно обладать столь великими талантами и использовать их во благо обществу?.. Сидней, не молчите! Не притворяйтесь равнодушным, это вам совсем не идет!

Я видел, как она жаждет услышать от меня похвалу человеку, которому с таким восторгом поклоняется. Но ее горячность некоторым образом остудила мой пыл:

— Он вроде неплохо выступил.

— Вроде! — Какой огонь сверкнул в ее глазах! С каким презрением она глядела на меня! — Что вы хотите сказать этим «вроде»? Милый мой Сидней, вы не понимаете, что лишь мелкие людишки стремятся преуменьшить заслуги тех, кто больше их? Даже если вы осознаете свое несовершенство, глупо выставять его напоказ. Мистер Лессинхэм

произнес великую речь, без всяких вроде; ваша неспособность признать этот факт просто вопиет о недостатке у вас критического мышления.

— К счастью для мистера Лессинхэма, среди нас живет по меньшей мере один человек, в котором критическое мышление цветет пышным цветом. Вижу, вы полагаете, что тот, кто не восторгается, душа потерянная.

Я думал, она вот-вот выйдет из себя. Но вместо этого Марджори рассмеялась и положила руку мне на плечо.

— Бедняжка Сидней!.. Конечно!.. Это так печально!.. Вы же осознаете, что сейчас похожи на мальчишку, который, проиграв, обвиняет победителя в жульничестве. Не берите в голову! Когда повзрослеете, сами поймете.

Ее слова полоснули меня ножом по сердцу — я перестал следить за тем, что говорю:

— Если я не ошибаюсь, то к вам осознание придет еще до того, как вы успеете повзрослеть.

— Вы о чем?

И прежде чем я успел ей что-то рассказать — если вообще собирался, а ведь это не так, — к нам подошел Лессинхэм:

— Надеюсь, не заставил вас ждать; я не рассчитывал, что меня задержат.

— Все отлично, впрочем, я уже готова идти — здесь становится скучновато, — она сказала это, не спуская с меня озорных глаз — и Лессинхэму ничего не оставалось, кроме как обратить на меня внимание:

— Не так часто вы изволите почтить нас своим присутствием.

— Вы правы. У меня есть занятия поинтереснее.

— Это вы зря. Нынче стало модным недооценивать Палату общин и работу, ведущуюся здесь; не ожидал, что и вы присоединитесь к хору простецов. Нельзя вообразить дела благороднее, чем попытка усовершенствовать государственную жизнь.

— Благодарствую... Надеюсь, вы чувствуете себя лучше, чем утром.

Его глаза сверкнули, но он быстро взял себя в руки: сделал вид, что не понял, не удивился, не возмутился.

— Спасибо... Чувствую себя отлично.

Марджори заметила, что я говорил о чем-то неизвестном другим и что побуждения мои не из чистых.

— Пойдемте же, нам пора. Это мистеру Атертону сегодня нездоровится.

Она взяла Лессинхэма под руку, и тут подошел ее отец. Старик Линдон взирал на дочь, стоящую под руку с Апостолом, так, словно не верил собственным глазам.

— А я думал, ты у герцогини.

— Так и было, папá, но сейчас я здесь.

— Здесь! — Линдон принялся заикаться и запинаться и побагровел так, как делал при крайнем волнении. — Чт...что ты тут вообще делаешь? Г...где экипаж?

— Там, где ему и положено, ждет снаружи — если, конечно, лошади не понесли.

— Я...я... я сам тебя провожу. Мн...мне не нравится, что ты пришла в... в такое место, как это.

— Спасибо, папá, но меня проводит мистер Лессинхэм... Поговорим позже... До встречи.

Наверное, я никогда не видел ее более холодной, чем в эту минуту. На дворе век женских свобод. Девушкам ничего не стоит вертеть своими матерями, что уж говорить об отцах, но то, как эта барышня уплыла прочь под руку с Апостолом, оставив родителя на месте, было зрелищем своеобразным.

Кажется, Линдон поверить не мог, что эта парочка взяла и так запросто ушла. Они успели скрыться в толпе, а он стоял и смотрел им вслед; лицо его все сильнее краснело, пока на лбу не выступили вены; мне подумалось, что его вот-вот хватит удар. Потом он, со вздохом, повернулся ко мне.

— Безобразие! — Я предпочел думать, что речь идет о покинувшем нас джентльмене, хотя из последовавшей тирады старика это было не столь очевидно. — Только сегодня утром я запретил ей с ним якшаться, а т...теперь он уходит с ней под ручку! Г...грязный авантюрист! Вот именно, авантюрист; и в скором времени я скажу ему это прямо в лицо!

Сжав кулаки и сунув их в карманы, он удалился, пыхтя, как огорченный кит, а так как он проговорил все вслух, люди вокруг остались недоумевать, в чем дело. Стоило Линдону удалиться, как ко мне подошел Вудвилль, в той же мере огорченный.

— Она ушла с Лессинхэмом, ты это видел?

— Конечно, видел. Когда кому-то удастся произнести такую речь, какую произнес Лессинхэм, с ним пойдет любая — сочтет это за счастье. Вот будешь облечен той властью, что есть у него, и используешь ее во благо страны, идти даме с тобой — но пока извини.

Он, как всегда, притворялся, что протирает монокль.

— Как же тяжело. Когда я узнал, что она тут будет, я сам едва не решился выступить, честное слово, просто не знал, о чем говорить, да и говорить я не мастак... да и как выступить, если тебя оттерли на галерею?

— Действительно, как бедолаге быть?.. не забираться же на перила и орать, пока друг сзади за ремень придерживает.

— Точно тебе говорю, однажды я выступлю... просто обязан сделать это, а ее, как назло, не окажется в зале.

— Значит, тебе крупно повезет.

— Думаешь?.. Может, и так. Правильно, я все испорчу, а если она это увидит, то я совсем пропал! Как на духу говорю, в последнее время мне очень хочется стать поумнее.

Он почесал переносицу моноклем, смешной безутешный неудачник.

— Не вешай нос, Перси!.. Встряхнись, дружище! Голосование позади... ты свободен... давай-ка кутнем.

Так мы и поступили.

Глава 16

Волшебный пар Атертона

Я повел его ужинать в «Геликон». Всю дорогу в наемном экипаже он пытался поведать мне историю о том, как делал Марджори предложение, и, когда мы доехали до клуба, был все еще далек от ее окончания. Как обычно, внутри оказалась толпа, но нам удалось раздобыть себе столик в углу зала и, прежде чем подали еду, он опять завел речь о том же. Вокруг нас было много народу, и все они, кажется, говорили разом; играл оркестр — в «Геликоне» по вечерам не звучит одинокое пианино; так что Перси нашел не самое подходящее место для беседы, но, учитывая деликатность темы, он изливал мне душу не очень громко, оставаясь в рамках приличий, однако в процессе рассказа голос его не переставал повышаться. Но таков уж чудак Перси.

— Ты не представляешь, сколько раз я пытался поговорить с ней — не счесть.

— И поговорил?

— Да, говорил при каждой нашей встрече — почти об этом, но все никак не получалось высказаться открыто, сам понимаешь.

— Почему?

— Ну, только я опять собрался сказать: «Мисс Линдон, могу ли я преподнести вам дар своей привязанности...»

— Это вот так ты всякий раз намеревался начать?

— Да нет, не всегда так: раз одними словами, в другой иными. По правде сказать, я заучил наизусть коротенькую речь, но мне никак не удавалось ее произнести, поэтому я решил сказать хотя бы что-то.

— И что ты сказал?

— Да ничего, понимаешь, до дела у нас так и не дошло. Только-только рот раскрою, она сама мне всякие вопросы задает: люблю я широкие рукава или поуже, цилиндры или котелки, ну, и прочую подобную чушь.

— В этот раз тоже?

— Да... не мог же я не ответить, а пока отвечал, упустил возможность признаться. — Перси натирал свой монокль. — Я столько раз начинал, а она так часто затыкала мне рот, что мне уже кажется, что она догадывалась, о чем я хочу поговорить.

— Думаешь, догадывалась?

— Наверняка. Однажды я пошел с ней на Пикадилли и заманил в магазин перчаток в Берлингтонском пассаже. Там я хотел предложить ей руку и сердце — всю ночь глаз не сомкнул, все о ней мечтал, едва не впал в отчаяние.

— Предложил?

— Вместо этого девица за прилавком уговорила меня взять дюжину перчаток. А когда их доставили мне домой, оказалось, они на три размера больше, чем надо. По-моему, мисс Линдон вообразила, что я с ней заигрываю, потому что ушла, оставив меня в лавке. Вот после этого девчонка и продала мне кучу всего: я никак не мог от нее отделаться. И все на меня глазом зыркала. Кажется, стеклянным.

— Заигрывал-то ты с кем — с мисс Линдон или с продавщицей?

— Как будто с продавщицей. Она прислала мне полную коробку зеленых галстуков и заявила, что я сам их заказал. Денек выдался незабываемый. С той поры я в Пассаж ни ногой и не собираюсь.

— Мисс Линдон неправильно тебя поняла.

— Не знаю. Вечно она неправильно меня понимает. Однажды сказала, что я убежденный холостяк, что такие, как я, не женятся, потому как это, по ее словам, у меня на лице написано.

— Тяжко тебе тогда пришлось, с твоими-то намерениями.

— Очень тяжело. — Перси опять вздохнул. — Что ж я такой пропащий. Не тот я человек, что специально все портит, но если попадаю впросак, то всерьез.

— Говорю тебе, Перси, выпей!

— Сам знаешь, я в рот ни капли не беру.

— Вот ты заявляешь, что твое сердце разбито, а потом, тем же тоном, что в рот не берешь: да будь твое сердце действительно разбито, вся трезвость отправилась бы к чертям.

— Ты считаешь? Почему?

— Потому что так и было бы — все, у кого сердце разбито, всегда пьют; и меньше большой бутылки вина ты бы не выпил.

Перси застонал.

— Мне бывает плохо, когда выпью, но я попробую.

Он попробовал: лихо начал, осушив одним глотком только что наполненный официантом бокал. Затем впал в уныние.

— Признайся мне, Перси, — как на духу! — ты правда ее любишь?

— Люблю ее? — Его глаза округлились. — Я разве тебе не сказал, что люблю?

— Я помню, но про это легко говорить. Что именно ты чувствуешь, когда утверждаешь, что любишь?

— Что чувствую?.. Что-то такое — и этакое. Тут надо в душу мне заглянуть, чтобы понять.

— Ясно... Как-то так, да?.. А представь, что она любит другого, какие чувства ты станешь испытывать к нему?

— Она любит другого?

— Говорю, представь.

— Точно, любит. Так я и знал... Ну я и идиот, что раньше об этом не подумал. — Он вздохнул — и наполнил опустевший бокал. — Кем бы он ни был, он счастливчик. Так... так я ему и скажу.

— Так ему и скажешь?

— Знаешь, ему чертовски везет.

— Возможно, но если ему чертовски везет, то тебе чертовски не везет. Ты готов, не говоря ни слова, отдать ее ему?

— Если она его любит.

— Но ты сказал, что сам любишь ее.

— Сказал.

— И как это совместить?

— Не считаешь ли ты, что если я ее люблю, мне не хочется видеть ее счастливой?.. Я не такой негодай!.. Все бы

отдал, лишь бы она была счастлива.

— Ладно... Даже если она счастлива с другим?.. Боюсь, у меня несколько иная философия. Если бы я любил мисс Линдон, а она любила, скажем, Джонса, вряд ли я испытывал бы что-то хорошее к этому Джонсу.

— А что бы ты чувствовал?

— Хотел бы его убить... Перси, пошли ко мне домой — вместе начали вечер, вместе его и закончим: я покажу тебе одно из великолепнейших средств для умерщвления, такие чудеса тебе и не снились. Я бы хотел с его помощью продемонстрировать, что я испытываю по отношению к этому Джонсу: он сразу смекнет, какие чувства я к нему питаю, стоит только мне эту штуку на него направить.

Перси без слов пошел со мной. Выпил он не очень много, но ему оказалось достаточно и этого, чтобы впасть в состояние плаксивой чувствительности. Я втащил его в кэб, и мы помчались вдоль Пикадилли.

Он молчал, вперив в пустоту перед собой задумчивый взгляд. Я попросил извозчика проехать по Лаундес-сквер. Возле особняка Апостола я приказал остановиться.

— Видишь, Перси, это дом Лессинхэма! — сообщил я, показывая его Вудвиллю. — Это дом человека, ушедшего вместе с Марджори!

— Да. — Перси говорил медленно, произнося каждое слово с излишним напряжением. — Потому что он выступал... Мне бы тоже хотелось выступить... Однажды я так и сделаю.

— Потому что он выступил — только по этой, а не иной причине! Когда чей-то язык подвешен, как у Апостола, он может околдовать любую женщину в стране... Эй, кто там идет?.. Лессинхэм, это вы?

Я заметил или подумал, что заметил, как кто-то или что-то скользнуло вверх по ступенькам крыльца и исчезло в темноте у двери, словно скрываясь от посторонних глаз. На мой призыв никто не откликнулся. Я крикнул опять:

— Не робейте, друг мой!

Выскочив из кэба, я быстро пересек тротуар и взбежал по лестнице. К моему удивлению, на крыльце никого не оказалось. Я поверить не мог, что там никого нет. Будто изо-

бражая слепого, я рассек пространство вокруг себя руками, ничего не нащупав. Затем отошел на пару ступеней вниз.

— На вид лишь пустота, коей природа не приемлет... Эй, возница, не видал, поднимался кто на крыльцо или нет?

— Кажется, поднимался, сэр; я мог бы поклясться, что кого-то приметил.

— Я тоже... Очень странно.

— Может, сэр, этот кто-то разом в дом вошел.

— Это вряд ли. Мы бы услышали, как открылась дверь, даже если бы этого не видели; впрочем, тут не настолько темно, чтобы не увидеть... Меня так и тянет позвонить в звонок и уточнить.

— На вашем месте я бы не стал, сэр; забирайтесь-ка обратно, и поедem. Тут Пол Лессинхэм живет, великий Пол Лессинхэм.

По-моему, извозчик подумал, что я пьян — и недостаточно респектабелен для знакомства с именитым политиком.

— Вудвилль, просыпайся! Знаешь, мне отчего-то кажется, что это место таит секрет, — да я в этом уверен. Ощущение такое, будто здесь кроется нечто необъяснимое, что-то, чего мне не дано ни увидеть, ни услышать.

Кучер свесился с козел и попытался заманить меня обратно в экипаж:

— Садитесь, сэр, ехать пора.

Я прыжком забрался в кэб, и мы тронулись — но далеко не уехали. Метров через десять я вновь выпрыгнул наружу, не потрудившись предупредить возницу. Раздосадованный, он остановился сам.

— Ладно, сэр, теперь-то что? Вот в следующий раз поранитесь, соскакивая, а винить меня станете.

Я заметил кошку, крадущуюся во тьме у перил, — черную кошку. За ней-то я и отправился. Кошка оказалась то ли сонной, то ли медлительной, то ли глупой, а, может, и вовсе сумасшедшей — с кошками такое редко, но случается! — так или иначе, она не попыталась сбежать от меня, позволив схватить себя за шкуру.

Как только мы прибыли ко мне в лабораторию, я посадил кошку в застекленный ящик. Перси смотрел на это.

— Ты зачем ее туда сунул?

— А вот это, дорогой мой Перси, ты сейчас увидишь. Будешь присутствовать при эксперименте, и им, как законодатель — ты же таковым являешься! — должен всенепременно и чрезвычайно заинтересоваться. Я собираюсь продемонстрировать тебе малые возможности оружия, которое, если использовать его в полную мощь, способно послужить во благо моей родной стране.

Перси оставался совершенно безразличен. Плюхнувшись на стул, он возобновил тоскливые причитания:

— Ненавижу кошек!.. Отпусти ее!.. Мне всегда тошно, если в комнате кот.

— Чепуха, ты все придумываешь! Тебе просто нужно глотнуть виски — зачирикаешь, как воробушек.

— Не хочу я опять пить!.. Я и так перебрал!

Я не стал обращать внимания на его слова. Просто плеснул две щедрые порции в стаканы. Не особо понимая, что делает, Перси одним глотком влил в себя добрую половину полученного виски. Поставив стакан на стол, он закрыл лицо руками и простонал:

— Что подумала бы Марджори, если бы увидела меня сейчас?

— Подумала? Да ничего. Зачем ей думать о таком, как ты, если у нее есть рыбка пожирнее?

— Мне так ужасающе плохо!.. Напьюсь-ка я от души!

— Напейся!.. только, ради бога, веселись, а не наводи скуку смертную... Выше нос, Перси! — Я похлопал Вудвилля по плечу, тем самым едва не свалив его со стула на пол. — Сейчас я проведу перед тобой небольшой опыт, о котором уже говорил!.. Кошку видишь?

— Конечно, вижу!.. зверюга!.. Ну отпусти ты ее!

— Зачем мне ее отпускать?.. Знаешь, чья это кошка? Это кошка Пола Лессинхэма.

— Пола Лессинхэма?

— Да, Пола Лессинхэма; того самого, что выступал с речью; того, с кем ушла Марджори.

— Откуда ты знаешь, что кошка его?

— Понятия не имею, мне просто так кажется; мне хочется думать, что она его!.. Я намерен так думать!.. Она гуляла у его дома, следовательно, это его кошка; вот и все мои доводы. Я не могу посадить в этот ящик Лессингхэма, поэтому вместо него сажаю кошку.

— Зачем?

— Увидишь... Заметил, как она радуется?

— Что-то не похоже, что она довольна.

— Все мы радуемся по-разному — она делает это так.

Животное вело себя как сбесившееся, бросалось на стены своей стеклянной тюрьмы, металось туда-сюда, из стороны в сторону, завывало от ярости, или от страха, или от того и другого одновременно. Возможно, оно предчувствовало угрозу; нельзя догадаться, что происходит в голове у тех, кого мы называем неразумными тварями.

— Занятно.

— Некоторые из нас, не только кошки, тоже ведут себя занятно. А теперь внимание! Взгляни на эту игрушку — ты наверняка уже видел нечто подобное. Это пружинное ружье: сжимаешь пружину, бросаешь снаряд в ствол, отпускаешь пружину, снаряд летит. Сейчас я открою этот встроенный в стену сейф. У него буквенный шифр, и прямо сейчас его открывает слово «виски» — видишь, это тебе знак. Ты уже заметил, насколько этот сейф прочен: воздухонепроницаемый, огнеупорный, с тройной внешней обшивкой из стали, которую нельзя просверлить; то, что внутри, очень ценно — для меня! — и чертовски опасно; жаль мне того вора, что, в невинном своем невежестве, попытается его взломать. Загляни внутрь; видишь, в нем шарики, стеклянные, каждый в специальной выемке, легкие как перышко, прозрачные — сквозь них все видно. Достанем пару, маленьких, как пилюльки. В них нет ни динамита, ни кордита¹, ни единого подобного им вещества, однако в равных условиях эти шарики натворят такого, что не под силу ни одной взрывчатке, изобретенной человеком. Возьми один —

¹ Кордит — один из видов нитроглицеринового бездымного пороха.

раз утверждаешь, что сердце твое разбито! — раздави у себя под носом: много сил не потребуется — и через миг окажешься в краю, где, как говорится, не бывает печалей.

Он отпрянул назад.

— Понятия не имею, о чем ты... Не нужна мне эта штука... Убери ее.

— Подумай еще: второго шанса может и не быть.

— Говорю тебе, не надо.

— Уверен?.. Поразмысли!

— Конечно, уверен!

— Значит, отдадим это кошке.

— Отпусти бедняжку!

— Отпущу бедолагу — в страну столь близкую, сколь и далекую. Сейчас, пожалуйста, будь внимателен. Смотри, что я делаю с игрушечным ружьем. Сжимаю пружину; вкладываю в дуло шарик; опускаю ствол в отверстие стеклянного ящика с апостольской кошкой... видишь, отверстие как раз по размеру, что, в общем-то, должно нас радовать... Вот сейчас я разожму пружину... Сосредоточься, пожалуйста... Наблюдай за происходящим.

— Атертон, отпусти зверя!

— Отпустил! Пружина разжалась, шарик вылетел, стукнулся о крышку ящика, разбился при ударе — и вуаля! — кошка мертва, несмотря на все ее девять жизней. Заметил, как она притихла — тише воды! Будем надеяться, что она в своем кошачьем раю. Кошка, которую я предпочитаю считать питомицей Пола Лессинхэма, отправилась на покой; утром я отошлю ее к нему, с полагающимися поздравлениями. А то вдруг он не заметит пропажи... Подумай! — вообрази огромный снаряд, наполненный тем, что мы назовем «Волшебным паром Атертона», выпущенный из стодвадцатитонного орудия и разорвавшийся на определенной высоте над головами армии противника. Если все сделать правильно, то не успеешь и глазом моргнуть, как сто тысяч человек — а может, больше! — рухнут замертво, будто сраженные молнией с небес. Вот это настоящее оружие, понимаешь?

— Мне нехорошо!.. Хочу уйти!.. Сам не знаю, зачем пришел к тебе!

Как будто сказать Вудвиллю было больше нечего.

— Вздор!.. Каждую секунду ты расширяешь свои представления о мире, а в наши дни, когда член Парламента должен знать все обо всем, информация просто необходима. Осуши бокал, приятель, — настал твой час!

Я вручил ему стакан. Он выпил его содержимое, а затем, в порыве пьяного озорства, отшвырнул его от себя. До этого я — довольно легкомысленно — оставил второй шарик недалеко от края стола. Тяжелый бокал, ударившись о столешницу, заставил ее затрястись, отчего шарик покатился. Все это произошло не с моей стороны, и хотя я метнулся вперед, пытаясь остановить движение, я опоздал. Я не смог дотянуться до хрустальной капсулы, и она, соскользнув на пол, упала к ногам Вудвилля и раскололась. В этот момент он посмотрел вниз, недоумевая, конечно, по глупости своей, что происходит, ибо я надрывался от крика, пытаясь предотвратить грядущую катастрофу. Стоило пару вырваться наружу из разбившейся оболочки и попасть в воздух, как Вудвилль тут же упал ничком. Ринувшись к нему, я приподнял бесчувственное тело и, спотыкаясь, поволок к двери, выходящей во двор. Распахнув ее, я вытащил Перси на свежий воздух.

Оказавшись на улице, я обнаружил, что во дворе я не один. Там стоял таинственный египетско-арабский дружок Лессинхэма, тот самый, что заглянул ко мне утром.

Глава 17

Магия?.. Или чудо?

Переход во двор из яркого электрического света лаборатории был попаданием из сияния во мрак. Закутанный в светлый плащ человек, стоявший во тьме, показался видением из сна. Мир плясал у меня перед глазами. А все потому, что я до этого старательно сдерживал дыхание и отворачивался в сторону, стараясь избежать участи Вудвилля. Задержись я в помещении на миг дольше, и мне оттуда было бы не выбраться. И сейчас, опустив Перси на землю, я сам же об него споткнулся. Сознание меня покинуло. За мгновение до обморока я понял, что успел кое-что выкрикнуть, вспомнив высказывание об инженере, взорвавшемся на собственной петарде¹: «Волшебный пар Атертона!»

Очнулся я с весьма любопытными ощущениями. Чьи-то руки поддерживали мое тело, надо мной склонилось незнакомое лицо, а глаза, заглядывавшие в мои, поразили своей необычностью.

— Кто, черт побери, вы такой? — спросил я.

Затем, сообразив, что это мой утренний незванный гость, я, не особо церемонясь, вырвался из его рук. В свете, льющемся из двери лаборатории, я видел, что рядом со мной лежит Вудвилль — тихий и неподвижный.

— Он умер? — вскричал я. — Перси — очнись, дружище!.. не может же быть все так плохо!

Но оно было — стряслась такая беда, что, когда я склонился и взглянул на него, сердце мое забилося с немыслимой скоростью, ибо состояние его оставляло желать лучшего. Кажется, он не дышал: пар воздействовал непосредст-

¹ Речь идет о цитате из «Гамлета» Уильяма Шекспира (акт третий, сцена 4): «Забавно даже видеть инженера, / Что сам себя взорвет своей петардой» (пер. И. Пешкова). В классическом переводе М. Лозинского она звучит так: «В том и забава, чтобы землекопа взорвать его же миной».

венно на кардиальные ткани. Первым делом — и немедленно — надо было восстановить биение сердца. Однако в голове моей бушевала такая сумятица, что я не знал, как и с чего начать. Окажись я один, Вудвилля, скорее всего, ожидала бы смерть. Пока я тупо и бесцельно смотрел на Перси, незнакомец, просунув руки под моего бесчувственного друга, в полный рост улегся на его недвижимом теле. Прижавшись губами к его губам, он будто бы перекачивал жизнь из себя в бездыханного человека.

Я смотрел на них в крайнем изумлении, и вскоре тело Перси шевельнулось. У него, словно от боли, свело руки и ноги. Постепенно движения стали походить на конвульсии, пока вдруг он не дернулся так, что незнакомец скатился с него. Я наклонился над Вудвиллем, но обнаружил, что его состояние по-прежнему плачевно. Мышцы его лица застыли, на коже выступил липкий пот, белки глаз и оскаленные зубы выглядели столь неприятно, что хотелось отвернуться.

Араб, кажется, понял, что у меня на уме; впрочем, это было несложно. Указывая пальцем на лежащего Вудвилля, он сказал с тем же странным акцентом, который, пусть и не понравился мне с утра, сейчас звучал весьма мелодично:

— С ним все будет хорошо.

— Не уверен.

Незнакомец не снизошел до ответа. Он встал на колени с одной стороны от жертвы современной науки, я — с другой. Он водил рукой над застывшими чертами Перси, и, как по мановению волшебной палочки, мука и боль исчезли с лица моего друга, отчего стало похоже, что он мирно спит.

— Вы загипнотизировали его?

— Какая разница?

Если это и был гипноз, то очень бережный и аккуратный. В этом выходящем из ряда вон, сложнейшем случае эффект превзошел любые ожидания: то, что удалось сделать за несколько секунд, поражало воображение. Я начал ощущать нечто вроде уважения к приятелю Пола Лессинхэма. Его рассуждения удивляли, а манеры вызывали негодова-

ние, но в данном случае результат оправдывал всякие средства. Незнакомец продолжил:

— Он спит. Когда проснется, не вспомнит ничего из произошедшего. Оставьте его здесь, ночь теплая — все будет хорошо.

Как он сказал, на улице было тепло — и сухо. Вряд ли Перси стало бы хуже от того, что ему, на некоторое время, позволят насладиться приятным ветерком. Поэтому я последовал совету гостя, оставив Вудвилля лежать во дворе; сам же решил коротко переговорить с внезапно проявившим себя целителем.

Глава 18

Трансфигурация¹ жука

Дверь лаборатории была закрыта. Незнакомец стоял не-далеко от нее. Я прошел вглубь комнаты и взирал на него со всем вниманием, кое позволялось при данных обстоятель-ствах. Конечно, он знал, что я наблюдаю за ним, однако вид имел равнодушный, будто бы это совершенно его не беспо-коило. Передо мной стоял восточный человек до кончиков ногтей — даже не сомневайтесь; но несмотря на то, что я повидал немало выходцев из тех краев, мне никак не уда-валось понять, из какой именно страны он приехал. Вряд ли он был арабом и уж точно не был феллахом² — и, если я не ошибся, он ничуть не походил на мусульманина. Имелось в нем нечто такое, что никак не сочеталось с исламом. Что до его внешности, то никто не назвал бы его отборнейшим представителем расы, к какой бы народности он ни принад-лежал. Одного только орлиного носа внушительного раз-мера было бы достаточно, чтобы поставить крест на победе этого господина в состязании красавцев. Толстые губы ка-зались бесформенными и, вкупе с еще одной особенностью его облика, наводили на мысль, что в его венах течет не од-на капля негритянской крови. А особенностью, которую я только что упомянул, был его откровенно немалый возраст. При взгляде на моего гостя вспоминались рассказы о лю-дях, сохранявших юношескую бодрость до глубочайшей стар-ости. Однако при более пристальном наблюдении любой задался бы вопросом, а так ли этот человек дряхл, как вы-глядит, — да и вообще, пожилой ли он. Негры, особенно не-гритянки, часто ветшают с невероятной скоростью. Среди цветных иногда встречаются женщины, чьи лица, как у сто-

¹ Трансфигурация — латинизированный термин для видоизменения, преображения, чаще в религиозном контексте.

² Феллах — крестьянин в странах Ближнего Востока.

летних, испещрены морщинами, хотя в действительности по своему возрасту они, здесь в Англии, считались бы дамами в самом цвете. Следы времени на лице моего посетителя к тому же спорили с юным блеском его глаз. У настоящих стариков таких глаз не бывает. Форма их показала мне любопытной, напояв о продолговатых фасеточных глазах странного насекомого, которого я мог мысленно себе нарисовать, но чье название в ту секунду ускользало от меня. Глаза горели не только силой и огнем, но задором юности. Мне доселе не доводилось видеть таких невероятных глаз; их обладатель вряд ли бы стал душою общества, в любом смысле. Вероятно, благодаря некоей специфической особенности строения зрительного нерва, взгляд этих глаз был будто направлен не на собеседника, а сквозь него. Едва ли природе удалось бы создать лицо, чьи черты явственней выдавали бы, насколько опасен их носитель. Если кто-то, кому хотя бы однажды довелось увидеть этого человека, все же возжелал бы продолжить знакомство с ним, то ему было бы некого, кроме себя, благодарить за то, что его приверженность столь дурной компании привела к плачевным последствиям.

Так получилось, что я сам обладаю чрезвычайно тяжелым взором. Например, я всегда с легкостью заставлял любого, кто встречался со мной взглядом, отвести глаза. Однако, продолжая пристально всматриваться в гостя, я осознал, что только немалым усилием воли способен противостоять чему-то зловещему, проникающему из его глаз в мои. Возможно, у меня разыгралось воображение, хотя в этом плане я не впечатлителен; и если то, что я ощутил, действительно было моей фантазией, то весьма правдоподобной и неприятной. Я понимал, что при встрече с человеком нервным или чувствительным этот тип мог оказать на него самое губительное влияние посредством одного лишь своего особенного взгляда, а попадись ему подходящий объект, то результат демонстрации этой его силы мог бы представиться едва ли не сверхъестественным. Иначе говоря, если кто и был наделен традиционным дурным глазом, в который так истово верят итальянцы, да и не только этот современ-

ный народ, то таким человеком являлся мой гость.

После того как мы смотрели друг на друга в течение, осмелюсь предположить, добрых пяти минут, мне подумалось, что этого уже достаточно. Посему, пытаюсь растопить лед, я задал вопрос:

— Могу ли я поинтересоваться, каким образом вы попали ко мне во двор?

Он ответил не словами, но типично восточным жестом — поднял вверх руки и опустил их ладонями вниз.

— Правда?.. Неужели?.. Вероятно, вы сами прекрасно поняли, что хотели показать, но ради меня не могли бы вы облечь это в слова? Еще раз спрашиваю, как вы попали ко мне во двор?

Он опять повторил свое движение.

— Наверное, вы недостаточно знакомы с английскими обычаями и правилами поведения и не понимаете, что вам грозит карающая длань закона. Реши я вызвать полицию, вы окажетесь в щекотливом положении; а пока вы не станете более разговорчивым, я не передумаю вызывать ее.

В качестве ответа он соорудил гримасу, весьма схожую с ухмылкой — и которая, кажется, показывала, что он слишком презирает полицию, чтобы хоть что-то сказать по этому поводу.

— Что усмехаетесь... думаете, угроза полицией — это шутка? Вряд ли вам понравится встреча с ней... Неужели вас неожиданно покинул дар речи?

Он доказал, что это не так, заговорив со мной:

— Власть над языком мной не утеряна.

— Ну, это хотя бы кое-что. Раз тема попадания ко мне во двор кажется вам деликатной, вы, возможно, расскажете, зачем проникли туда.

— Причина вам известна.

— Простите, но посмею вам возразить: именно ее я не знаю.

— Знаете.

— Разве?.. В таком случае я прихожу к выводу, что вы здесь с предельно ясной целью — совершить преступление.

— Вы обвиняете меня в воровстве?

— В чем же еще?

— Я не ворую... Вам известно, зачем я здесь.

Он вздернул подбородок. И взглядом дал мне почувствовать, что ожидает от меня понимания, а я, по его мнению, пока пребываю в замешательстве. Я пожал плечами.

— Я здесь, потому что вы во мне нуждаетесь, — сказал он.

— Потому что вы мне нужны?!.. Ей-богу!.. Какие тонкости!

— Весь вечер вы желали видеть меня — мне ли этого не знать? Желали, когда она разговаривала с вами о нем и кровь закипала в ваших венах; когда он произносил речь и все ему внимали, а вы его ненавидели, потому что она глядела на него с восторгом.

Я был ошеломлен. Либо он говорил о том, о чем вряд ли вообще мог догадаться, либо... где-то закралась ошибка.

— Послушай, приятель, не пытайся меня обдурить — в этом деле я и сам, понимаешь ли, мастак.

На этот раз на коне оказался я — мне удалось его озадачить.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— В таком случае мы на равных, я тоже не представляю, о чем говорите вы.

Он неожиданно повел себя по-детски непосредственно:

— Чего это вы не знаете? Этим утром не было ли речи о том, что если вы будете нуждаться во мне, я приду?

— Кажется, я припоминаю, что вы любезно предлагали мне нечто подобное, но... разве к вам поступала какая-то просьба?

— Вы испытываете к нему иные чувства, чем я?

— К кому это ему?

— К Полу Лессинхэму.

Это было сказано тихо и спокойно, но, мягко выражаясь, не без враждебности, показавшей, что по меньшей мере стремления причинить зло Апостолу тут не занимать.

— Умоляю вас, поведайте, какое это чувство мы к нему испытываем?

— Ненависть.

Для этого джентльмена ненависть откровенно означала ненависть — в полнокровном восточном смысле. Я бы не удивился, если бы после того, как слово слетело с его губ, они оказались бы опаленными.

— Я ни в коем случае не утверждаю, что действительно питаю к нему упомянутое вами чувство, но, допустим, такое имеется, и что?

— Ненависть роднит.

— Такое я тоже поостерегусь подтверждать; но — делаем следующий шаг — что у всего этого общего с вашим присутствием в моем обиталище в столь поздний час?

— Вы ее любите. — На сей раз я не попросил уточнить имя: мне не хотелось, чтобы его звучание было замарано губами этого человека. — Она любит его: это плохо. Если пожелаете, она вас полюбит: это будет хорошо.

— Действительно... Так поведайте, как достичь столь милого сердцу исхода?

— Дайте мне свою руку. Скажите, что вы хотите этого. Все сбудется.

Он сделал шаг вперед и протянул мне руку. Я мешкал. Было, в тот момент, в поведении этого типа нечто такое, что меня настораживало. В голове мелькали воспоминания о глупых историях, которые обычно рассказываются про сделки с дьяволом. Да и чувствовал я себя так, словно действительно оказался рядом с одним из порождений зла. Я подумал о своей любви к Марджори, что открылась мне после стольких лет знакомства, о наслаждении держать ее в объятиях, о счастье чувствовать прикосновение ее губ к моим. Однако стоило моим глазам встретиться с его глазами, как меня прожгла мысль о темной стороне того, что сулит покорение моей прекрасной леди; в голове вспышкой промелькнула череда пылких фантазий. Обладать ею — только бы ей обладать!..

Что за чушь несет этот человек! Что за пустое бахвальство! Я смеха ради представил, как вкладываю свою руку в его и произношу вслух желание, по всей видимости, уже ему известное. Да чем все может обернуться?! Это же просто

шутка. Он сам попадетсЯ на свою уловку, ведь, конечно, ничего из этого не выйдет. Так почему бы тогда не попробовать?

Я приму его предложение — пройду весь путь до конца.

Я успел шагнуть ему навстречу, но... остановился. Не знаю, по какой причине. Мои мысли мгновенно потекли в ином русле.

Каким мерзавцем я предстану перед собой, если произнесу имя женщины все, только чтобы сыграть дурацкую шутку с таким гнусным отребьем, как этот кошмарный бродяга в моей комнате, тем более если это будет имя той, кого люблю? Мной овладела ярость.

— Ах ты пес! — вскричал я.

Эта внезапная перемена настроения наполнила меня желанием вытрясти из негодяя дух. Я сделал шаг к нему, намереваясь сменить милость на гнев, но вдруг его жест стал другим: он больше не протягивал мне руку, а выставил ее вперед, словно запрещая двигаться дальше. Именно так — и я невольно застыл на месте, будто вокруг выросли железные прутья и стальные стены.

На какое-то мгновение меня охватило изумление, близкое к потрясению. Это было необычное чувство. Я не мог продвинуться ни на дюйм, точно руки и ноги перестали мне повиноваться, да и сама попытка пошевелиться казалась неосуществимой. Поначалу я мог лишь смотреть и недоумевать. Вскоре у меня забрезжила догадка, что же все-таки случилось.

Этому паршивцу едва не удалось загипнотизировать меня.

Как мило — загипнотизировать такого, как я, именно в этот миг жизни. По моему телу пробежала дрожь от предположения, что произошло бы, если бы я вовремя не остановился! Какие штуки могло бы сотворить со мной этакое существо! Всем известно, что с острыми предметами играть опасно; я совершил грубый промах, недооценив силу своего противника. Этот господин явно был, в своем роде, кем-то из ряда вон выходящим.

По-моему, ему все-таки показалось, что он меня заполучил. Когда я повернулся и прислонился к столу за спиной, мне почудилось, что по его телу пробежала дрожь, как будто это доказательство моей способности владеть собой стало для него полной неожиданностью. Я молчал: мне понадобилось несколько секунд, чтобы оправиться от жуткого осознания, под какой удар я себя подставил. Затем я решился на поступок, который должен был показать, что я ничуть не хуже этого весьма одаренного джентльмена.

— Послушай моего совета, приятель, не надо опять пробовать на мне свои фокусы-покусы.

— Я не знаю, о чем вы говорите.

— Не лги мне — или я спалю тебя дотла.

За мной стояла электрическая машина, дающая полуметровую искру. Она приводилась в движение рычагом, встроенным в стол: я легко дотягивался до него со своего места. Не переставая говорить, я попотчевал гостя маленьким электрическим спектаклем. Как забавно он переменялся. Затрясся от ужаса. Пал ниц.

— Мой господин!.. хозяин!.. пощади, о, мой господин!

— Веди себя аккуратней, вот и весь разговор. Может, ты и вообразил себя кем-то вроде волшебника, но так уж вышло, что, к несчастью для тебя же, я тоже кое-что в этом смыслю; может, даже поболее твоего. Ты вероломно проник в мою цитадель, но магии в ней достаточно для того, чтобы поразить сотню тысяч таких, как ты.

Взяв с полки бутылку, я пролил пару капель ее содержимого на пол. Вверх взметнулись языки пламени, сопровождаемые слепящим паром. Это была довольно незамысловатая иллюстрация одного из свойств бромида фосфора, но эффект, произведенный ей на гостя, оказался не только поразительным, но и неожиданным. Если верить тому, что увидели мои глаза, мой собеседник исчез с воплем ужаса, а там, где он только что стоял, у самого пола в неистовом волнении завертелось нечто темное и смутно различимое. Фосфоресцирующий дым затуманивал взор; мне померещилось, что вдруг померк свет, но прежде чем я догадался подойти поближе и посмотреть, действительно ли там что-то

есть, а если есть, то что именно, пламя утихло и опять появился человек: стоя на коленях, он бил поклоны в состоянии совершеннейшего испуга.

— Господин! мой господин, — завывал он. — Умоляю тебя, господин, сделай меня своим рабом!

— Отныне ты мой раб! — Сложно сказать, кто из нас, он или я, пришел в большее возбуждение, но мне по крайней мере удалось не выказывать его признаков, в отличие от моего визави.

— Встань!

Он поднялся. Я с интересом, честно говоря, совершенно новым и необычным для меня, наблюдал за ним. Меня по-прежнему терзали сомнения, не пал ли я жертвой зрительного обмана; задавался вопросом, пропадал ли он на самом деле, как мне в тот момент показалось, но в то же время я не мог поверить, что его исчезновение мне пригрезилось. Если это был фокус, то я понятия не имел, как он его провернул; если же это не было обычным трюком, то что тогда это было? Видел ли я новое слово в чудесах науки? Неужели он смог показать действие неизвестных мне сил, подобно тому как я сделал это для него чуть ранее?

Он стоял передо мной с видом полнейшей покорности: глаза опущены долу, руки скрещены на груди.

Я решил подвергнуть его допросу:

— Я намерен расспросить тебя кое о чем. Пока твои ответы точны и правдивы, тебе ничто не угрожает. В ином случае тебе лучше поостеречься.

— Спрашивай, хозяин.

— Какова природа твоей неприязни к Полу Лессинхэму?

— Месть.

— Чем он навлек на себя твое желание мстить?

— Он пролил невинную кровь.

— Что это значит?

— На его руках кровь человека моего рода. Она вопиет об отмщении.

— Кого он убил?

— Это, хозяин, останется между ним и мной.

— Ладно... Правильно ли я понял, что ты не хочешь дать мне ответ и поэтому мне придется опять применить свою... магию?

Я заметил, как он содрогнулся.

— Хозяин, он пролил кровь той, что возлежала у него на груди.

Я замешкался. Было вроде бы ясно, что он имеет в виду. Наверное, мне не стоило давить на него далее и вдаваться в подробности. Его слова указывали на то, что можно было изящно обозначить как восточный романтизм — хотя я с трудом представлял, как Пол Лессинхэм может выступать в качестве подобного героя. Недаром издревле говорится, что в жизни каждого найдутся темные тайны — и чем невероятнее это кажется, тем тайны чернее. Как этот двухгрошовый бахвал, эта воплощенная совесть оппозиции выкрутится, если история разнесется по стране? Не рухнет ли со своего трона?

— «Прлил кровь» — фигура речи, которая, наверное, звучит красиво, но ясности не привносит, — сказал я. — Если ты утверждаешь, что мистер Лессинхэм кого-то убил, то самой верной и надежной мезтью станет обращение к слушателям закона.

— Чем мне поможет закон англичан?

— Если докажешь, что Лессинхэм виновен в убийстве, закон будет весьма полезен. Уверяю, в подобной ситуации закону англичан все равно, что за человек перед ним. Докажи, что Пол Лессинхэм виновен, и болтаться ему на виселице так же, как какому-нибудь Биллу Брауну.

— Это правда?

— Правда, и если тебе того захочется, то подтверждение не заставит себя ждать.

Он поднял голову и уставился перед собой, столь гневно сверкая выразительными глазами, что мне стало не по себе.

— Его покроют позором?

— Еще каким позором.

— Перед всеми?

— Всеми-всеми — как господами, так и дамами.

— И его повесят?

— Если докажут, что он виновен в предумышленном убийстве, то да.

Его уродливое лицо засветилось дьявольским ликованием, отчего стало еще более отталкивающим, хотя, казалось бы, это уже невозможно. По всей видимости, я подкинул ему мысль, восхитившую его.

— Наверное, в конце я так и сделаю, но в конце! — Он распахнул глаза, а затем зажмурился, точно восторженно любуясь картиной, нарисованной ему воображением. Потом опять их открыл. — А пока я отомщу ему по-своему. Он уже знает, что отмщение идет за ним по пятам — у него есть все основания так считать. Он станет думать об этом днями и ночами, эта мука будет хуже смерти — да, многих смертей. Ибо он поймет, что ему не скрыться, что солнце исчезло с небосклона, что час за часом его будет душить страх, с утра до ночи, куда бы он ни обратил свой взор, — и в этом суть и дух моей мести, в том, что он почувствует, как каждый новый день несет ему смертные муки, а сама СМЕРТЬ, НАСТОЯЩАЯ СМЕРТЬ, все ближе и ближе... он предстанет пред ней, когда того пожелаю я!

Он говорил как вдохновенный безумец. Если хотя бы половину из этого он говорил всерьез — а по его виду и тону сомневаться в правдивости не приходилось! — то Пола Лессинхэма ждало многообещающее будущее; и, в сложившихся обстоятельствах, Марджори тоже. Именно эта промелькнувшая последней мысль заставила меня придержать коней. Либо фанатичного наглеца окоротит сам Лессинхэм или кто-то, кто выступит на его стороне, после чего, если им хватит сил причинить ему вред, вся его страстная речь будет пустым сотрясанием воздуха; либо необходимо предупредить Марджори, что в жизни ее суженого есть по меньшей мере один эпизод, на который, пока не стало слишком поздно, требуется пролить свет. Не может быть и речи о том, чтобы позволить Марджори навсегда связать свою судьбу с судьбой Апостола, не предупредив ее с самого начала, что его, во всех смыслах, преследуют тайны.

— Какие громкие слова!

Моя реплика остудила горячую кровь гостя. Он вновь вперил взгляд в пол и скрестил руки на груди.

— Молю хозяина о прощении. Моей ране не зарастаи.

— Кстати, в чем секрет происшествия, случившегося нынче поутру, — того казуса с тараканом?

Он тут же поднял глаза.

— С тараканом?.. Не понимаю, о чем речь.

— Ну, или с жуком?

— Жук! — Кажется, у него мгновенно сел голос: он просто выдохнул это слово.

— После твоего ухода мы, на листке бумаги, нашли великолепно выполненный рисунок жука, который, как я полагаю, был оставлен тобой... *Scaraboeus sacer*, священный скарабей, верно?

— Не знаю, о чем ты, хозяин.

— Эта находка оказала довольно необычное воздействие на мистера Лессинхэма. Итак, почему это произошло?

— Я ничего не знаю.

— О нет, знаешь — и прежде чем ты отсюда уйдешь, я намерен разобраться в вопросе.

Мой собеседник дрожал и озираясь, выказывая признаки крайней тревоги. Я не сомневался: в том древнем скарабее, столь часто возникающем в неизведанных по сей день тайнах египетской мифологии, имелось нечто, что было просто необходимо узнать, раз мимолетный взгляд на картуш¹ с его изображением — а рисунок весьма походил на творения этого рода — произвел столь сильное впечатление на такого хладнокровного человека, как Пол Лессинхэм: его поведение, по моему разумению, говорило само за себя. Я решил, если возможно, дойти до сути прямо здесь и сейчас.

— Послушай-ка, приятель. Человек я простой и говорю без обиняков — это нечто вроде моей страсти. Ты так же без обиняков излагаешь мне сведения, меня интересующие, или

¹ Картуш — декоративный мотив в виде полуразвернутого, часто с надорванными либо надрезанными краями рулона бумаги, свитка.

я применяю против тебя свою магию, а в этом случае, по моему, весьма вероятно, что тебе очень даже не поздоровится.

Я потянулся к рычагу и опять продемонстрировал электрический разряд. Он тут же затрясся вдвое сильнее.

— Хозяин, не знаю, о чем ты.

— Не лги мне... Ответь, по какой причине при виде изображения на листке Пол Лессинхэм весь позеленел да пожелтел.

— Спроси его, хозяин.

— Возможно, позже я именно так и поступлю. Но сейчас тебе держать ответ. Говори или берегись бури.

Я продолжил электрическое представление. Он гневно взирал на него, будто хотел остановить взглядом. Затем, словно устыдившись собственной трусости, неожиданно предпринял отчаянную попытку подавить свой страх — и преуспел сильнее, чем я ожидал или мне хотелось бы. Он взял себя в руки, призвав достоинство.

— Я дитя Исиды!

Я мгновенно понял, что он сказал это не для того, чтобы впечатлить меня, но дабы поднять себе дух.

— Дитя Исиды?.. Тогда мне очень жаль, что я не могу лично поздравить эту леди с таким отпрыском.

Стоило мне это произнести, как в его голосе зазвенела сталь, коей до этого не было:

— Молчать!.. Не ведаешь ты, о чем говоришь!.. Предупреждаю тебя, как когда-то Пола Лессинхэма: остерегайся, не переступай черту. Не уподобляйся ему, внемли мне.

— И чего я должен остерегаться — жука?

— Да, жука!

Если бы меня призвали к присяге, заставляя в присутствии свидетелей, к примеру, в адвокатской конторе, сделать заявление с описанием произошедшего, мне кажется, я бы и под страхом наказания вряд ли начертал на бумаге хотя бы слово. Никто не любит, когда его выставляют дураком либо когда он сам им выглядит; я до сих пор гадаю, действительно ли в том случае «дитя Исиды» пыталось меня одурачить. Видит бог, все, что я видел тогда, представлялось до-

статочно правдоподобным. Но чем больше с той поры утекает дней, тем сильнее я терзаюсь сомнениями, не было ли это умным манипулированием — так сказать, сверхъестественно изобретательным обманом — и ничем иным. Но если что-то в том и было, то — клянусь честью! — и впрямь есть многое на свете, что и не снилось нашим мудрецам. Это предположение открывает горизонты, непостижимые для здравого смысла.

Но так как я не под присягой и волен излагать события, как мне заблагорассудится, не опасаясь колес правосудия, то все произошло, кажется, следующим образом.

Я стоял спиной к столу, а гость был от меня метрах в трех. Горели все лампы, и вряд ли я не мог разглядеть, что творится прямо перед моим носом. Он ответил на мою издевку про жука тем, что повторил мое последнее слово и исчез — точнее, я увидел, как он на моих глазах обрел иную форму. Его свободное одеяние пало, но не успело оно долететь до земли, как из него появилось, или мне показалось, что появилось именно из него, чудовищное создание, похожее на жука, а сам гость пропал. Сразу оговорюсь по поводу размера. Когда я в первый раз увидел это существо, у меня сложилось впечатление, что оно с человека и стоит вроде бы на задних лапках, протянув передние в мою сторону. Но лишь только оно возникло передо мной, как принялось уменьшаться, да так быстро, что не прошло и нескольких секунд, как на полу лежал лишь ворох одежды, а на нем копошился воистину примечательный экземпляр жесткокрылого насекомого. Это был жук, наверное, сантиметров семнадцати толщиной и около тридцати в длину. Его панцирь сверкал ярко-зеленым золотом. Я отчетливо видел сложенные вдоль спины крылья, а так как они были слегка приподняты, я с секунды на секунду ожидал, что они распахнутся и жук взлетит.

Я был настолько потрясен — а кто бы не был? — что довольно долгое время никак не мог прийти в себя от изумления. Просто стоял и смотрел. Я знал о легендарных перевоплощениях Исиды, знал историю о вечном жуке, вышедшем из женского лона, и множество других сказаний, но

то превращение, коему я сейчас являлся свидетелем, представлялось чем-то новым, чего не найти даже в мифах. Если человек, с которым я только что разговаривал, исчез, то куда он делся? Если это сияющее существо появилось вместо него, то откуда оно взялось?

Я с такой уверенностью рассказываю это, ибо стоило изначальному удивлению схлынуть, я обрел ясность рассудка. Я чувствовал себя исследователем, случайно наткнувшимся на потрясающее, эпохальное открытие. Я понимал, что должен всецело воспользоваться столь невероятным случаем и напрямь весь свой умственный потенциал. Я не сводил глаз с существа, стремясь запечатлеть его образ в памяти. Полагаю, если бы люди умели снимать изображение с сетчатки — а они когда-нибудь научатся это делать, — получилась бы прекрасная фотография того, что я увидел. Несомненно, это было пластинчатое насекомое, один из навозников. Если не брать в расчет его чудовищный размер, то все характерные признаки были налицо: выпуклое тело, большая голова, выступающий клипеус¹. Более того, гладкость головы и переднеспинки указывали на женскую особь. Столь же несомненно то, что не только размер жука был особенным. Глаза его казались не просто необычайно примечательными, они сверкали, будто изнутри подсвечивались огнем: каким-то неописуемым образом они напомнили мне моего исчезнувшего гостя. Окраска жука потрясала великолепием: он, словно хамелеон, играл оттенками по собственному желанию. Не менее любопытна была суетивность жука. Он находился в беспрестанном смятении и, будто пытаясь избежать столь пристального осмотра, с каждой секундой вел себя все более и более беспокойно. Как я уже упомянул, мне то и дело казалось, что сейчас он взмоет вверх и начнет кружить по воздуху.

Все это время я раздумывал, что бы мне такое использовать для поимки насекомого. Я даже не исключал его убийства, и, в общем-то, жалею, что тогда не попытался его при-

¹ Клипеус (наличник) — передняя верхняя часть головы насекомых и пауков.

хлопнуть: у меня под рукой лежали десятки предметов, любым из которых я мог бы причинить ему существенный вред; однако в тот момент я видел только один способ заполучить его живым — накрыть большой жестяной канистрой из-под натровой извести. Она как раз стояла на полу слева от меня. Я, по возможности равнодушно, двинулся к ней, ни на миг не спуская взгляда со сверкающего чуда. Стоило мне пошевелиться, как волнение жука ощутимо возросло — он, так сказать, весь завибрировал от дрожи; засверкал всеми цветными чешуйками, будто покрытый множеством призм; принялся расправлять крылья, точно в конце концов решился воспользоваться ими. Схватив жестянку и отбросив ее крышку прочь, я кинулся вперед, не сводя глаз с намеченной жертвы. Крылья жука распахнулись, он должен был вот-вот взлететь, но опоздал. Не успел он оторваться от земли, как оказался под канистрой.

Оставался он под ней, пожалуй, лишь мгновение. В спешке я споткнулся и, пытаясь не растянуться плашмя на полу, был вынужден отпустить посудину. Но прежде чем руки мои оторвались от нее, она взмыла вверх, и пока я поднимался, жук, паривший в полуметре от меня, распухал и раздувался, пока не обрел прежних внушительных размеров, после чего будто облекся в человеческую форму, и в мгновение ока предо мной предстал, нагим с головы до пят, мой воистину разносторонний восточный друг. Отсутствие одежды открыло один поразительный факт: я глубоко заблуждался в вопросе определения его пола. У меня был не гость, а гостья, и, если судить по краткому взгляду, брошенному на ее тело, отнюдь не старая и не уродливая.

Ежели сие перевоплощение не изумляет, то дважды два — пять. Самый уравновешенный ученый наверняка утерял бы на время всякую невозмутимость и способность логически мыслить, будь он свидетелем столь скорой перемены, произошедшей под самым его носом. Я не просто лишился способности рассуждать — у меня перехватило дыхание: я мог только стоять, разинув рот. И пока я стоял, женщина, присев, подобрала свое одеяние и начала укутываться в него, после чего ретировалась в сторону двери, ведущей во

двор. Завидев этот последний маневр, я в некоторой мере пришел в себя. Резко вскочив, я кинулся, чтобы отрезать ей путь к бегству.

— Стоять! — закричал я.

Но она была слишком быстра. Стоило мне приблизиться, как она открыла дверь и выскочила прочь; больше того, она захлопнула ее прямо передо мной. Я так волновался, что довольно долго нащупывал ручку. Наконец, я тоже убежал из дома, но ее уже и след простыл. Правда, мне почудилось, что в дальнем конце двора темная фигура перелезает через ограду, и я ринулся туда с немыслимой скоростью. Вскрабкавшись на стену, я огляделся, но никого не было видно. Я прислушался, не убегает ли кто прочь, но царил тишина. Вся округа была целиком и полностью в распоряжении моего величества. Гостья испарилась. Я понимал, что лишь напрасно потеряю время, если брошусь за ней в погоню.

Я шел по двору обратно, когда Вудвилль, все еще пребывающий под покровом небес, очнулся и сел. Мое появление, кажется, пробудило его ото сна. Увидев меня, он протер глаза, зевнул и моргнул.

— Эй, где я? — спросил он не совсем без резона.

— Ты на земле — святой или проклятой: раздери меня черти, если я знаю, на какой из них! — но ты, брат, здесь.

— Господи!.. Что это со мной?! Понимаешь, голова раскалывается.

— Тебе меня ничем не удивить — ни тем, что у тебя есть, ни тем, чего у тебя нет: я уже наудивлялся вдосталь. Все, что тебе нужно, это капелька виски — да и мне тоже... только вот совсем не капелька! В моем случае поможет лишь бутылка, да и ее мало.

Я подцепил его под руку, и мы направились в лабораторию. А когда вошли, я закрыл дверь, запер ее на замок да еще засов опустил.

Глава 19

Леди в гневе

Дора Грейлинг стояла на пороге.

— Я сказала вашему слуге, что меня не надо сопровождать; к тому же я без тети. Надеюсь, я вам не помешала.

Помешала — чертовски помешала; и я едва не сообщил ей об этом. Она вошла в комнату, глаза сияли, она лучилась от счастья: даже невзрачные девицы весьма привлекательны в таком настроении.

— Так я мешаю?.. По-моему, да.

Не дойдя до меня метра три, она протянула мне руку; я не поспешил сердечно ее пожать, и Дора, покачав головой, соорудила гримаску.

— Что с вами такое?.. Вам нездоровится?

Она не ошиблась: чувствовал я себя скверно. Так скверно, как может чувствовать себя вполне здоровый человек, и всякий, в ком есть хоть капля проницательности, сразу бы увидел это. В то же время, я не собирался показывать ничего подобного при даме.

— Благодарю, я совершенно здоров.

— Тогда, на вашем месте, я бы попыталась избавиться от такого совершенства; немного несовершенства пошло бы вам на пользу.

— Боюсь, я не из тех, кому вообще что-то идет на пользу: разве я не признался вам в этом вчера?

— Кажется, вы говорили нечто подобное — весьма любезно с вашей стороны напомнить мне об этом. Но не забыли ли вы кое о чем, что еще мне вчера сказали?

— Неужели вы и правда думаете, я помню все глупости, срывающиеся с моего языка?

— Ну спасибо... С меня довольно... Прощайте.

Она повернулась, будто собираясь уйти.

— Мисс Грейлинг!

— Да, мистер Атертон?

— Да, мистер Атертон?

— Что случилось?.. Что я сказал не так?

— Вы пригласили меня посетить ваш дом сегодня утром — не это ли вы назвали глупостью, сорвавшейся с языка?

Приглашение успело вылететь у меня из головы, я это понял — и лицо меня выдавало.

— Вы про меня забыли? — Ее щеки вспыхнули, глаза сверкнули. — Простите за недогадливость: я должна была сообщить, что все это притворство и не стоит воспринимать его всерьез.

Она была на полпути к двери, когда я остановил ее: для этого мне пришлось взять ее за плечо.

— Мисс Грейлинг!.. Не судите меня строго.

— Мне приходится... Разве есть на свете что-то хуже, чем незваный — и неожиданный — гость?

— Ну вот, еще и это... Если бы вы знали, сквозь что я прошел со времени нашего с вами вчерашнего разговора, вы бы нашли в себе силы смириться со мной.

— Правда?.. Так сквозь что вы прошли?

Я замешкался. Я, конечно, совсем не намеревался рассказывать ей, что на самом деле случилось ночью. Прежде всего, мне не хотелось выглядеть большим безумцем, чем я уже наверняка был в ее глазах, но в то же время у меня никак не получалось состряпать достаточно правдоподобную историю о деяниях моего ночного посетителя, не оставляющую сомнений в абсолютном здравомыслии рассказчика. Посему я уклонился от ответа — или попытался это сделать:

— Во-первых... я не спал.

Действительно — ни секунды. Когда я наконец попал в постель, «в агонии ужасной всю ночь пролежал»¹, страдая от худшего из кошмаров — кошмара человека, мучающегося от бессонницы. Перед моими воспаленными глазами то и дело возникала странная фигура Безымянного существа. Я часто смеялся над рассказами о людях, видевших приви-

¹ Строка из стихотворения Томаса Гуда «Сон Евгения Арама» (пер. В. Буренина).

дений, — и вот я сделался одним из таких людей. Ощущения мои не стали приятнее, когда мне почти удалось себя убедить, что если только у меня получится сохранить обычное для ученого наблюдателя отношение к предмету, я, по всей вероятности, разгадаю тайну моего восточного друга, и его экземпляр из отряда жесткокрылых будет пришпилен — огромнейшей булавкой! — к куску — к чудовищному куску! — пробки. Было жутко вспоминать, как мы с ним блефовали друг перед другом — в очередной раз доказав, что в подобной игре цивилизация обычно терпит поражение.

Дора не могла прочесть все это по моему лицу, но она что-то заметила — ее взгляд потеплел.

— Вы утомлены. — Кажется, она мысленно пыталась найти собственное объяснение происходящему. — Вас что-то беспокоило. — Она оглядела просторную лабораторию. — Вы провели ночь в этой... пещере мудреца?

— Именно.

— Ох!

В ее односложном восклицании таилось много смыслов. Не дожидаясь приглашения, она села в кресло — гигантское и древнее, обтянутое шагреновой кожей и способное вместить полдюжины таких, как она. Скромно приютившаяся в нем девушка выглядела милым воспоминанием, живым и немного осовремененным, о женщинах былых времен. Ее невинные серые глаза, казалось, понимали больше, чем хотели выразить.

— Как так вышло, что вы забыли о своем приглашении?... вы не желали моего прихода?

— Ничего подобного.

— Тогда почему забыли?

— Я не забыл.

— Не выкручивайтесь... Что-то здесь не так... скажите, что именно... Я пришла слишком рано?

— Отнюдь нет... вы не могли прийти слишком рано.

— Спасибо... Когда вы делаете комплимент, даже такой сдержанный, как сейчас, кажется, что вы не обманываете... Я пришла рано... точно, рано, но я все равно хочу пригласить вас на обед. Я сказала тете, что я вернусь домой вместе с вами.

— Вы слишком добры ко мне, я этого не заслуживаю.

— Возможно. — Она едва не впала в патетику. — Я думаю, что к некоторым мужчинам женщины относятся лучше, чем они того заслуживают. Не знаю, почему так. Наверное, это им нравится. Как странно! — Вдруг ее голос изменился — стал суше. — Вы забыли, зачем я здесь?

— Ничуть: я не такой негодяй, каким кажусь. Вы пришли полюбоваться демонстрацией моей милой выдумки для умерщвления собратьев. Однако ситуация такова — нынче я не в настроении: я успел надемонстрироваться по горло.

— Что это значит?

— Ну, к примеру, я убил кошку Лессинхэма.

— Кошку мистера Лессинхэма?

— Потом едва не покончил с Перси Вудвиллем.

— Мистер Атертон!.. К чему такие разговоры?

— Я говорю правду. Стоило мне случайно положить одну вещицу не на свое место, как он чуть не умер — избежал этого почти чудесным образом.

— Умоляю, перестаньте даже упоминать о подобном... Слышать этого не желаю.

Я удивленно воззрился на нее.

— Не желаете?.. Я думал, что вы пришли на это посмотреть.

— Господи, что вы хотели мне показать?

— Ну, по меньшей мере мне пришлось бы убить еще одну кошку.

— Вы полагаете, что я сидела бы и смотрела, как убивают кошку ради ... доказательства?

— Не обязательно кошку, но кого-то мне надо было бы убить: как продемонстрировать смертельные возможности оружия без такого рода экспериментов?

— Неужели вы вообразили, что я пришла сюда посмотреть, как кого-то убивают?

— А зачем тогда?

Понятия не имею, что в данном вопросе могло ее возмущать, однако, заслышав его, она вся заполыхала.

— Затем, что я дура.

Я застыл от изумления. То ли она не с той ноги встала, то ли я — то ли оба вместе. Вот сидит она тут и честит меня на чем свет стоит, а я-то, кажется, ни в чем не виноват.

— Вам нравится потешаться за мой счет.

— Я бы не посмел. Вы столь опрометчиво судите обо мне.

У меня не было настроения пререкаться. Я сделал шаг в сторону. Она тут же подскочила ко мне.

— Мистер Атертон?

— Да, мисс Грейлинг.

— Вы на меня сердитесь?

— С чего бы? Если вам нравится смеяться над моей глупостью, вам и карты в руки.

— Но вы не глупый.

— Нет?.. И вам не смешно.

— Вы не глупый... сами знаете, что нет; это я сглупила, когда попробовала вас в этом убедить.

— Как вы добры ко мне... Но, боюсь, я плохой хозяин. Хотя вы пришли сюда не за опытами, у меня есть и иные вещи, которые вас, наверное, позабавят.

— Почему вы продолжаете заноситься передо мной?

— Заноситься перед вами?!

— Вы всегда задираете нос... сами знаете, что это так. Иногда я вас почти ненавижу.

— Мисс Грейлинг!

— Да! Да! Ненавижу!

— В конце концов, что в том противоестественного?

— Все потому, что вы говорите со мной... будто я дитя, а вы... ох, даже не знаю, кто... Ладно, мистер Атертон, очень жаль, но мне пора вас покинуть. Мне чрезвычайно понравился этот визит. Остается лишь надеяться, что я не показалась вам слишком навязчивой.

Она вылетела — «вылететь» это единственно подходящее здесь слово! — прочь из комнаты, прежде чем я успел ее остановить. Я нагнал ее в коридоре.

— Мисс Грейлинг, умоляю вас...

— Пожалуйста, не надо меня умолять, мистер Атертон.

— Она встала как вкопанная и повернулась ко мне. — Я сама найду выход, как уже нашла вход, однако если это сей-

час невозможно, не будете ли вы столь любезны хотя бы не разговаривать, пока я не покинула ваш дом?

Подобного грубого намека было достаточно даже мне. Я молча проводил ее до крыльца; без единого слова отрясла она прах дома моего с ног своих.

Ох и натворил я дел. Я думал об этом, пока стоял у двери и смотрел ей вслед: удалялась Дора с такой огромной скоростью, что я не осмелился спросить, не кликнуть ли ей извозчика.

Мне начало казаться, что это как раз тот случай, когда, мягко говоря, необходимо прогуляться по набережной; я только-только вернулся в дом одеться потеплее, как подъехал экипаж, из которого вышел старый Линдон.

Глава 20

Удрученный отец

Мистер Линдон был взволнован: по нему сразу видно, когда это так, потому что, волнуясь, он начинает потеть, а как только он вышел из экипажа, то сразу снял шляпу и принялся вытирать платком ее подкладку.

— Атертон, мне надо с вами поговорить... очень серьезно... где-нибудь без свидетелей.

Я сопровождал его в лабораторию. У меня правило не принимать в ней гостей; это все же мастерская, а не игровая — там принято уединяться, однако с недавних пор все мои порядки превратились в пустой звук. Стоило Линдону очутиться внутри, как он начал пыхтеть и нервничать, утирать лоб и выпячивать грудь, будто его распирало от чувства собственной важности. Затем он заговорил во всю мощь своего голоса, отнюдь не тихого:

— Атертон, я... я всегда видел в вас как бы... сына.

— Вы очень добры.

— Всегда считал вас человеком... рассудительным; таким, что даст разумный совет, когда тот... весьма... и весьма желателен.

— Это тоже очень любезно с вашей стороны.

— И посему я не стану просить извинения за то, что пришел к вам в... как бы это сказать... в тяжкое для моего семейства время, в тот час в истории Линдонов, когда совершенно необходимы... необходимы деликатность и здравый смысл.

На сей раз я удовлетворился кивком. Я уже предвидел, к чему идет дело; так сложилось, что мне легче сохранять ясность ума в беседах с мужчинами, а не с женщинами: с первыми мне намного легче понять, на каких позициях я стою.

— Что вам известно об этом типе, о Лессинхэме?

Я знал, что Линдон заговорит о нем.

Я знал, что Линдон заговорит о нем.

— Не больше, чем остальному миру.

— А что о нем известно остальному миру?.. Таков мой вопрос! Крикун, ханжа, пустозвон, выскочка — вот что о нем знает весь мир. Этот человек — политический авантюрист: в погоне за славой, сомнительной и преступной, потакает прихотям своих соотечественников. Он начисто лишен достоинства, совершенно беспринципен, ему чужды всякие устремления настоящего джентльмена. Что вы знаете о нем, помимо этого?

— Я не готов допустить, что вообще был в курсе изложенного вами.

— Ну нет, все это для вас не ново!.. не мелите ерунду!.. вам по нраву покрывать этого типа! Я от своих слов не отказываюсь — никогда не отказывался и не собираюсь... Что вам известно о нем самом, а не о его политической карьере: что вы знаете о его семье... о личной жизни?

— Хорошо... знаю я не очень много.

— Ну конечно!.. все мало что о нем знают! Этот человек как гриб — точно, как поганка! — выскочил откуда-то однажды ночью, не иначе, как из грязной канавы... Так-то, сударь, ему не только ума не достает, он и вести себя не умеет, даже притвориться не в силах.

Линдон довел себя до иступления, и лицо его покрылось не слишком приятной на вид мешаниной алых и пурпурных пятен. Он бухнулся в кресло, разбросал полы пальто, раскинул руки и продолжил начатое:

— Семейство Линдонов представлено, на данный момент, одной юной... леди... моей дочерью, сэр. По ней судят обо мне, и ее долг следить за тем, чтобы обо мне не судили превратно, — так-то, сударь! Больше того, но это пусть останется между нами, сэр, она обязана выйти замуж. Мое состояние только мое, и мне не хотелось бы, чтобы его заполучил по той или иной причине один из моих братьев. Ума у них не палата, и... и мне, как ни крути, родство с ними чести не делает. Дочь моя, сэр, может выйти замуж за кого угодно — как ей будет угодно! В Англии не найдется никого, ни пэра, ни сэра, кто не оценил бы чести взять ее в жены... Я

так ей и сказал... да, сударь, так и сказал ей, хотя вы... вы наверняка подумали, что уж ей-то и говорить об этом не требуется. Однако что, по-вашему, она сделала? Она... она взяла и... не могу сдержаться и не назвать это так... взяла и связалась с этим типом, с Лессинхемом!

— О нет!

— Говорю вам, да!.. богом клянусь, такого я не желал. Я... я не раз предупреждал ее, что он негодяй; приказывал... приказывал ей забыть про него раз и навсегда. Но, как... как вы видели вчера вечером в Парламенте... перед всеми членами Палаты общин, после всего пустого вздора, что он нес там, без единого проблеска здравого смысла или предложения, способного... способного выдержать критику, она вдруг ушла с ним, так нарочито и... позорно взяв его... под руку, тем самым презрев... да, презрев собственного отца... Как чудовищно для родителя — для отца! — терпеть подобное обращение от своего отпрыска.

Бедолага до блеска натирал лоб носовым платком.

— Пришел я домой и... и высказал ей все, что думаю... уж поверьте мне на слово... рассказал, что думаю о нем... я с ней не миндальничал. Бывают в жизни случаи, когда надо говорить начистоту — и это один из них. Я раз и навсегда запретил ей приближаться к этому типу, даже показывать, что узнала его, если на улице вдруг встретятся. Я совершенно серьезно объяснил ей, что он законченный негодяй — вот так и не иначе! — что он замарает всякого, кто коснется его хоть предлинным шестом... И что, вы думаете, она ответила?

— Не сомневаюсь, что обещала слушаться вас.

— Как же, сударь!.. Боже ты мой!.. Вот как, оказывается, вы ее знаете!.. Она сказала, и, клянусь всем святым, по тому, как она это сделала и... чем продолжила, всякий бы подумал, что это она мать, а я ее дитя — она сказала, что я... я ее огорчаю, что она во мне разочаровалась, что времена нынче не те... да, сударь, времена переменялись!.. что в наши дни родители не русские крепостники, нет, сэр, — отнюдь не крепостники!.. сказала, ей жаль, что ей приходится идти мне наперекор, да, сэр, так вот она выразилась, ей

жаль, что она мне наперекор пойдет, но вопрос решен, она не откажется от столь долгой и ценной для нее дружбы просто из-за моих... моих необоснованных предрассудков... и... и... и... короче говоря, она послала меня к черту, сударь!

— А вы...

Я чуть не спросил, пошел ли он, — но вовремя сдержался.

— Давайте взглянем на все это как люди светские. Что вы имеете против Лессинхэма, если не считать его политических воззрений? — спросил я.

— В том-то и дело, что ничего такого я не знаю.

— Но разве это в некотором смысле не говорит в его пользу?

— Не понимаю, с чего вы это взяли. Я... я не стану скрывать от вас, что навел... кое-какие справки. Он не был членом Парламента в течение шести лет, хотя сейчас там повторно — выскочил, точно черт из табакерки. В первый раз он избирался в Гарвиче¹ — округ от него не отказался, и много же хорошего он ему принес! — но как вышло, что он начал представлять это место и где он был до избрания, кажется, никто не имеет ни малейшего понятия.

— Разве он не был известным путешественником?

— Никогда об этом не слышал.

— Не изучал ли он Восток?

— Это он вам рассказал?

— Нет... просто интересуюсь. Ну, по-моему, раз ничего плохого о человеке неизвестно, дело оборачивается в его пользу!

— Милый мой Сидней, не говорите вздор. Это всего-навсего доказывает, что сам он никто и из себя ничего не представляет. Был бы он кем-то выдающимся, мы бы о нем хоть что-нибудь слышали — хорошее или плохое. Я не хочу, чтобы моя дочь вышла замуж за человека, который... который... возник из ниоткуда, и все это просто потому, что мне нечего ей возразить. Чччч-черт побери, да я б ее скорее за вас отдал.

¹ Гарвич (в современном звучании Харидж) — город-порт в Эссексе.

Стоило ему это произнести, как сердце мое гулко заби-
лось. Мне пришлось спрятать глаза.

— Боюсь, об этом не может быть и речи.

Он прервал свою тираду и покосился на меня.

— Почему?

Я почувствовал, что если не буду следить за языком, то мне конец — к тому же, вероятно, судя по его настроению, конец и Марджори.

— Дорогой мой Линдон, не в моих силах выразить, как я вам благодарен за ваше предположение, но мне остается лишь повторить, что — к несчастью — ни о чем подобном не может быть и речи.

— Не понимаю, по какой причине.

— Так вышло.

— Вы... вы достойная партия, верьте мне на слово.

— Боюсь, так и есть.

— Я... я хочу, чтобы вы сказали моей дочери, что Лес-
синхэм отпетый негодяй.

— Я понял... Но осмелюсь предположить, что если мне придется использовать то влияние, которое, по вашему мнению, я имею на мисс Линдон, наилучшим образом и не потерять его, вряд ли у меня получится изложить факты яснее, чем это делаете вы.

— Мне все равно, как вы все изложите: излагайте как угодно. Только... только я хочу, чтобы после вашего разговора она возненавидела этого типа; я... я... я хочу, чтобы вы расписали его во всей красе; честно... честно говоря, я мечтаю, чтобы вы его раздавили.

Пока Линдон продолжал сражение со своим языком и каплями пота на лбу, вошел Эдвардс. Я повернулся к нему:

— В чем дело?

— Мисс Линдон, сэр, желает увидаться с вами — наедине и немедленно.

В ту минуту мне показалось, что явилась она немного не вовремя, а вот Линдон пришел в восторг. Он принялся запинаться и заикаться:

— Т-т-то что надо!.. л-л-лучше и быть не могло!.. п-п-приглашайте ее сюда! М-м-меня спрячьте... все равно, где...

за ширму! В-в-влияние на нее используйте; п-п-поговорите с ней хорошенько; с-с-скажите все, как я велел; а в... в... в нужный момент я выйду, и потом... потом будет странно, если мы все не уладим.

Это предложение ошеломило меня.

— Но, дорогой мой мистер Линдон, боюсь, я не могу...

Он оборвал меня:

— Она уже близко!

Не успел я опомниться, как он скрылся за ширмой: я никогда не подозревал, что он так проворен! — только-только я рот открыл его окликнуть, как в комнату вошла Марджори. В ее осанке, лице и глазах было нечто такое, от чего мое сердце неистово забилося: она выглядела так, будто вся жизнь изменилась и радость покинула ее.

Глава 21

Ужас в ночи

— Сидней! — воскликнула она. — Я так рада наконец вас увидеть!

Может, она и была рада — а вот я, в тот момент, не считал себя готовым разделить эту радость с ней.

— Я предупреждала вас, что если меня постигнет беда, я приду к вам, и... несчастье случилось. Такое престранное.

У меня все тоже было престранно — и обескураживающе. Вдруг мне в голову пришла идея, как перехитрить ее подслушивающего отца.

— Пойдемте в гостиную, там вы мне все расскажете.

Марджори отказалась перемещаться:

— Нет... я расскажу все здесь. — Она огляделась, что показалось мне весьма подозрительным. — Именно в таких местах делятся историями, похожими на мою. Здесь необычно.

— Но...

— Никаких «но»! Сидней, не мучайте меня... я не хочу никуда идти... разве вы не видите, что я загнана в угол?

Она уже успела сесть в кресло, но после этих слов поднялась, взмахнула перед собой руками, выказывая чрезвычайное волнение: движения ее были столь же нервными, как и речь.

— Что вы на меня так смотрите? Думаете, с ума сошла?.. Мне и самой так кажется... Сидней, могут ли люди неожиданно лишаться рассудка? Вы человек разносторонний и даже немного врач, пощупайте мой пульс — вот! — и скажите, не больна ли я!

Я взял ее за запястье: сердце быстро билось, но я и без того видел, что ее лихорадит. Я подал ей стакан. Она подняла его на уровень глаз:

— Что это?

— Лечебный отвар моего приготовления. Вы, наверное, никогда этого не замечали, но временами в голове моей буря. Я пью его в качестве успокоительного. Вам он не повредит.

Она выпила все до дна.

— Мне уже полегчало — да, полегчало; вы настоящий доктор... Ладно, Сидней, надо мной едва не разразилась гроза. Вчера вечером папá запретил мне разговаривать с Полом Лессинхэмом — и это только прелюдия.

— Вот-вот. Мистер Линдон...

— Да, мистер Линдон... мой папá. По-моему, мы едва не поссорились. Знаете, он говорил какие-то несусветные вещи... но он всегда такой... склонен говорить несусразицу. Он лучший отец на свете, но... не в его характере любить по-настоящему умных людей; этот старый добрый сухарь-тори никогда таких не привлекал; я всегда считала, что именно поэтому он так к вам привязан.

— Благодарю, вероятно, поэтому, хотя подобная причина никогда не приходила мне в голову.

С самого появления Марджори у меня, я только и делал, что думал о сложившейся ситуации. Взвесив все, я пришел к выводу, что ее отец, пусть он и скрывается за ширмой, имеет не меньше прав услышать мнение дочери, чем я, к тому же не исключено, что горькая истина из ее уст поможет прояснить ситуацию. Вряд ли это ухудшит жизнь девушки. Я не имел ни малейшего понятия, что было настоящей целью ее визита.

Она, как мне показалось, неожиданно сменила тему:

— Рассказывала ли я вам, что произошло вчера утром... о случае с незнакомцем?

— Ни слова не проронили.

— Значит, только собиралась... Мне сейчас кажется, что это он накликал несчастье. Нет ли какого-нибудь суеверия, связанного с бедами, что обрушиваются на того, кто приютит бездомного бродягу?

— Надеюсь, что нет, иначе человечности конец.

— Я думаю, что есть... чувствую, что не может не быть... Ладно, слушайте, что стряслось. Вчера утром перед завтра-

ком — между восьмью и девятью часами, если быть точной — я выглянула в окно и увидела, что на улице толпится народ. Я послала Питера узнать, в чем дело. Он вернулся и рассказал, что там упал человек. Я вышла взглянуть на несчастного. В самом сердце толпы на земле лежал мужчина, и если бы не изорванная в клочья тряпка, когда-то, по-видимому, бывшая плащом, он оказался бы совершенно голым. Его всего покрывала грязь, и пыль, и кровь — жуткое зрелище. Знаете, я когда-то проходила краткий курс первой помощи пострадавшим, и мне подумалось, что раз вроде бы никто желания вмешаться не выражает, а человек все равно что при смерти, я могу попробовать применить знания на практике. Я тут же опустилась рядом с ним на колени; как вы думаете, что он мне сказал?

— Спасибо.

— Не угадали... Станным, треснувшим голосом он прохрипел: «Пол Лессинхэм». Я ужасно перепугалась. Я услышала, как совершенно незнакомый человек, в таком состоянии и именно таким образом, произносит имя Пола — передо мной, а не кем-то другим! — и это ошеломило меня. Полицейский, придерживающий его голову, заметил: «Он в первый раз что-то сказал. Я-то думал, он умер». Незнакомец заговорил опять. По телу его прошла судорога, и он вскрикнул, невероятно искренне и громко, так, что вопль достиг ушей всех на улице: «Берегись, Пол Лессинхэм, берегись!» Наверное, это глупо с моей стороны, но сложно описать, как на меня подействовало все вместе взятое: его слова и то, каким манером они были сказаны. Ну, не буду вдаваться в подробности; я приказала принести его в наш дом, искупать и уложить в постель, а сама послала за доктором. Врач не смог ничем помочь. Он сообщил, что незнакомец, кажется, страдает от некоего каталептического припадка; по-моему, он, как и я, счел этот случай весьма любопытным.

— Вы рассказали отцу, что у вас в хозяйстве прибавление?

Она взглянула на меня — удивленно.

— Видите ли, если у вас такой отец, как мой, — ответила она, — не стоит выкладывать ему все сразу. Есть случаи,

когда необходимо повременить.

Мне подумалось, что старому Линдону будет полезно услышать подобное мнение.

— Вчера вечером, после того, как мы с папá обменялись кое-какими любезностями — надеюсь, что они удовлетворили его, так как все обернулось не в мою пользу, — я пошла навестить больного. Мне сказали, что за все время он ничего не выпил и не съел, просто лежал и молчал. Однако стоило мне приблизиться к кровати, как он начал проявлять признаки возбуждения. Приподнявшись на подушке, он заговорил, как будто выступая перед обширным собранием; мне не передать то жуткое впечатление, какое производили его голос и лицо: «Пол Лессинхэм!.. Берегись!.. Жук!..»

Я вздрогнул, услышав это.

— Вы уверены, что он сказал именно так?

— Это совершенно точно. Полагаете, я смогу это забыть, особенно после того, что случилось дальше? Его слова и сейчас звенят у меня в ушах... они неотступно меня преследуют.

Она руками закрыла лицо, словно стараясь отгородиться от чего-то перед ее глазами. Я сильнее и сильнее убеждался, что необходимо разузнать о связи Апостола с его точным другом все от и до.

— Вы не могли бы описать незнакомца, этого вашего больного?

Я не был уверен, правильно ли догадался, кто этот джентльмен; ее слова развеяли сомнения, но вместе с тем поставили передо мной иные загадки.

— Кажется, ему за тридцать, но нет сорока. У него светлые волосы и неухоженные рыжеватые бакенбарды. Он очень худой, одна кожа да кости; доктор говорит, он голодал.

— Значит, светловолосый с рыжеватыми бакенбардами. Вы уверены, что они не накладные?

Она распахнула глаза.

— Конечно, они настоящие. С чего бы им быть другими?

— Он не показался вам... иностранцем?

— Точно нет. Выглядит он как англичанин, да и говорит так же, и, скажу я вам, он не из низов. Не буду отрицать, есть в его речи, в том, что я слышала, нечто очень странное, необычное, но не чужеземное. Если он и страдает от каталепсии, то от такой, что мне в новинку. Вы когда-нибудь сталкивались с ясновидцами? — Я кивнул. — Мне кажется, он в некоем трансе. Доктор, конечно, посмеялся, когда я это при нем предположила, но мы-то знаем, что за птицы эти врачи, и я по-прежнему думаю, он в именно таком состоянии. Когда он заговорил вчера вечером, мне почудилось, что он находится, как это принято называть, под гипнозом, и что тот, кто его загипнотизировал, заставляет его говорить против воли: слова срывались с его губ, как будто нечто мучительно их выдавливало.

Обладая определенными знаниями, я поразился, к какому замечательному умозаключению она сумела прийти благодаря одной только интуиции; тем не менее, я решил не показывать ей, что это так.

— Милая моя Марджори!.. вы же гордились тем, на каком коротком поводке держите свое воображение!.. не позволяйте себе делать скоропалительных выводов!

— Неужели сам факт того, что я горжусь этим, не подтверждает мою неспособность говорить что-то наобум; как же вы не понимаете? Послушайте. Когда я ушла от одра того несчастного, предварительно послав за сиделкой и поручив ей ухаживать за ним, и вернулась в свою спальню, мною овладела абсолютная уверенность в том, что над Полом нависла ужасная, непостижимая, но от этого не менее реальная опасность.

— Не забывайте, вечером вы переволновались, к тому же повздорили с отцом. Слова больного стали кульминацией произошедшего.

— Именно так я все себе объяснила... точнее, старалась себе внушить, потому что, хотя это нехарактерно для меня, я потеряла способность рассуждать логически.

— Определенно.

— А вот и нет... по крайней мере не в том смысле, что вы вкладываете в это слово. Сидней, вы можете надо мной

смеяться, но меня посетило совершенно неопишное ощущение, едва ли не осознание, что я нахожусь рядом с чем-то сверхъестественным.

— Чепуха!

— Вовсе нет, хотя жаль, это не так. Как я уже сказала, я не сомневалась, ни капли не сомневалась, что Полу угрожает страшная опасность. Я не знала, какая, но была убеждена, что это нечто кошмарное, нечто такое, от чего тут же бросает в дрожь. Я хотела кинуться ему на помощь, даже не раз пыталась сделать это; но не могла, знала, что не могу: у меня не получалось и пальцем пошевелить ради его спасения... Ничего не говорите... дайте мне закончить!.. Я убеждала себя, что это нелепо, но сама себе не верила; глупо это или нет, но в комнате со мной находилось что-то ужасное. Я опустилась на колени и принялась молиться, но дар речи покинул меня. Я пыталась попросить Бога снять бремя с моего разума, но желания мои не складывались в слова, язык мой парализовало. Не знаю, сколько это продлилось, и наконец я поняла, что по какой-то причине Господь оставил меня бороться в одиночестве. Итак, я поднялась, разделась и легла в постель — и тут случилось самое худшее. В первом приступе страха я успела отослать горничную прочь, опасаясь и, кажется, стыдясь, что она увидит мой испуг. Теперь я бы все на свете отдала, чтобы позвать ее обратно, но я была беспомощна, не могла даже позвонить в колокольчик. Так вот, как я упомянула, я отправилась в постель...

Она замолчала, словно собираясь с мыслями. Слушать ее и думать о страданиях, ею перенесенных, было для меня нестерпимой мукой. Я отдал бы что угодно, лишь бы сжать ее в объятиях и отогнать все страхи. Я знал, что истеричность ей чужда и ее не так легко ввести в заблуждение, и, пусть это прозвучит невероятно, я был глубоко убежден, что даже самые дикие подробности ее рассказа являлись правдой. Выяснить, что именно лежит в их основе, было задачей, которую мне предстояло решить любой ценой и в кратчайшие сроки.

— Вы помните, что всегда смеялись над моей боязнью... тараканов, а появление майских жуков по весне вечно при-

водило меня в ужас. Как только я легла, я почувствовала, что в комнате что-то в этом роде.

— В каком роде?

— Там был какой-то... жук. Я слышала, как шелестят его крылья; слышала, как он жужжит; ощущала, что он кружится у меня над головой; спускается все ниже и ниже, приближаясь ко мне. Я спряталась; нырнула с головой под одеяло — затем почувствовала, как он шлепнулся сверху на белье. Ох, Сидней! — Она придвинулась. При виде ее побелевших щек и испуганных глаз сердце мое обливалось кровью. Голос ее казался эхом его привычного звучания. — Оно преследовало меня!

— Марджори!

— Оно пролезло между простынями.

— Вам это померещилось!

— Ничего подобного. Я слышала, как оно рыскает по одеялу в поисках прохода, а затем оно поползло ко мне. Я почувствовала его у себя... на лице... Оно до сих пор там.

— Где?

Она подняла указательный палец левой руки.

— Там!.. Не слышите, как оно жужжит?

Она принялась вслушиваться. Я последовал ее примеру. Это может показаться странным, но я тоже уловил, как жужжит какое-то насекомое.

— Да это пчела, крошка, она влетела в открытое окно.

— Хотела бы я, чтобы это оказалось просто пчелой, но... Сидней, неужели вы не ощущаете некое присутствие зла? Разве не желали бы вы выбраться отсюда, вернуться в лоно Господа?

— Марджори!

— Молитесь, Сидней, молитесь!.. А я не могу!.. Не знаю причины, но не могу!

Она обвила руками мою шею и в порыве безумного волнения прижалась ко мне. Я тоже чуть было не поддался ее неистовому возбуждению. Это было так непохоже на Марджори: я бы жизнь положил за то, чтобы избавить ее от мук. Она неустанно повторяла одно и то же, будто что-то ее притуждало к этому.

— Молись, Сидней, молись!

Наконец я подчинился ей. Это, по крайней мере, не должно было повредить нам — ни разу не слышал о ком-то, кто пострадал от молитвы. Я начал читать «Отче наш» — впервые за долгие годы. Пока священные слова, довольно неуверенно, сходили с моих губ, я заметил, что Марджори перестала дрожать. Стала спокойнее. Когда наконец я достиг последней строки «да избавь нас от лукавого», она отпустила меня и упала на колени у моих ног, произнося со мною хором:

— Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.

Молитва отзвучала, мы оба смолкли. Она — со склоненной головой и сцепленными ладонями; я — с затрепетавшими сердечными струнами: уже много-много лет не ощущал я подобного, это было едва ли не материнское прикосновение; смею признаться, что иногда она и впрямь протягивает мне руку, оттуда, со своего места промеж ангелов, дабы смягчить мое сердце, и ничего подобного я более не знаю.

Средь затянувшегося молчания я случайно перевел взгляд и обнаружил, что из своего укрытия за ширмой за нами подглядывает старик Линдон. Его крупное красное лицо так вытянулось от изумления и замешательства, что я, остро прочувствовав всю нелепость ситуации, с большим трудом удержался от смеха. Судя по всему, наш вид ничуть не разогнал туман в его голове, ибо он принялся заикаться, вероятно, думая, что шепчет:

— Она что... ум-ма л-л-лишилась?

Прошептал — наверное, прошептал — он это так, что его дочь не могла не услышать вопроса. Марджори вздрогнула; подняла голову; вскочила на ноги; повернулась — и увидела отца.

— Папа!

Вдруг ее батюшкой овладел неумный приступ заикания:

— К-к-какого ч-ч-черта ту-тут п-п-происходит?

Ее ответ оказался достаточно откровенен — полагаю, что ее родитель нашел его ясным до рези в глазах:

— Это мой черед спрашивать, что тут происходит! Неужели вы могли — все время — действительно прятаться за этой... ширмой?

Если я не ошибаюсь, под прямым взглядом дочери старик сыграл труса — и попытался прикрыться взрывом страстей:

— Не... не смей г-говорить со мной по-подобным манером, ты не-неблагодарная девчонка!.. Я тебе отец!

— Конечно, вы мой отец, хотя до этой минуты я не подозревала, что мой отец способен тайком подслушивать.

От ярости он онемел — или, в любом случае, предпочел заставить нас поверить, что продолжает молчать именно по этой причине. Тогда Марджори повернулась ко мне — и, честно говоря, такого я желал меньше всего на свете. Смотрела она на меня совершенно по-иному, чем за миг до того: она стала не просто вежливой, она стала ледяной.

— Должна ли я сделать вывод, мистер Атертон, что все здесь происходило с вашего согласия? Что вы терпеливо выслушивали, как я без всяких ограничений изливаю вам душу, и — каждую секунду — знали, что за ширмой прячется человек?

Внезапно я остро осознал, что сыграл свою роль в этом подлейшем обмане, и мне захотелось вышвырнуть старого Линдона в окно.

— Не я все это затеял. Имей я такую возможность, я бы принудил мистера Линдона встретить вас лицом к лицу, когда вы пришли сюда. Но ваш несчастный вид заставил меня потерять голову. И, справедливости ради, вспомните, как я попытался увести вас в другую комнату.

— Но я вроде бы не припоминаю ни единого намека на то, что я должна последовать за вами по определенной причине.

— Вы мне и слова вставить не дали.

— Сидней! У меня в мыслях не было, что вы способны сыграть со мной такую шутку!

Когда она сказала это — и каким тоном! — женщина, которую люблю! — я был готов размозжить себе голову о стену. Что я за скотина так подло с ней поступать!

Поняв, что я разбит, она опять повернулась лицом к отцу, спокойная, холодная, величественная: совершенно неожиданно она вновь стала Марджори, которую я знал. Отец и дочь вели себя абсолютно по-разному. Если забыть про внешние черты, их несходство изумляло, и что бы там ни случилось далее, было ясно, что пострадает старик.

— Я надеюсь, папá, сейчас вы меня уверите, что это всего лишь недоразумение и что вы не имели ни малейшего намерения подслушивать у замочной скважины. Что бы вы подумали — и сказали, — если бы я попробовала шпионить за вами? Я всегда полагала, что мужчины очень щепетильны в вопросах чести.

Старый Линдон только и мог, что лопотать: ему явно не хватало сноровки обмениваться репликами с острой на язык девицей.

— Н-не разговаривай со мной т-так, девчонка!.. П-помоему, ты сошла с ума! — Он обратился ко мне: — Ч-что за чепуху она тут перед вами несла?

— Что именно вы имеете в виду?

— Того дря-дрянного жука и б-Бог знает что еще... б-больные и ж-жуткие фантазии... н-начиталась бульварных книжонок!.. Никогда не думал, что мое дитя может п-пасть так низко!.. Итак, Атертон, прошу ответить мне начистоту... что вы думаете о ребенке, ведущем себя подобным образом? Кто способен п-притащить в дом безымянного бродягу и скры-скрыть это от отца? И з-заметьте, это не все! даже бродяга предупреждает ее, что Лессинхэм н-негодяй!.. Ну, Атертон, скажите, что вы думаете о девочке, которая так поступает? — Я пожал плечами. — Я... я прекрасно знаю, что вы н-на самом деле о ней думаете... не бойтесь, говорите, на нее внимания не обращайте.

— Ну же, Сидней, смелее.

Я видел, как зажглись ее глаза: она вся, надо сказать, засияла в лучах отцовского недовольства.

— Давайте послушаем, что вы о ней думаете, к-как ч-человек просвещенный!

— Сидней, давайте, выкладывайте!

— Кем вы ее считаете в глубине... в глубине своей души?!

— Да, Сидней, что там у вас в глубине души?

Барышня прямо-таки источала бессердечную любезность — она потешалась надо мной. Отец повернулся к ней, будто бы во гневе:

— Н-не смей говорить, когда к тебе не обращаются! Атертон, я... я надеюсь, что не обманулся в вас; н-надеюсь, вы тот, кем я... я вас считаю; что вы охотно и... и с готовностью сыграете роль ч-честного друга для этой за-запутавшейся дурочки. С-сейчас не время м-миндальничать, с-сейчас время говорить прямо. Скажите этой... этой слабоумной девице, как на духу, является или нет Пол Лессинхэм подлым негодяем.

— Папá!.. Вы считаете, что мнение Сиднея, или ваше мнение, может повлиять на положение вещей?

— Слышите, Атертон, скажите этой несчастной правду!

— Милый мой мистер Линдон, я уже говорил вам, что про мистера Лессинхэма мне не известно ничего такого, чего бы не знал весь мир.

— Именно... Весь мир знает, что он несчастный авантюрист, задумавший окрутить мою дочь.

— Раз вы на меня так давите, я вынужден сказать, что, по-моему, вы употребляете излишне крепкие выражения.

— Атертон, мне... мне стыдно за вас!

— Видите, Сидней, даже папá за вас стыдно; теперь мы с вами не станем считаться... Дорогой папочка, если мне будет позволено говорить, то я заявлю, что мне известна правда, только правда и ничего, кроме правды... То, что мистер Лессинхэм человек больших талантов, не обсуждается... с вашего дозволения, отец! Он гений. Человек достойный. У него высокие амбиции и благороднейшие цели. Он посвятил всю свою жизнь улучшению условий существования тех сограждан, кому повезло меньше, чем нам. Как по мне, так ради этого стоит работать. Он попросил меня разделить с ним жизненный труд, и я согласилась сделать это по первому его призыву. И я не отступлюсь. Я не думаю, что все происходившее с ним ранее безупречно. У ме-

ня нет иллюзий на сей счет. А кто из нас не таков? Кто из нас может заявить, что безгрешен? Даже члены аристократических семейств временами прячутся за ширмами. Но я уверен, что он лучший из всех знакомых мне людей, я убеждена, что никогда не встречу того, кто его превзойдет, и я благодарю Бога, что мистер Лессинхэм тоже во мне что-то нашел... До свидания, Сидней... До скорой встречи, папá.

Она попрощалась с нами легчайшим кивком и направилась прямо к двери. Линдон хотел ее остановить.

— Н-не уходи, т-т-т-ты...

Но я поймал его за руку.

— На вашем месте я бы отпустил ее. Вряд ли стоит умолять сказанное.

— Атертон, в-вы разочаровали меня. Вы... вы сделали все не так, как было нужно. Я обратился к вам за поддержкой, н-но не получил ее.

— Милый мой Линдон, сдается мне, ваш способ заставить юную леди свернуть с избранного ею пути лишь разозлил ее и укрепил желание упрямо идти дальше.

— П-проклятые бабы! К-каться они все к чертям! С-скажу вам по с-секрету, в-временами ее мамаша была ведьмой, и дь-дьявол меня раздери, если дочка не похуже будет... Что за вздор она здесь несла? С ума сошла, что ли?

— Нет... не думаю.

— Никогда не слышал ничего подобного, даже кровь в жилах застыла. Что не так с этой девчонкой?

— Ладно... простите, что я это говорю, но, по-моему, вы плохо разбираетесь в женщинах.

— Н-не разбираюсь, д-да и не х-хочу разбираться.

Я помедлил, но все же решился приврать — ради Марджори.

— Марджори девушка нервная... необыкновенно чувствительная. Ее воображение мгновенно разгорается. Вероятно, вчера вечером вы разволновали ее до предела. Вы сами слышали, как она впоследствии страдала. Вы же не хотите, чтобы кругом говорили, что вы довели дочь до приюта для умалишенных.

— Я... господа, нет! — я... я пошлю за врачом, как только доберусь до дома, я... я найму лучших докторов города.

— Ничего подобного вы не сделаете... это только усугубит положение. Что вам на самом деле необходимо, так это стать терпимее и оставить ее в покое... А что касается отношений с Лессинхэмом, то есть у меня подозрение, что не все так гладко, как ей видится.

— Это вы о чем?

— Ни о чем. Мне лишь хочется донести до вас мысль, что пока у меня не будет новостей, вам лучше предоставить всему идти своим чередом. Пусть поступает, как ей нравится.

— Разрешить девчонке творить что угодно! Д-да разве она т-так всегда не п-поступала? — Он бросил взгляд на часы. — Ох, полдня прошло! — Он поспешил к выходу, я последовал за ним. — У нас в клубе заседание комитета, о-очень важное! Они неделями кормили нас хуже некуда, вы такого и не пробовали... ж-желудок мой расстроен, я... им так и скажу, что если... все останется по-прежнему, врача... врача они мне сами оплатят... А что до того типа, до Лессинхэма...

Он произнес это, открывая входную дверь, а за ней на крыльце стоял «этот тип» Лессинхэм собственной персоной. Видели бы вы Линдона! Но Апостол и глазом не моргнул. Просто протянул руку.

— Доброе утро, мистер Линдон. Что за чудесный денек!

Линдон спрятал свою руку за спину — поступка глупее он совершить не мог.

— Мистер Лессинхэм, с этой минуты и впредь я вас не знаю и не собираюсь узнавать где-либо при встрече, и то, что я говорю, относится в равной мере ко всем членам моей семьи.

В шляпе, съехавшей на затылок, Линдон сошествовал с крыльца, надутый, как индюк.

Глава 22

Преследуемый

Лессинхэм не выдал ни малейшего признака замешательства, будто получать столь неучтивые отказы со стороны потенциального тестя было для него делом самым обычным. Насколько я мог судить, он вообще не обратил внимания на происшествие и вел себя, словно ничего не случилось. Просто подождав, пока мистер Линдон отойдет от крыльца на приличное расстояние, он повернулся ко мне и спокойно заметил:

— Вероятно, я опять не вовремя... Позвольте?

Один его вид привел меня в крайнее негодование, и, на какую-то долю секунды, я решил, что лучше мне промолчать. Я отчетливо осознал, что нам прежде всего необходимо объясниться — и немедленно. Судьба не могла прислать его в более благоприятный момент. Если, до того как он уйдет, мы не найдем взаимопонимания по некоторым вопросам, вина за это будет лежать не на мне. Не произнося ни слова, я резко повернулся и повел его в лабораторию.

Не знаю, заметил ли он что-нибудь необычное в моем поведении. Оказавшись в комнате, он огляделся, улыбаясь, по своему обыкновению, одними губами: именно эта его улыбка не раз рождала во мне определенное недоверие.

— Вы всегда принимаете гостей здесь?

— Ни в коем случае.

— А это еще что?

Наклонившись, он подобрал с пола какой-то предмет. В его руках была дамская сумочка — великолепная, блистающая золотом вещица из малиновой кожи. Я не мог сказать, принадлежала она Марджори или мисс Грейлинг. Пока я ее осматривал, он не сводил с меня взгляда.

— Это ваше?

— Нет. Не мое.

Положив шляпу и перчатки на один стул, он — весьма вальяжно — разместился на другом. Скрестив ноги и сцепив руки у колен, он сидел и смотрел на меня. Я прекрасно понимал, что он наблюдает за мной, но перенес это молча, втайне желая, чтобы он заговорил первым.

Он сделал это, кажется, вдоволь на меня налюбовавшись:

— Атертон, что с вами такое?.. Я чем-нибудь вас тоже оскорбил?

— Почему вы спрашиваете?

— Вы ведете себя немного непривычно.

— Вы так думаете?

— Да.

— Зачем вы здесь?

— Вот сейчас просто так... Мне нравится знать, что вокруг меня происходит.

Держался он учтиво, легко, даже грациозно. Он переиграл меня. Я знал его достаточно хорошо, чтобы не сомневаться: если он ушел в защиту, то первый удар следует нанести мне самому. И я ударил.

— Мне тоже нравится знать, что происходит вокруг... Лессинхэм, мне известно — и вы знаете о моей осведомленности — что вы делали некие авансы мисс Линдон. Вот этой историей я искренне интересуюсь.

— В каком... качестве?

— Семейства Линдонов и Атертонов знакомы не одно поколение. Мы с Марджори Линдон дружим с детских лет. Она смотрит на меня как на брата...

— Как на брата?

— Как на брата.

— Ясно.

— Мистер Линдон относится ко мне как к сыну. Он полностью мне доверяет; как мне кажется, вы знаете, что и Марджори доверяет мне; а теперь я хочу, чтобы мне доверились вы.

— Что вы желаете знать?

— Я бы хотел объяснить свою позицию, прежде чем скажу вам то, что намереваюсь сказать, ибо между нами не должно остаться неясностей... Я искренне убежден, что для

меня самое главное на этом свете — видеть Марджори Линдон счастливой. Если я бы полагал, что она будет с вами счастлива, я бы сказал, да благослови вас обоих Господь! И поздравил бы от всей души, потому что думаю, что вы получите себе в жены лучшую девушку в мире.

— Я тоже так думаю.

— Но, прежде чем я это сделаю, мне необходимо знать, есть ли хотя бы один шанс на то, что она будет счастлива с вами.

— Почему она должна быть несчастна?

— Вы ответите на мой вопрос?

— Какой?

— Что за случай из вашей жизни держит вас в таком ужасном страхе?

Последовало довольно длинное молчание, прежде чем он заговорил:

— Поясните, о чем вы.

— Ничего пояснять не надо — вы прекрасно знаете, о чем речь.

— Вы наделяете меня сверхъестественным чутьем.

— Не паясничайте, Лессинхэм, отвечайте честно!

— Честны должны быть оба собеседника... Наверное, вы сами не осознаете, но есть кое-что в вашей искренности, что некоторым не без резона придется не по душе.

— Что вам не по душе?

— Все зависит от вас. Если вы самонадеянно присваиваете себе право вставать между мной и мисс Линдон, то я категорически против этого.

— Отвечайте на вопрос!

— Я не буду отвечать на вопросы, заданные таким тоном.

Он оставался совершенно спокоен. Я осознал, что вот-вот потеряю самообладание — а этого я ничуть не хотел. Я пристально смотрел на него, он — на меня. На лице его не было никаких терзаний нечистой совести; никогда в жизни я не видел его столь уверенным в себе. Он улыбнулся — одними губами, и в улыбке я, кажется, прочитал насмешку. Не буду утверждать, что он выказывал хотя бы малейшее негодование; взгляд его был дружелюбным, мягким,

чего я никогда не замечал в этом человеке доселе — я едва не заподозрил, что симпатичен ему.

— Вы должны понимать, сейчас я говорю и за мистера Линдона тоже.

— Продолжайте.

— Конечно, вы обязаны осознавать, что прежде чем речь пойдет о браке с Марджори Линдон, жениху придется уверить всех, что в его прошлом, как говорится, нет никаких скелетов в шкафу.

— Даже так?.. И у вас нет скелетов?

Я осекся.

— В любом случае ему должно быть нечего скрывать.

— Да?.. Уж простите, но отчего-то я в этом сомневаюсь. Вряд ли такое можно сказать про неглупого человека и при этом не соврать. У всех нас бывало такое, о чем лучше не распространяться.

Я ощутил всю правду его слов и, на какое-то мгновение, растерялся.

— Но случай случаю рознь, и когда доходит до того, что человека начинает преследовать прошлое, пора подводить черту.

— Кого преследует прошлое?

— Вас.

Он поднялся.

— Атертон, кажется, я вас понял, но боюсь, вы не поняли меня. — Он подошел к полке, на которой стоял автоматический ртутно-поршневый насос. — Что это за любопытная конструкция из стеклянных трубочек и колб?

— Я не считаю, что вы действительно поняли меня, иначе вы бы видели, шутить я не намерен.

— Это какая-то выхлопная система?

— Лессинхэм, голубчик, я полностью к вашим услугам. Я настроен так, что вам не уйти отсюда, не ответив на мой вопрос, однако, в данную минуту, вы мой гость. Итак, в моей лаборатории имеется немало интереснейших вещей, которые вам было бы любопытно увидеть.

— Как же чудесно сознавать, что человеческий разум не стоит на месте и совершает открытия — одно за другим.

— Мы продвигаемся медленнее, чем ученые древнего мира.

— В каком отношении?

— К примеру, возьмем трансфигурацию жука... я своими глазами видел ее вчера ночью.

— Где?

— Здесь, в паре шагов от того места, где вы стоите.

— Вы серьезно?

— Совершенно.

— Что вы видели?

— Я стал свидетелем легендарной трансфигурации жука, произошедшей прямо передо мной: ни один миф не сумел передать ее потрясающее величие.

— Как странно. Я сам как-то видел нечто подобное.

— Я так и понял.

— Каким образом?

— Один ваш друг поведал.

— Мой друг?.. Вы уверены, что это был мой друг?

Следует отдать должное его попытке сохранить хладнокровие — но меня она не провела. Я, без сомнения, заметил, как он подозревает меня в стремлении обманом выудить у него его тайну, я же, в свою очередь, не преминул убедиться, что вырвать ее можно лишь ценой его жизни. Если бы не Марджори, я бы оставил его в покое: это его дело, в конце концов; в то же время я совершенно ясно осознавал, что этот человек скрывает нечто такое, что мне, как ученому и исследователю, стоило бы узнать. Однако повторю: не будь Марджори, я бы не стал копать дальше; но раз это столь близко ее затрагивало, я все сильнее желал знать, в чем суть.

Мой разум открыт к тому, что принято обозначать как сверхъестественное. Я ничуть не сомневаюсь, что на этом свете бывает всякое: я и сам, за свою короткую жизнь, повидал немало таких случаев, когда невозможное становилось возможным. Вряд ли нам известно все; я считаю по меньшей мере правдоподобным утверждение о том, что наши пра-пра-пра-пра-праотцы, жившие тысячи лет назад и представлявшие теперь уже вымершие цивилизации, разбира-

лись в некоторых вопросах гораздо лучше нас. Сомнительно, что все легенды лживы.

Да, нам сейчас не повторить и не объяснить того, на что якобы были способны наши предки, потому мы открыто признаем несостоятельность таких рассказов и восклицаем «Вранье!». Но все не так просто.

Скажу только о себе: я верю своим глазам. Я лицезрел некий хитроумный трюк, разыгранный передо мной. Подобный фокус, кажется, видела и моя Марджори — повторяю, я пишу «моя Марджори», потому что для меня она навсегда останется «моей»! Это происшествие едва не свело ее с ума. Когда я смотрел на Лессинхэма, мне мнилось, что рядом с ним стоит и она, такая, какой недавно предстала передо мной: с побледневшим, изнуренным лицом, с глазами, в которых застыл немой крик ужаса. Ее жизнь оказалась прочно связана с жизнью Лессинхэма — что за яд, приносящий кошмары, разлит в его венах? Мысль о том, что ее невинная чистота тоже погружается в дьявольское болото, в котором уже барахтается он, была непереносима. Когда я понял, что в этой игре мне его не одолеть — хотя ставки в ней так высоки! — руки мои зачесались от желания сдавить ему горло и добиться правды иным путем.

Без сомнения, эти чувства были написаны у меня на лице, потому что вскоре Лессинхэм произнес:

— Вы понимаете, каким странным взглядом вы смотрите на меня, Атертон? Окажись перед вами не я, а зеркало, вы бы сами изумились тому, что там увидели.

Я отпрянул от него — смею предположить, весьма утрюмо.

— Вряд ли бы мое изумление превзошло ваше, доведись вам увидеть себя — трясущегося перед картинкой со скарабеем.

— Как легко вы затеваете ссоры.

— Ничего подобного.

— Значит, это я. Если так, тогда давайте сразу забудем о возникшем недоразумении: оп! — и все в прошлом. Боюсь, мистер Линдон, ввиду наших политических расхождений, зовет меня анафемой. Неужели ему удалось заразить вас

своим настроем?.. Ведь вы мудрее его.

— Я знаю, вы прекрасно жонглируете словами. Но сейчас одними словами не обойтись.

— А что тогда нужно?

— Я сам начинаю недоумевать по этому поводу.

— Я тоже.

— Как вы любезно изволили предположить, я считаю себя мудрее Линдона. Мне нет никакого дела до вашей политики или до того, что вы под ней подразумеваете. Мне все равно, замарал вас свет — как остальных, как меня — или нет! Однако меня действительно заботит, не схоже ли это с проказой. Мне кажется, что да.

— Атертон!

— С самого начала нашего знакомства я чувствовал, что в вас есть нечто странное, хотя и не мог поставить диагноз; есть в вас нечто нездоровое, выходящее за рамки обычно-го, неестественное — ваша особая аура. В последние несколько дней события вокруг вас завертелись с огромной скоростью. В их ярком свете я с тяжелым сердцем увидел, как эта ваша особенность проявила себя. Пока вы не дадите всему удовлетворительного объяснения, вам придется отказаться от брака с мисс Линдон, иначе я сам расскажу ей то, что знаю, и, при необходимости, поведаю об этом целому миру.

Он ощутимо побледнел, однако улыбнулся — одними губами.

— Любопытная у вас манера вести разговор, мистер Атертон... О каком вихре событий вы говорите?

— Кто был тот практически нагой человек, покинувший ваш дом столь странным образом в глубокой ночи?

— Это и есть одна из тех историй, которыми вы вознамерились пощекотать нервы публике?

— Это и есть то единственное объяснение, что вы можете дать?

— Вперед, выдвигайте свои обвинения дальше.

— Я гораздо наблюдательнее, чем вы, кажется, предполагаете. Тот случай немало заинтересовал меня по нескольким причинам, и с тех пор я не могу перестать думать о нем.

Безрассудно называть, как вы сделали вчера утром, это происшествие обычным ограблением, а его главного виновника безумцем.

— Извините, ничего подобного я не говорил.

— Тогда что вы имели в виду?

— У меня не было никаких теорий по этому поводу, их нет и сейчас. Все эти утверждения исходят от вас.

— Вы сами не были на себя похожи, когда просили меня молчать о случившемся. Это позволило мне прийти к некоторым выводам.

— Вы предвзято отнеслись к тому, что я делал, мистер Атертон. Как по мне, в том не было ничего неестественного... Однако... продолжайте.

Он завел руки за спину и положил их на край стола, у которого стоял. Ему было откровенно не по себе; однако мне, как бы того ни хотелось, по-прежнему не удавалось выбить его из колеи — ни морально, ни интеллектуально.

— Что это у вас за друг с Востока?

— Я вас не понимаю.

— Уверены?

— Абсолютно. Повторите свой вопрос.

— Кто ваш друг с Востока?

— Не припоминаю таких друзей.

— Вы готовы в этом поклясться?

Он засмеялся — весьма натянуто:

— Вы пытаетесь меня запутать? Вы слишком пылко взялись за дело. Сначала позвольте мне уловить истинную суть ваших расспросов, лишь затем я смогу клятвенно вас заверить в чем бы то ни было.

— Известно ли вам, что в данный момент в Лондоне некая персона утверждает, что когда-то на Востоке была очень близко — и любопытным образом — с вами знакома?

— Я этого не знал.

— Вы клянетесь?

— Клянусь.

— Это странно.

— Что в этом странного?

— Я предполагал, что эта личность вас преследует.

— Преследует меня?
— Именно.
— Вы шутите.
— Думаете?.. Вспомните изображение скарабея, которое вчера утром напугало вас чуть не до безумия.
— Вы слишком сильно выразились... Я понял, о чем вы.
— Иными словами, вы хотите сказать, вам неизвестно, что этим вы обязаны своему восточному другу?
— Я не понимаю вас.
— Уверены?
— Конечно... Мне кажется, мистер Атертон, это вам, а не мне, следует прояснить ситуацию. Знаете ли вы, что я пришел к вам именно за тем, чтобы спросить, как именно то изображение попало в вашу комнату?
— Его оставил Повелитель Жука.
Это было чистой импровизацией — но она попала в точку.
— Повелитель... — Он запнулся — и умолк. Но не проявил признаков волнения. — Буду с вами откровенен, раз вы мечтали об откровенности. — Улыбался он на сей раз с гораздо большим трудом. — Недавно я стал жертвой наваждений, — он сделал паузу, — особого толка. Я испугался, что они появились из-за моего умственного переутомления. Неужели вы можете раскрыть их настоящий источник?
Я молчал. Он не потерял самоконтроля, однако подергивание губ выдавало напряжение. Еще немного, и мне удалось бы раскрыть другую сторону личности мистера Лессингэма — ту, что он прятал от остального мира.
— Кто тот... человек, которого вы называете моим... восточным другом?
— Это ваш друг, вам лучше знать, кто это.
— Как выглядел тот мужчина?
— Я не говорил, что это мужчина.
— Но я понял, что это не женщина.
— Я так не говорил.
Кажется, у него, на долю секунды, перехватило дыхание, и он взглянул на меня отнюдь не добрыми глазами. Затем, продемонстрировав похвальную выдержку, он пода-

вил эмоции, вернув столь идущее ему достоинство.

— Атертон, сознательно или нет, но вы очень несправедливы ко мне. Не знаю, что именно вы обо мне думаете и на чем основаны эти убеждения, однако уверяю вас от чистого сердца: я не менее достойный, честный и хороший человек, чем вы.

— Но вас преследуют.

— Преследуют? — Он держался прямо и смотрел мне в глаза. Вдруг его тело содрогнулось; рот перекосило; он мгновенно побагровел. Его шатнуло к столу. — Да, господи, это правда: за мной следят.

— Значит, либо вы сумасшедший и потому не можете жениться, либо какой-то ваш поступок не позволяет вам оставаться в достаточно обширных границах цивилизованного общества, и, следовательно, вы тем более жениться не можете. Перед вами дилемма.

— Я... я жертва наваждения.

— Каков характер этого наваждения? Не приняло ли оно форму... жука?

— Атертон!

Совершенно для меня неожиданно он упал... и видоизменился — я не могу подобрать иного слова для произошедшего с ним превращения. Он бессильно рухнул на пол, воздел руки над головой и заскулил — как обезумевшее животное. Сложно вообразить более неприятное зрелище, чем предстало передо мной. Я видел нечто подобное в обитых войлоком комнатах сумасшедшего дома, но нигде более. Нервы мои от этой сцены оказались натянуты до предела.

— Ради Бога, что с вами такое, сударь? Вы окончательно и бесповоротно обезумели? Вот... выпейте!

Я наполнил стакан бренди и втиснул его в дрожащие пальцы Лессинхэма. Затем мне понадобилось несколько секунд, чтобы объяснить, что именно следует делать с полупеченым. Наконец он поднес стакан к губам и проглотил содержимое так, будто пил простую воду. Мало-помалу рассудок вернулся к нему. Он поднялся — и осмотрелся вокруг с улыбкой воистину ужасной.

— Это... это все галлюцинация.

— В таком случае вас посещают довольно странные видения.

Я глядел на него с любопытством. Было очевидно, что он собирает волю в кулак, пытаясь прийти в себя, — и все это время жуткая ухмылка не сходила с его уст.

— Атертон, не... не терзайте меня. — Я молчал. — Кто... кто этот ваш восточный друг?

— Мой восточный друг?.. разве не ваш? Сначала я предположил, что этот мой визитер был мужчиной, но оказалось, ко мне приходила женщина.

— Женщина?.. Ох... Не могли бы пояснить?

— Ну, лицо у друга было мужское — удивительно уродливое, слава богам, такие на каждом углу не встречаются!.. и голос был мужской — вроде того!.. но тело, как вчера ночью мне удалось рассмотреть, принадлежало женщине.

— Это звучит весьма странно. — Он прикрыл глаза. Я видел, как на его щеках блестит испарина. — Вы... вы верите в колдовство?

— Смотря что вы имеете в виду.

— Доводилось ли вам слышать про обеа¹?

— Да.

— Мне говорили, что жрец обеа может наложить такие чары на человека, что тот станет исполнять любые его — этого колдуна — приказания. Вы думаете, такое возможно?

— Это не тот вопрос, на который я предрасположен отвечать положительно или отрицательно.

Он бросил на меня взгляд из-под полуопущенных век. Мне пришло в голову, что он пытается меня заболтать и тем самым тянет время.

— Помню, читал я как-то книгу «Малоизученные заблуждения головного мозга», — продолжал он. — Там было много интересных сведений о галлюцинациях.

— Возможно.

— А теперь ответьте мне честно: вы бы мне посоветовали отдаться в руки психопатолога?

¹ Обеа — верования народов Багамских островов, близкие к вуду и сантерии.

— Если вы о своем душевном здоровье, то я не думаю, что вы сошли с ума.

— Нет?.. Приятно слышать. Безумие — самая страшная из всех болезней... Ладно, Атертон, не смею вас больше задерживать. По правде говоря, в своем я уме или нет, чувствую себя отвратительно. Кажется, пора мне взять отпуск.

Он потянулся за шляпой и зонтом.

— Вам необходимо еще кое-что сделать, — остановил я его.

— Что?

— Вы обязаны отказаться от мыслей о браке с мисс Линдон.

— Дорогой мой Атертон, если здоровье меня подведет, мне будет не до чего — совсем не до чего!

Он сопроводил свои слова едва заметным трагическим жестом.

— Поймите меня правильно, Лессинхэм. Остальное меня не заботит. Все мои мысли о мисс Линдон. Прежде чем вы уйдете, пообещайте разорвать помолвку с ней сегодня же днем.

Он успел повернуться ко мне спиной.

— Настанет время, и вас будет мучить совесть из-за того, как вы со мной обходитесь: вы обязательно поймете, какой я несчастный человек, — проговорил он.

— Я и сейчас это понимаю. Именно по этой причине мне так хочется, чтобы тень вашего злого рока не пала на невинную девушку.

Он обернулся.

— Атертон, каковы на самом деле ваши отношения с мисс Линдон?

— Она считает меня братом.

— А вы считаете ее сестрой? Вы испытываете к ней одни лишь братские чувства?

— Вам известно, что я ее люблю.

— Вы полагаете, мой уход расчистит вам дорогу?

— Ничего подобного у меня в мыслях нет. Можете мне не верить, но я желаю ей только счастья, и, конечно, если вы ее любите, вы хотите того же.

— Это так. — Он замолчал. Его лицо стало печальным: я не подозревал, что он способен на подобные эмоции. — Это верно до такой степени, что вам и не снилось. Однако никто не любит принуждение, особенно от человека, коего он почитает — могу ли я так выразиться? — за вероятного соперника. Но я скажу вам больше. Если проклятье, обрушившееся на меня, не отступит, я не женюсь на ней — Боже упаси, чтобы она связала свою судьбу с моей, — ни за что на свете.

Он прервался. Я промолчал. Вскоре он продолжил:

— Когда я был моложе, я пал жертвой... похожего наваждения. Но оно кануло в прошлое — много лет минуло с той поры; я думал, с ним покончено раз и навсегда. Однако недавно оно вернулось — и вы тому свидетель. Мне необходимо узнать причину его повторного появления; если от него вообще не избавиться или даже просто не избавиться сразу, я не только, как вы выразились, откажусь от мыслей о браке с мисс Линдон, но и от любых других моих мечтаний. А пока дело не прояснится, я намерен держаться с мисс Линдон как самый обычный знакомый.

— Вы обещаете?

— Обещаю... Вы же, Атертон, со своей стороны, постарайтесь тем временем обращаться со мной деликатнее. Вам еще рано обо мне судить. Вы поймете, что я не тот злосчастный виновник всех бед, каким вы меня воображаете. Для самолюбия нет большей раны, чем слишком поздно осознать, насколько несправедливы вы были к ближнему своему. Подумайте о том, что сейчас мир лежит у моих ног и какково мне будет, когда — по прихотливому повороту колеса фортуны — мне придется от всего этого отказаться.

Он опять собрался уходить. Но остановился и огляделся, будто прислушиваясь.

— Что это?

В комнате раздавалось жужжание; я вспомнил, что когда Марджори рассказывала о своих ночных переживаниях, я тоже слышал, как жужжит насекомое. Лишь только уши Апостола уловили этот звук, как он вновь переменился в лице — на него было жалко смотреть. Я поспешил к нему.

— Лессинхэм!.. не глупите!.. здесь нечего бояться!

Правой рукой он схватил меня за левую руку, и мне показалось, что мое предплечье сдавили тисками.

— Значит... пора мне выпить еще бренди, — ответил он.

К счастью, с моего места я дотягивался до бутылки, ибо сомневаюсь, что он ослабил бы хватку и отпустил меня. Я протянул ему спиртное и стакан. Он плеснул себе щедрую порцию. Пока он поглощал ее, жужжание стихло. Лессинхэм поставил опустевший бокал.

— Если человек ищет прибежище в алкоголе, лишь бы не сорваться, значит, дело плохо, тут уж не сомневайтесь; однако вам не приходилось каждую минуту ждать встречи с дьяволом с глазу на глаз.

Он вновь повернулся к двери — и на сей раз действительно ушел. Я не стал провожать его. Просто послушал, как он идет по коридору и закрывает за собой входную дверь. Затем я расположился в кресле, вытянув перед собой ноги и засунув руки в брючные карманы, и погрузился в размышления.

Я просидел так, наверное, минуты четыре или пять, пока меня не прервал слабый шум где-то поблизости. Оглядевшись, я заметил, что через открытое окно ко мне влетел листок бумаги. Он приземлился недалеко от моих ног. Я поднял его. Это было изображение жука — копия той самой гравюры, что вчера оказала столь необычное воздействие на мистера Лессинхэма.

«Если это предназначалось Святому Павлу, то пришло с опозданием; впрочем...»

Я услышал, как кто-то идет по коридору к двери лаборатории. Я думал, что это вернулся Апостол, — но приятно обманулся в ожиданиях. Ко мне пришла гостья. Мисс Грейлинг. С красными как розы щеками, она застыла на пороге.

— Надеюсь, что не помешала вам в очередной раз, но... я забыла здесь сумочку. — Она остановилась, а затем, будто невзначай, добавила: — И... мне бы хотелось, чтобы вы пошли со мной обедать.

Я запер листок с жуком в ящике стола — и пообедал с Дорой Грейлинг.

Оглавление

Книга первая. ДОМ С ОТКРЫТЫМ ОКНОМ

Глава 1. Снаружи	8
Глава 2. Внутри	14
Глава 3. Человек на кровати	21
Глава 4. Одинокое бдение	26
Глава 5. Как совершить кражу со взломом	32
Глава 6. Необычное преступление	41
Глава 7. Великий Пол Лессинхэм	49
Глава 8. Человек на улице	57
Глава 9. Письма	60

Книга вторая. ПРЕСЛЕДУЕМЫЙ

Глава 10. Отвергнутый	66
Глава 11. Полночное происшествие	73
Глава 12. Утренний гость	80
Глава 13. Гравюра	86
Глава 14. На балу у герцогини	99
Глава 15. Мистер Лессинхэм выступает с речью	109

Глава 16. Волшебный пар Атертона	116
Глава 17. Магия?.. Или чудо?	125
Глава 18. Трансфигурация жука	128
Глава 19. Леди в гневе	144
Глава 20. Удрученный отец	150
Глава 21. Ужас в ночи	156
Глава 22. Преследуемый	169

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.